

с е т е в о й н а у ч н ы й ж у р н а л

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

R E S E A R C H R E S U L T T.1, №4(6), 2015.

СОЦИАЛЬНЫЕ
И ГУМАНИТАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

SOCIAL STUDIES
AND HUMANITIES

ISSN 2408-932X

сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

Сайт журнала:
rr.bsu.edu.ru

Том 1, №4(6). 2015

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Издается с 2014 г.
ISSN 2408-9346

Volume 1, № 4(6). 2015

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL
First published online: 2014
ISSN 2408-9346

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: Ольхов П.А., доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета

Заместитель главного редактора: Волкова О.А., доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной работы социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета

Заместитель главного редактора – выпускающий редактор: Мотовникова Е.Н. – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета

Редактор английских текстов: Ляшенко И.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Институт межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета

Ответственный секретарь: Мусаелян Е.Н., кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета

ЧЛЕНЫ РЕДАЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Жиров М.С., доктор педагогических наук, профессор кафедры социальной работы социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета

Липич Т.И., доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета

Майданский А.Д., доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета

Пенский В.В., доктор исторических наук, профессор кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета

Денисова И.В., кандидат исторических наук, директор музея Белгородского государственного национального исследовательского университета

Майданская И.А., кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета

Носова Т.В., кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета

Ряпухина В.Н., кандидат экономических наук, доцент кафедры стратегического управления Института экономики и менеджмента Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Пружинин Б.И., доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала «Вопросы философии», Россия – *председатель*

Антанасевич И., доктор филологических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой славистики филологического факультета государственного Белградского университета, Республика Сербия

Аронов А.А., доктор культурологии, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, истории культуры и музееведения Института культурологии и музееведения Московского государственного университета культуры и искусств, Россия

Атлагич С., доктор политических наук, доцент факультета политических наук государственного Белградского университета, Республика Сербия

Буксикова О.Б., доктор искусствоведения, заведующая кафедрой теории и методики хореографического искусства факультета режиссуры, актёрского искусства и хореографии Белгородского государственного института искусств и культуры, Россия

Быстрянец С.Б., доктор социологических наук, профессор кафедры истории и политологии Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Россия

EDITORIAL TEAM

Editor-in-chief: PAVEL A. OLKHOV, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, National Research University "Belgorod State University"

Deputy chief: OLGA A. VOLKOVA, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Social Work, Faculty of Theology and Social Sciences, National Research University "Belgorod State University"

Deputy chief – make-up editor: ELENA N. MOTOVNIKOVA, Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, National Research University "Belgorod State University"

English text editor: IGOR V. LYASHENKO, Ph.D. in philology, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, National Research University "Belgorod State University"

Executive secretary: ELENA N. MUSAEVYAN, Ph.D. in Education, Associate Professor, Department of Foreign Languages of Pedagogical Institute, National Research University "Belgorod State University"

EDITORIAL BOARD

Mikhail S. Zhironov, Doctor of Education, Professor of the Department of Social Work, Dean of the Faculty of Theology and Social Sciences, National Research University "Belgorod State University"

Tamara I. Lipich, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, National Research University "Belgorod State University"

Andrey D. Maidansky, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, National Research University "Belgorod State University"

Vitaly V. Pensky, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, National Research University "Belgorod State University"

Irina V. Denisova, Ph.D. in History, Director of the University Museum, National Research University "Belgorod State University"

Irina A. Maidansky, Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, National Research University "Belgorod State University"

Tatiana V. Nosova, PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, National Research University "Belgorod State University"

Victoria N. Ryapukhina, PhD in Economics, Associate Professor, Department of Strategic Management, Economics and Management Institute, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov

CONSULTING EDITORS

Boris I. Pruzhinin, Doctor of Philosophy, Professor, editor-in-chief of "Voprosy Filosofii", Russia – *Chairman*

Irina Antanasijević, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Philology, University of Belgrade, Republic of Serbia

Arkady A. Aronov, Doctor of Cultural Studies, Doctor of Education, Head of History, History of civilization and Museum management studies department, Institute of Cultural Studies and Museum management studies of Moscow State University of Arts and Humanities

Siniša Atlagić, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Sciences, State University of Belgrade, Republic of Serbia

Olga B. Buksikova, Doctor of Art study, Head of the department of theory and methodology of choreography, producing, dramatics and choreography faculty of Belgorod State Institute of Arts and Humanities

Sergey B. Bystryantsev, Doctor of Sociology, Professor, Department of History and Political Sciences, St. Petersburg State University of Economics

Sarah Wendt, Doctor of Science, Professor, Deputy Head of the Faculty of Psychology, Social Work and Social Policy, Chief Researcher at the Center for Gender Studies, the University of South Australia

Вендт С., доктор наук, профессор, заместитель руководителя факультета психологии, социальной работы и социальной политики, старший научный сотрудник Центра гендерных исследований Университета Южной Австралии, Австралийский Союз

Вересов Н.Н., доктор философии, кандидат психологических наук, профессор, университет Монаша, Австралийский Союз

Винчигуэрра Лоренцо, профессор философии и эстетики, Пикардийский университет Жюль Верна (Амьен), директор Центра искусствознания и эстетики, Франция

Денич (Михайлович) Сунчица М., доктор филологических наук, профессор, декан Педагогического факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Иванова И.И., доктор философских наук, профессор кафедры философии науки Кыргызско-Российского Славянского университета, Республика Кыргызстан

Исаев И.Ф., доктор педагогических наук, профессор, Почетный профессор Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Капицын В.М., доктор политических наук, профессор, профессор кафедры социологии и политологии Института переподготовки и повышения квалификации Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия

Кожемякин Е.А., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Короченский А.П., доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета

Лапина С.В., доктор социологических наук, заведующая кафедрой государственного управления социальной сферой и белорусоведения Академии управления при Президенте Республики Беларусь, Республика Беларусь

Липич В.В., доктор филологических наук, профессор кафедры филологии историко-филологического факультета Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Лобанов К.Н., доктор политических наук, профессор кафедры административно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России, Россия

Максимович Г., доктор филологических наук, профессор, декан философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Малай В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой международных отношений Института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Маркович Д., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Микешина Л.А., доктор философских наук, профессор, Почетный профессор Московского педагогического государственного университета, Россия

Митрович Л., доктор наук, профессор-эмеритус, Центр Балканских исследований, государственный Нишский университет, Республика Сербия

Ойтинен Веса, доктор философии, профессор-исследователь, Хельсинкский университет – Александровский институт, Финляндская Республика

Окладникова Е.А., доктор исторических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Россия

Порус В.Н., доктор философских наук, профессор, руководитель Школы философии, ведущий научный сотрудник Лаборатории исследования философии Центра фундаментальных исследований Национального Исследовательского университета «Высшая школа экономики», Россия

Романова А.П., доктор философских наук, профессор, директор Гуманитарного института Астраханского государственного университета, Россия

Старостенко К.В., доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, культурологии и политологии государственного университета – учебно-научно-производственного комплекса в г. Орле, Россия

Талига Х., кандидат философских наук, директор Taliga Consulting (Таллинн), эксперт Международной организации труда, Эстония

Хамидов А.А., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

Харченко В.К., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой филологии историко-филологического факультета Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Чжу Цзяньган, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой филологического факультета Университета Сучжоу (провинция Цзянсу), Китайская Народная Республика

Чович Б., доктор филологических наук, академик, профессор Паневропейского университета, Республика Сербская Босния и Герцеговина

Щедрин Т.Г., доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета, Россия

Юбара Анет, доктор философии, доцент Майнцского университета Иоганна Гуттенберга (земля Рейнланд-Пфальц), Федеративная Республика Германия

Nikolaj N. Veresov, Doctor of Philosophy, Ph.D. in Psychology, Professor, The Monash University, Australia

Lorenzo Vinciguerra, Professor of Philosophy and Aesthetics at the University of Picardie Jules Verne, Amiens, director of the Center for Research in Arts and Aesthetics – professeur de Philosophie et d'Esthétique à l'Université de Picardie Jules Verne d'Amiens, directeur du Centre de Recherches en Arts et Esthétique, France

Sunčica M. Denić (Mikhailović), Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Education, State University of Nis, Republic of Serbia

Irina I. Ivanova, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy of Science, the Kyrgyz-Russian Slavic University, Kyrgyz Republic

Ilya F. Isaev, Doctor of Education, Professor, Emeritus Professor of National Research University “Belgorod State University”

Vladimir M. Kapitsyn, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Sociology and Political Sciences, Institute for Professional Development, Lomonosov Moscow State University

Eugene A. Kozhemyakin, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Communication, Advertising and Public Relations, Faculty of Journalism, National Research University “Belgorod State University”

Alexander P. Korochensky, Doctor of Philology, Professor of the Department of Journalism of the Faculty of Journalism, National Research University “Belgorod State University”

Svetlana V. Lapina, Doctor of Sociology, Head of the Department of Public Administration and Social Sphere and Belarusian Studies, Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus

Vasily V. Lipich, Doctor of Philology, Professor of the Department of Philology of Pedagogical Institute, National Research University “Belgorod State University”

Konstantin N. Lobanov, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Administrative Law, Belgorod Law Institute of the Russian Interior Ministry, Russia

Goran Maksimović, Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

Vera V. Malai, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of International Relations and Ukrainian studies, Institute of Cross-cultural Communications and International Relations, National Research University “Belgorod State University”

Dejan Marković, Ph.D., Professor, Head of the Department of Russian Language and Literature, Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

Lyudmila A. Mikheshina, Doctor of Philosophy, Professor, Emeritus Professor of Moscow State Pedagogical University

Ljubiša Mitrović, Doctor of Science, Emeritus Professor at the Center for Balkan Studies, State University of Nis, Republic of Serbia

Vesa Oittinen, Doctor of Philosophy, Professor, University of Helsinki (Aleksanteri Institute), Finland

Elena A. Okladnikova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg

Vladimir N. Porus, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the School of Philosophy, a leading researcher of the Laboratory of research of Philosophy, Center for Basic Research of the National Research University "Higher School of Economics", Russia

Anna P. Romanova, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Humanities Institute, Astrakhan State University

Konstantin V. Starostenko, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology, Cultural Studies and Political sciences at the State University – Educational, Research and Manufacturing Complex in Oryol

Harri Taliga, PhD in Philosophy, Director of Taliga Consulting (Tallinn), International Labour Management Expert, Estonia

Alexander A. Khamidov, Doctor of Philosophy, Professor, Senior Researcher, Institute of Philosophy, Political Science and Religious Science, Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

Vera K. Kharchenko, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Philology of Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University

Zhu Tszyangan, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the department of Philology at the University of Suzhou, The People's Republic of China, Jiangsu Province

Branimir Čović, Doctor of Philology, Member of the Academy of Sciences, Professor of Pan-European University, Republika Srpska Bosnia and Herzegovina

Tatiana G. Shchedrina, Doctor of Philosophy, Professor of Moscow State Pedagogical University, Russia

Annett Jubara, Dr. Phil., Docent, The Johannes Gutenberg University of Mainz, Germany

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85. Журнал выходит 4 раза в год

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher professional education «Belgorod State National Research University»

Publisher: Belgorod State National Research University

Address of publisher: 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia

Publication frequency: 4 /year

СОДЕРЖАНИЕ

РИСКИ В ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМА ПРОГНОЗИРОВАНИЯ И УПРАВЛЕНИЯ

Полухин О. Н., Ольхов П. А. Проектные стратегии политического мышления (метанаучные доминанты)	5
Пружинин Б. И., Щедрина Т. Г. Методологические стратегии гуманитарных исследований и экспертиза: оценка социокультурных рисков	9
Тарабаева В. Б. Проблема рисков в инновационном развитии вузов современной России	12

ИССЛЕДОВАНИЯ

Болгов Н. Н. Поздняя античность: новые методологические подходы к переходной исторической эпохе	17
Крокинская О. К., Окладникова Е. А. «Книги и люди»: результаты социологического опроса по проблеме чтения на Санкт-Петербургском Международном книжном салоне 2015 года	20
Липич В. В., Липич Т. И. Романтическая парадигма Ф.М. Достоевского-реалиста	33
Майданский А. Д. Русский Левиафан и марксистская идея отмирания государства	37
Майданская И. А. Русские философы о принципах гуманизации человеческого бытия	45
Меринов В. Ю. Советская журналистика 30-нач.50-х годов как искусство соцреализма. Стихия и отрицательный персонаж	51

АРХИВ

Московкин В. М. К истории харьковского музыкального образования. Опыт систематического исследования (1910–1940 гг.) (окончание)	57
--	-----------

CONTENTS

RISKS IN CHANGING SOCIAL REALITIES: PROBLEM OF FORECASTING AND MANAGEMENT

Polukhin O. N., Olkhov P. A. Project strategies of political thought (meta- scientific dominants)	5
Pruzhinin B. I., Schedrina T. G. Methodological strategies of humanitarian research and expertise: assessment of socio-cultural risks	9
Tarabaeva V. B. A problem of risks of innovative development of higher education institutions in modern Russia	12

RESEARCHES

Bolgov N. N. Late Antiquity: New methodological approaches to transitional historical era	17
Krokinskaya O. K., Okladnikova E. A. "Books and people": results of the public polls on reading problems at the St Petersburg International Book Fair 2015	20
Lipich V. V., Lipich T. I. The romantic paradigm of realist Dostoyevsky	33
Maidansky A. D. Russian Leviathan and the Marxist idea of dying out of the State	37
Maidanskaya I. A. Russian philosophers on the principles of humanising human being	45
Merinov V. Yu. The soviet journalism of the years 30s – early 50s as the art of socialist realism. Spontaneity and a negative character	51

ARCHIVE

Moskovkin V. M. To the history of Kharkov music education. The experience of systematic research (1910-1940)	57
---	-----------

MISCELLANEOUS: СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ		MISCELLANEOUS: MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS	
Пенской В. В. «На свое на дело государево и на земское...»	70	Penskoy V. V. «For his work of sovereign and for land...»	70
Шведова И. В. Визуально-ценностное пространство культуры в контексте этнохудожественного опыта	76	Shvedova I. V. Visually-value space of culture in the context of ethno-art experien	76

СТАТЬЯ НОМЕРА

РИСКИ В ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМА ПРОГНОЗИРОВАНИЯ И УПРАВЛЕНИЯ

RISKS IN CHANGING SOCIAL REALITIES: PROBLEM OF FORECASTING AND MANAGEMENT

UDC 167.7

DOI: 10.18413/2408-932X-2015-1-5-8

Polukhin O. N.
Olkhov P. A.

PROJECT STRATEGIES OF POLITICAL THOUGHT
(META-SCIENTIFIC DOMINANTS)

- 1) Doctor of Political Sciences, Professor. Belgorod State National Research University. 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia. E-mail: pon@bsu.edu.ru
- 2) Doctor of Philosophy, Professor. Belgorod State National Research University. 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia. E-mail: olkhov@bsu.edu.ru

Abstract

This paper deals with the problem of philosophical and scientific (epistemological) reflection of the value assumptions in political thinking. The authors of the paper use the concept of civic consciousness to demonstrate the relationship of historical axiological senses of political thinking in the context of holistic comprehension of the state life of people.

Keywords: political epistemology; meta-scientific dominants; dialogue; language of political thought; civic consciousness; teleology of political thought.

Полухин О. Н.
Ольхов П. А.

ПРОЕКТНЫЕ СТРАТЕГИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ
(МЕТАНАУЧНЫЕ ДОМИНАНТЫ)

It should start from the concepts
hidden in human actions
Friedrich von Hayek [8, p. 38-39]

There is no any policy in fact except for
political thought
Alexander Pyatigorsky [17, p. 54.]

Towards the prospects of a modern political epistemology. The modern political study reveals two basic methodological traditions. The first is associated with the identification of political interests that rationally motivates political activities. This tradition qui prodest is significantly clarified with another tradition associated with the identification of «foreign» rational, underlying axiological motivations providing political activity in terms of its completeness and incompleteness. Harmonization of these traditions occurs in the research field of political epistemology and is one of the least developed areas of political science [see: 16; 17, pp. 54-71; 18, pp. 11-42; 19].

One of the obstacles to be overcome in the development of modern political epistemology is connected with the axiological engagement of the

participants of epistemological research, the need to take into account the existential «whirling of measures», which occurs in the very political epistemology. By reproaching the intellectuals of the last century with a kind of betrayal – failure to comply with their avocation, the faithful to a teaching principle of political cognition – J. Benda reminded of humanistic system of political knowledge [4; comp.: 3]; A.M. Pyatigorsky proclaimed in the same manner the «anti-humanism» – the desire to avoid an instinctive faith in the possibility of political thought as such, taken due to its cognitive autonomy – and called at the same time for trust in the thinking as cognitive authentication of political reflection [17, p. 54 et al.]. According to Fr. von Hayek [8, p. 38-39 et al.], the political research aimed at some constructive purpose can be identified by its

axiological-ideological task and presented as a kind of theoretical misunderstanding; the language of political research and the associated language of the political epistemology can be represented as an axiologically-full form of genre or a «slang of authenticity» [1], etc. Axiological principles of political and epistemological study are found everywhere as certain immeasurable intellectual passions, which include both the desire of pure political knowledge, and a desire to limit the full scope of the political with the frames of political thinking, to determine it with the practices of either political or, more broadly, cultural and historical reflection. *Accordingly, both the axiological variety in the field of political knowledge, and the conditions of overcoming of the axiological relativism – meta-scientific dominants of design-oriented political thought require to be consistently clarified.*

Non-replaceable concepts. Meta-scientific dominants of political thought should be understood to mean its cultural and historical attitudes that suggest trust in the common grounds and basic procedures of scientific research, and take the form of non-replaceable concepts within the political thought. Political thought cannot succeed without the desire for authenticity, accuracy and completeness of political knowledge and its ensuring cognitive procedures of representation, interpretation, convention, etc. However, this desire is incomplete without the phase of categorization, the state of axiological-conceptual constellation of those senses, which are connected with the very nature of the political being. Political thought can succeed only when it is structured with its drive-fixing concepts undetectable due to their meta-scientific authenticity. This authenticity itself cannot be the subject of epistemological analysis and is referred to the field of political theology. But the cognitive reality of these concepts is quite representable and expressible, as well as in already existing language of political philosophy¹. The problem of the return reflection of

these historic language, their reciprocity, translatability and mutual non-replaceability of their axiological-conceptual principles must be recognized as a key issue of political epistemology. The principal incompleteness of political thought never excludes a «loophole supra-addressee» (M.M. Bakhtin), an authoritative principle of such practices of political thought. Otherwise, the thought, which meta-scientific horizon is noticed and recognized, is in epistemological relation to this authoritative principle, which can no longer be presented as an impersonal absolute. Discovering the incompatible concepts of political thought in their particular historicity, the political epistemology does not exclude a political absolute from the responsibility of political thought, but clarifies its dialogical horizon. A specifically historical absolute is present in the political thought as a sort of horizon of its meta-scientific risks; it does not blur, but rather concentrates political thought, which assumes responsibility in relation to a permanent absolute, becomes dialogically responsible. The reality of political thinking, «hidden in the human act», is the reality of design and cognitive action, the authenticity of which is ensured within its personal status.

Towards the teleology of political project. One of the non-replaceable concepts of political thought, which has an obvious effect of its meta-scientific dominants and its historical and axiological-projective attitude, can be considered the concept of civic consciousness. This concept is obviously artificial; it is impossible to believe in it as in some kind of absolute givenness of political thought; however, its value cannot be excluded, even if doubting its cultural and historical authenticity. The civic consciousness means to follow a certain ideal of participation in political action – the ideal, which is interpreted at the cultural and historical boundaries of political knowledge, within a certain evaluative range between ethical and political knowledge. Romantically-personal pathos of this concept goes back to the age of Enlightenment; however, the axiological principle of this ideal took its meta-scientific conceptual form when it became possible to think of it beyond the specific revolutionary practices of citizenship in the late XVIII century, after the Enlightenment, during the skeptical, science-and-historism-cultivating XIX century. This concept has emerged as an artifact of the secular theoretical and political thought, ready to ideological creativity and aware of its autonomy and ready to prescribe the

¹ Studying the political thought as verbal one, it would be prudent to quarrel its historical forms, including ideological ones; these forms require not an external assessment, but rather «a response to the need to understand the world» [2, p. 67]. C. Geertz, speaking ironically about the contemptuous attitude to the ideology that prevailed in 1930-1950ss., noted that «we may wait for the end of ideology as long as the positivists used to wait for the end of religion. Just as militant atheism was a response to militant religious fervor of intolerance (and to the expansion of knowledge about nature), so the hostility against ideology is also a response to political hecatombs

of the last half-century (and to the expansion of knowledge about the society) » [7, p. 192].

conditions of political action in the imperative-cognitive manner. Understanding of the civil status of the participants of the political process, their special social and political dignity happened, of course, much earlier; Roman corona civica, composed of oak leaves, was for those who risked themselves in military mess, saved their co-citizens; we can find bright replica about civic consciousness as a moral problem in «Spirit of the Laws» by C. Montesquieu, which served as the basis, at the request of revolutionary France in the end of the XVIII century, for the law of citizenship – civisme – loyalty to the revolutionary government. However, the concept of civic consciousness indicated already a special consciousness of civil actions, their clarification in political science of the XIX century – the science of the spirit, distinguished as a significant cognitive and volitional principle of civic consciousness, civic consciousness or public spirit, as a special scientific and stylistic point of political thought [see: 15; 6]. In the history of Russian thought a special understanding of civic consciousness as an integral, purposeful state of political thought of an educated person is associated with the name of A.N. Radishchev, and the politically engaged intellectuals-Decembrists, «worthy sons of the Motherland» N.A. Nekrasov and N.G. Chernyshevsky, etc. Encyclopaedist V.I. Dal pointed to civic consciousness as «a state of civil community; the concept and the degree of education required for the formation of civil society» [5, p. 390], marking thereby not only a meaningful traditional, but also relevant by the middle of the XIX century design and teleological citizenship status, its axiological-normative moment [see: 11; 13, p. 155-159 et al.].

Meta-scientific, axiological-normative intensity of the concept of civic consciousness asserts itself throughout the entire XX century. At the very beginning of the last century, P.A. Stolypin recorded an observation where he captured epistemologically free nature of this concept, its secular and projective didacticism: «First of all, we should create a citizen ... and when this task will be performed, the civic consciousness will be established in Russia. Citizen first, and the civic consciousness thereafter. And we usually do it quite opposite» [20, p. 69]. The similar thought by I.A. Ilyin is extremely filled with anti-didactic pathos: «Both science, and life still have a dominant formal understanding of the state, which perverts its nature and corrupts deeply in souls all the basic principles of civic consciousness. Following this understanding, people build public life as if it came down to the known, mechanically performed,

external actions, detached from the inner world and spiritual roots of the human ...» [9, p. 259]. A century has passed; changes in Russian politics are ahead of the development of political reflection; the current political thought uses the concept of civic consciousness as a non-replaceable, indefinable or poorly definable through another undefined notion of a set, such as «a set of attitudes and beliefs, which, on the one hand, involves a high degree of independence of individual judgments in a society, and on the other hand, a strong social solidarity, which is reflected in the participation of the person in society» [12]; there is also a regret about no «precise scientific justification of ‘civic consciousness’ being given yet» [12].

Civic consciousness is the basic design value of modern Russian political thought; it is its inherency as its meta-scientific dominant, its hidden cognitive sense. It is worth to think about it epistemologically, not objectifying the civic consciousness as a kind of a long intellectual passion, an external historic moral requirement, but keeping it in a certain historical unity of political thought, which has no external guarantees of its autonomy and understands the civic consciousness as a sine qua non of its scientific and cognitive efficiency.

Thinking historically. A little more than two centuries ago, in March 1811, N.M. Karamzin presented to Emperor Alexander I a secret report – «Memoir on Ancient and Modern Russia in its political and civil terms». In this report, Karamzin discussed axiological principles of Russian political thought, objecting to the practice of political reforms by M.M. Speransky and formulating a protest aphorism: «We have become the citizens of the world, but we're no longer, in some cases, the citizens of Russia» [10, p. 35]. This aphorism has been furiously discussed for decades, often simplified and ideologized as some practical advice on the manipulation of public opinion given by the ruler of the minds to a reigning monarch. However, Karamzin, being the ideologists of contemporary European theorists, never was an ideologue. His protest was a protest of an experienced historian, who noted in the history of Russia not only the action of political interests, but also the fact that these interests could not include, namely the rallying axiological principles of political reality, rooted in the experience of political self-experience. The Russian political thinking always had a place for sober and historical awareness of the harmonic nature of political acts done by people in close contact with their entire life system. To think politically in Russia has always meant to think with some teleological precision,

knowing the autonomy of political thought both in its abstract realness and its truth – think axiologically, thoroughly, and act, coordinately considering the thinking itself, its individuality and uniqueness as thought in terms of its highly political, life alter. «Blessed is he who laid down life for his friends» (John 15: 13). This attitude to political thought, evangelic and ultimately epistemological, was sometimes limited to enthusiasm of unthinking scientific and political action and led then to monstrous aberrations of political thought. However, being understood with life prudence by the «citizens of Russia» straying away from thinking abstractly and impersonally, as the «citizens of the world», it was quite triumphant in terms of political care and protection of all life-close and valuable-immutable value things. Successes of Russian policy were always the stronger, the more they were associated with the conservative distrust of political thinking to itself, with trust in the immutable axiological principle, with respect to which the open completeness of the Russian political thought manifested itself. Experience of such trust has been half-remembered; a century later, Russian political thought rediscovered itself. It will be a shame if this rediscovery is a repetition of intellectual and ideological predilections; happily, if it takes place within the horizon of the new challenges of political epistemology – in the long term of design strategies of political thought, verifiable to the extent of their axiological credibility already visible in the analytical tradition of Western political thought [comp.: 14, pp. 65-90].

This paper was prepared with the support of a RFH grant, project No. 13-03-00336 «The conceptual framework of cultural-historical epistemology and modern trends in the methodology of humanitarian research».

References

1. Adorno, T. V. *The Jargon of Authenticity. Concerning the German Ideology* / Translated by E. V. Borisov. Moscow: «Kanon⁺» ROOI «Reabilitatsiya», 2011. 191 p.
2. Altunyan, A. G. *Analysis of Political Texts*. Moscow: Logos, 2012. 384 p.
3. Benda, J. *The End of Eternity* / Translated from French by V. Yu. Bystrov. St. Petersburg: Publishing house «Russky Mir», 2012. 239 p.
4. Benda, J. *Betrayal of Intellectuals* / Translated from French by V. P. Gaydamak and A. V. Mateshuk. M.: IRISEN, Sotsium, 2009. 310 p.
5. Dal, V. I. *Explanatory Dictionary of Russian Language*. Vol. I. St. Petersburg: Diamant, 2002. 704 p.
6. *Dictionnaire de français «Littré»: définitions, citations, cynonimes...* d'après l'ouvrage d'Emile Littré. [Online] URL: <http://littré.reverso.net/dictionnaire-francais/definition/civisme/13506?highlight=civisme> (date of access: November 14, 2015).
7. Geertz, C. *Interpretation of Cultures* / Trans. from English. Moscow: ROSSPEN, 2004. 560 p.
8. Hayek, F. von. *Cognition, Competition, and Freedom*. St. Petersburg: Pnevma, 1999. 288 p.
9. Ilyin, I. A. *Collected Works in 10 volumes*. Vol. 4. Moscow: Russian Book, 1994. 620 p.
10. Karamzin, N. M. *Memoir on Ancient and Modern Russia in its Political and Civil Terms*. Moscow: Nauka, 1991. 127 p.
11. Knyazev, A. N. *Civic Spirit of Personality*. [Online] URL: <http://prochtu.ru/text.php?avtor=354&kniga=4&f=html&p=view> (date of access: November 15, 2015).
12. Krotenko, A. *The Concept of Civic Spirit and its Development through Volunteering*. [Online] URL: <http://www.cloudwatcher.ru/analytics/6/view/53/> (date of access: November 15, 2015).
13. Nikiforov, Yu. N. and Skalina, A. N. Concerning the Concept of «Civic Consciousness» *Bulletin of Voronezh State University. «Linguistics and Intercultural Communication» Series*. No. 2 (Part 2) (2007). Pp. 155-159.
14. Oakeshott, M. *Rationalism in Politics and Other Articles* / Translated from English. Moscow: Idea-Press, 2002. 288 p.
15. *Online Etymology Dictionary*. [Online] URL: http://www.etymonline.com/index.php?allowed_in_frame=0&search=civic+consciousness&searchmode=none (date of access: November 14, 2015)
16. Panarin, A. S. *Political Philosophy*. Moscow: Novaya Shkola, 1996. 424 p.
17. Pyatigorsky, A. *Political Philosophy: Thinkings and Considerations*. Moscow: Publishing House «Europe», 2007. 152 p.
18. Pyatigorsky, A. M. and Alekseev, O. B. *Thoughts about the Policy*. Moscow: Novoe izdatelstvo, 2008. 190 p.
19. Remizov, M. Political Theology as a Political Epistemology. *Russky zhurnal* [Russian journal]. [Online] URL: http://old.russ.ru/politics/grammar/20000817_remizov.html (date of access: November 15, 2015).
20. Stolypin, P. A. *Thoughts on Russia*. Moscow: ROSSPEN, 2006. 127 p.

UDC 304.44:009

DOI: 10.18413/2408-932X-2015-1-4-9-11

**Pruzhinin B. I.
Shchedrina T. G.**

**METHODOLOGICAL STRATEGIES OF HUMANITARIAN RESEARCH
AND EXPERTISE: ASSESSMENT OF SOCIO-CULTURAL RISKS**

- 1) Doctor of Philosophy, Professor. Editor-in-Chief of «Voprosy Filosofii». 26 Maronovsky lane, Moscow, 119049, Russia
Institute of Philosophy of Russian academy of sciences. 12/1 Gontcharova St., Moscow, 109240, Russia. School
of Humanities at Far Eastern Federal University. 8 Sukhanova St., Vladivostok, 690950, Russia. E-mail: prubor@mail.ru
- 2) Doctor of Philosophy, Professor. Moscow State Pedagogical University. 1/1 M. Pirogovskaya St., Moscow, 119991, Russia
School of Humanities at Far Eastern Federal University. 8 Sukhanova St., Vladivostok, 690950, Russia.
Journal «Voprosy Filosofii». 26 Maronovsky lane, Moscow, 119049, Russia. E-mail: tannirra@yandex.ru

Abstract

This paper deals with the modern methodological strategies of humanitarian researches in the context of practical use of modern science. The authors give the idea that the methodology requires tools of cultural and historical epistemology, with the help of which the scientific community could examine socio-cultural risks arising from applied researches.

Keywords: philosophy of science; methodological strategies; socio-cultural risks; expert community.

**Пружинин Б. И.
Щедрина Т. Г.**

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ И ЭКСПЕРТИЗА:
ОЦЕНКА СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ РИСКОВ**

The most urgent question of modern science and philosophy is the methodological potential of the cultural and historical epistemology – a new epistemological area, gaining today in increasing authority in the various fields of humanitarian researches. This trend has served as the basis for the development of methodological approaches in psychology, political science, and historical researches. The need for the development of such new approaches is due to the fact that science changes along with rapidly changing socio-economic reality, and then – the methodological principles of application of cognitive tools. Science has now become a powerful social and economic subsystem of society, aimed at practical and technological application of the results of cognitive performance. An increasingly important and often decisive role in the activity of scientists is played now by the factors of external social and cultural determination of their cognitive activity. In addition, practically oriented science features the prevalence of interdisciplinary researches, which methodological parameters are determined better by the effectiveness of the applied result than by disciplinary methodological norm. In this connection, the ideas of full social relativity of scientific knowledge have come to the forefront in the philosophical and methodological reflection over the science.

Accordingly, the philosophical and methodological reflection over science has almost entirely lost the concept of truth, and hence the claim to perform methodological functions that normalize scientific cognition. Historical and scientific reconstruction of unique (i.e. inimitative) cognitive

situations – the so-called case studies have gained a wide ground. Meanwhile, the absence of universally valid methodological standard means actual blurring of science as a cultural phenomenon. And since it is obvious that modern science gives no reason for the restoration of hard positivistic normativism, it can only go about finding fundamentally new methodological approaches. This is the role the cultural and historical epistemology claims, which opens new possibilities for the realization of methodological features of reflection over science. It concentrates on problems associated with the change in the role and status of science in modern society, with the emergence of new communication tools, transformation of intrascientific and general cultural communications, etc. Consideration of these problems is the central task of the methodology formed on its basis, and its purpose – formulation of intrascientific guidelines for interdisciplinary research that can open a research prospects, not ended with the immediate pragmatic needs, i.e., able to overcome the destructive for science, opportunistic relativization of cognitive activity.

In terms of methodology itself, this kind of transformation of research is found in the fact that the standard methodological norms are converted to methodological guides, cognitive tools, and only in this capacity perform their normalizing functions, i.e., only being directly involved in the actual case study. In this situation, verification, falsification and even logical consistency lose their status as the absolute standard of scientific character – they take methodological meaning only as a tool for

identification of new knowledge. And they contribute to the fact that the acquired knowledge discloses also its social significance that goes beyond the pragmatic tasks formulated by a client. This feature of the methodological guidelines functioning is clearly revealed in the researches directly dealing with the vital parameters of the human. However, striking examples of a similar situation can be found today everywhere in the science, particularly in the field of social and humanitarian studies.

Pragmatic market orientation narrows the scope of epistemological interest in knowledge. The interests of the customer do not include the support for research leading to uncertain results, and moreover, not pragmatically staying within the process order. But as soon as the question arises in society about the side effects of the application of the results, their comprehensive assessment requires the expansion of research context, the use of all the existing array of scientific knowledge. Modern society, which has already a rich experience in the sad consequences of the use of the proposed innovations in science, urgently requires exactly this kind of peer review of scientific achievements [see: 1; 2]. This is also a cause for the state support for expertise, allowing to move the scientific activity beyond the scope of private and industrial purposes. In these contexts, valuable cultural and historical guides of the scientist gain their epistemological sense.

Cognitive meaning of these attitudes can be demonstratively observed in the studies of cultural-historical psychology [see: 4], the history of Russian philosophy [see: 7; 3], political science [see: 5], and criticism of pseudoscience [see: 6]. During the methodological analysis of these studies based on cultural and historical epistemology, contours of the new methodological tools, in particular, the concept of «methodological strategy» appear. The need for its development is connected with the fact that, as we have noted, interdisciplinary researches focus today primarily with the applied objectives. Modern science – both humanitarian and natural – is not just a cognitive search. It is always an internal appeal of studies to the practical result. Therefore, the traditional economic term «methodological approach» needs to be added. The concept of «methodological strategy» expresses in the conceptual apparatus of the methodology the need to preserve the scientific standard in the results-oriented study. With regard to humanitarian researches, now there are three important methodological strategies:

1) «translation», which provides the interaction of different disciplines using very different languages (including technical and humanitarian), solves urgent practical problems and involves the expansion of research in the context of peer review of its results;

2) «interpretation», which provides communication between these disciplines in terms of main area of the studied problems;

3) «convention», which is achieved by different scientific disciplines in addressing these specific problems.

These strategies, which ensure the specific methodological support for researches in the framework of the cultural-historical epistemology, allow us to consider knowledge as a semantic-symbolic language phenomenon (cognition as the system of linguistic practices) and, consequently, the semantic and value aspects of cognitive activity come to the forefront. Thus, the field of scientific researches includes the semantic and value, existential aspects of the relevant discourse accompanying the socio-cultural determinism of the scientist in its historical and cultural perspective. The cultural-historical approach does not offer an abstract declaration of the cultural value of scientific knowledge, but focuses on the distinction between the respective measurements of scientific and educational practices, on the assessment of the consequences of either confirmation or deformation (disregard) of their cultural values.

What cognitive perspective does this kind of appeal to the methodology of the cultural value of knowledge open? We will try to briefly answer this question. These appeals orient scientific research on the identification of risks (social, political and technological) in any scientific result that can put into question the prospects for the development of modern society. These risks are associated with uncontrolled technological development of society based on the growth of the array of applied researches. Cultural-historical methodology focuses the research activity on the analysis of these risks, while examination becomes the institutional form of its implementation.

The increase in the proportion applied researches in science is due to the commercialization of science. The consequences of this process can be easily observed in the reports and publications of the results. These results are usually published without a description of methods used to obtain them, since the *means of achievement* are the most expensive part of the study. As a result, internal scientific communication is virtually torn, and the integrity of science as a cultural phenomenon is destroyed. At the same time, this minimizes the possibility of applying the acquired knowledge to search for a new one. Meanwhile, the epistemological meaning of such possibility is, in fact, a science-constituting «scientific criticism». As it is known, achieved knowledge in science is constantly checked in new research contexts in order to detect its limits. But the matter does not come down to a simple check. This is the way the new research horizons and the prospect of finding a new knowledge open. But in order to go back to dynamics of this search, a value reorientation of science is required: we need to return from

practical usefulness of scientific achievements to the idea of universal significance, the idea of inherent worth. And public awareness of the fact that the consequences of an uncontrolled application of science can be very sad contributes thereto. The current situation, in fact, leads to the examination, namely, scientific investigation. In other words, the society needs not only pragmatically useful applied research to stimulate the transformation of knowledge into a commodity, but also in the expert review of the results of applied research, which requires open intrascientific communications. Satisfaction of this requirement turns the fundamental scientific community into the expert community.

When appropriate, the expert community bases its judgment on the body of currently existing rational and reasonable knowledge. At the same time, it draws, by necessity though less evident for non-experts, upon living knowledge aimed at the search for new one. The thing is that the body of scientific knowledge accumulated at any given time does not constitute a logically coherent system. It is rather an open system of internally correlated, more stringent subsystems of different levels, in particular, scientific disciplines. It is not always possible to discern distinct consistent relations in this correlation. But the integrity of this system can be described as a stylistic unity of knowledge included in the search for conditions of reproducing new results obtained in the applied research. It requires to cross the boundaries of disciplines. This should be done by both an applied artist, and society, and, of course, the science as an integrated system of knowledge about the world.

That is why the expert, who corresponds to the present socio-cultural demand, is neither a multiskilled journalistic critic nor a modern manager of science, having not written any article, not conducted any single experiment, not deciphered any single line of archive «non-text», etc. Socially popular expert today is a professional scientist, actively engaged in one of the special subjects and therefore able to critically evaluate the potential of the knowledge gained in his research activity. Working scientists constitute a body of experts, which is now actually plays the role of fundamental science and thus is really guided by the broadest understanding of the value of knowledge. Applied knowledge is approbated, projected in some new contexts, in which it is presented very differently. And no indices and formal evaluation of scientific activity, adapted to the narrowed application tasks, cannot replace this living expert work.

A comprehensive examination reveals in the applied knowledge an extremely wide range of humanitarian and social meanings, from humanitarian and social to the personal-existential, bearing the

environmental, economic, biological, and other opportunities and risks. This expansion, in turn, motivates the inclusion of the local applied results into a coherent system of successively developing knowledge of the world, returning to it the status of historical cultural values, and dignity to the knowledge. Axiological-epistemological and social significance interlaces here in the channels of intrascientific communication, but does not lose its specificity. Moreover, a synergetic effect of mutual reinforcement arises, and opens cognitive prospects for science.

The scientific community that carries a knowledge as such and develops it as a universal basis for risk assessment and prospects for applied innovations is the current fundamental science. In fact, this is a new semantic layer of the concept of fundamental science (along with the search for bases of all the existent, along with the idea of pure science, and along with the treatment of science as a foundation for development of applications – the basic science). The fundamental science is presented here as a basis for the work of the expert and philosophical community. And this science requires philosophical and methodological idea directing the scientists to mutual growth in the research experience gained in different disciplines.

The research was made with the financial support of a RFH grant, project No. 14-03-00587 «The value of knowledge: the value grounds of culture-historical epistemology».

References

1. Bechmann, G. *Modern Society: Risk Society, Information Society, Knowledge Society*. Translated from German. Moscow: Logos, 2010. 248 p.
2. Bechmann, G. and Gorokhov, V. G. Socio-philosophical and methodological problems of dealing with the technological risks in modern society (Debates on the technological risks in modern Western literature). *Voprosy filosofii*. No. 8 (2012). Pp. 127-136.
3. *Epistemological Style of Russian Intellectual Culture of XIX-XX Centuries: from the Personality to the Tradition* / Ed. B. I. Pruzhinin, T. G. Shchedrina. Moscow: ROSSPEN, 2013. 447 p.
4. *Methodology of Psychology: Problems and Prospects* / under general editorship by V. P. Zinchenko, scien. ed. T. G. Shchedrina. Moscow: Center for Humanitarian Initiatives, 2012. 528 p.
5. Myurberg, I. I. *Freedom in the Political Space. Modern Philosophical Discourses*. Moscow: Idea-Press, 2009. 236 p.
6. Pruzhinin, B. I. *Ratio Serviens? Contours of the Cultural-Historical Epistemology*. Moscow: ROSSPEN, 2009. 422 p.
7. Shchedrina, T. G. *Archive of the Epoch: the Thematic Unity of Russian Philosophy*. Moscow: ROSSPEN, 2008. 390 p.

UDC 378:37.014

DOI: 10.18413/2408-932X-2015-1-4-12-16

Tarabaeva V. B.

A PROBLEM OF RISKS OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS IN MODERN RUSSIA

Doctor of Sociological Sciences, Professor. Belgorod State National. Research University
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia. E-mail: tarabaeva@bsu.edu.ru

Abstract

This paper deals with the risks of the development of higher education institutions in the context of changes occurring in Russian society. We believe that one of the attractors able to stabilize the process of the innovative socio-cultural development can be the higher education institution of a modern sample, which represents an integrated university system that combines the features of a classical university and the characteristics of modern higher education institution, i.e. educational institution technologically incorporated into the economy through the industrial associations, companies and its management structures established within its framework.

Keywords: risks; innovative development; bifurcation; complex system; higher education institution; paradigm; attractor; functions; contradiction.

Тарабаева В. Б.

**ПРОБЛЕМА РИСКОВ
В ИННОВАЦИОННОМ РАЗВИТИИ ВУЗОВ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Modern Russian society is a dynamically developing system. Its fundamental socio-economic and socio-cultural changes are aimed at complication of the internal and external relationships, the ambiguity of phenomena and processes. This adds uncertainty and instability to the routine lives of people, provokes a sense of uncertainty in and insecurity from the present, that according to a figurative expression by E. Giddens, rushes like an uncontrollable truck at high speed in an unpredictable direction [5, p. 213]. Occurrence of instability, uncertainty among the main characteristics of the society was the result of changes in the traditional, well-established foundations of the existence of modern societies. Modernism, as Giddens notes, sweeps away in unprecedented manner all the traditional types of social order.

To describe the state of modern societies, which have entered into the stage of high late modernity, German sociologist U. Beck [1] introduced a concept of «risk society».

In Russian society risk, instability, and uncertainty become a societal problem. «The economic, political, financial, technological position of Russia allowed the domestic sociologists to conclude about the country slipping into a state of risk by the end of the last century. Moreover, as recent studies show, its origin is not a consequence of modernization, but rather a result of diametrically opposed demodernization processes accompanying the destructive phenomena in the economy. It was not

a wealth production process, as in other modern risk societies, but the deepening of the crisis that became a prerequisite for Russia's transition to this state» [14, p. 5-6].

Of course, there has been some stabilization of social and cultural space of the Russian Federation in recent years. However, the economy, social sphere, culture and international relations are still under the great influence of the various «uncertainties», which in some cases are provoked by the federal government, and in other situations are the result of internal factors of regional development, including mistakes of the administrating authorities of the constituents of the Russian Federation.

A phase of instability, uncertainty is a bifurcation, or a state of selection of options for the system development resulting from its internal strain. If the strain the system has in such moments is higher than the allowable limit, the system switches from one set of attractors, i.e., forces that guide its development in certain directions, to the other, which make it behave differently, i.e., it starts a new dynamic mode [12, p. 132]. This statement is crucial for the analysis of risks of an innovative higher education institution in an unstable socio-cultural space of Russia.

A new paradigm of social systems, which develops in the framework of post-non-classical sociology and, in particular, synergistic approach, incorporates uncertainty and bifurcation as one of the factors of development. Belgian physicist

I. Prigogine considers the transition from determinism to instability, i.e. disequilibrium as a new paradigm of development of modern social systems. He stated that the instability leads not only to both the order and disorder, but it also opens the possibility for the occurrence of unique events [9, p. 50].

Social life itself contains the latent alternative scenarios of the future. Its development proceeds in a constant struggle between them and, in principle, is always aimed at achieving maximum stability in the natural and social environments. However, due to the large influence of random attractors it is only possible to predict with a certain probability, which one of the scenarios can be an empirical reality at the bifurcation point. If the deterministic development of social systems is based on the regular interaction between the so-called trans-historic structures (for example, traditional social institutions), then, in the bifurcation period, stochastic factors come to the forefront, including conscious and unconscious actions of various factors or attracting structures. «At the turning point of the system life – Prigogine continued, – it is impossible to predict its future, because any event or action, minor in normal circumstances, can change the system and the entire course of its history under the influence of instability and disequilibrium» [10, p. 125].

In the case where destabilizing attractors prevail naturally or accidentally, and the restructuring of the system leads to the isolation of energy of social disintegration rather than stabilization, the system will also shift to the new development trajectory and, possibly, to its new level, but its main characteristics will be deconstructive chaos and disintegration. The attractors in terms of synergy shall be understood as real structures in space and time, to which the processes of self-organization shift in open non-linear areas, and which attract an aggregate of the system «trajectories» determined by different initial conditions [7, p. 39-40].

We believe that one of the attractors able to stabilize the process of the innovative socio-cultural development can be the higher education institution of a modern sample. It in particular way integrates the main spheres of life such as education, science, and service. In this case, it is not about any higher education institution functioning in the region, but about an integrated university system that combines the features of a classical university and the characteristics of modern higher education institution, i.e. educational institution technologically incorporated into the economy through the industrial associations, companies and its management

structures established within its framework. It attracts the economic sectors, the social sphere, and the sphere of state management, which allows reducing the level of instability due to the disappearing uncertainty and the choice by the system of one, most effective, bifurcation situation from the set of possible ones.

However, the role of the potential attractor is not performed automatically. It involves rethinking of the status of university and its social roles. Revaluation of these roles is one of the major challenges facing the leaderships of both the universities and the region.

Commonly, the traditional universities were set the following objectives:

1) creation of conditions for development of the personality, 2) preservation and transfer of scientific and cultural heritage, 3) expansion of the scope of knowledge, 4) dissemination of knowledge for the purpose of the material and social development, and 5) training of competitive specialists.

These goals were achieved during the implementation by universities of a number of functions: 1) educational, involving specialists training and retraining; 2) research, providing for the production of new and redefining of existing knowledge; 3) pedagogic function; 4) professional function; and 5) the function of preservation and transmission of accumulated scientific knowledge and cultural heritage.

Currently, in addition to the traditional functions, the university systems are faced with fundamentally new ones. First of all, it is an innovative function that requires the active influence of universities on the social life of people through their innovative active [3, p. 37-38].

In this regard, there occurs a new model of university as a scientific and educational-industrial system, which operates on the basis of a combination of academic science with multiple net, innovative, high-tech structures and small businesses. The innovative mission of the university is most evident in executing orders of local authorities, industries, business, and in the field of regional development programming.

The innovative potential of the university is able to manifest itself in various fields of socio-cultural space:

– firstly, and naturally, in the economy as a result of the university's participation in the development of new facilities and reconstruction of the traditional ones;

– secondly, in the social environment – through participation in the development and implementation of social programs and its provision with experts;

– thirdly, in the management environment – by training a new generation of managers; and

– fourthly, in the field of culture – through the development of cultural projects, and preservation and development of spiritual culture of the region.

Another new function of the modern university is an entrepreneurial function. World Declaration on Higher Education for the XXI century orients the universities also on the formation of entrepreneurial skills and the promotion of initiatives [13].

The entrepreneurial function is a fundamentally new to the domestic universities. Their denationalization, as it is known, started after the adoption of the law «On education». Attraction of considerable extra-budgetary resources at the expense of fee-based education and the involvement of the property of state universities in the business turnover (rent, etc.); have made most of them the real agents of market relations.

Entrepreneurial activity has allowed universities to finance at their own funds the most promising areas of research in the field of education and science.

Both traditional and new academic functions are implemented primarily through the production, distribution and use of knowledge and information. At the same time, the increase in functions leads to the emergence of new risks.

Foreign researchers [4] concluded based on historical analysis of the evolution of higher education institutions during the XX century that a variety of roles performed by universities and an increase in the number of subjects lead to an increase in the complexity of the external environment of higher education institution.

On the other hand, the reduction in funding, rapid technological development and the increasing complexity of coordination of academic activity lead to the increased uncertainty and the dynamism of the external environment of higher education institution. After applying this to the university management, they analyzed the evolution of the academic environment starting from the classical high school in a simple and stable external environment to the modern one in the complex and dynamic environment.

This analysis shows that the university management in the region should be adapted to the more complex and dynamic external environment. Considering the decreasing effectiveness of the subject-based division as a coordinating mechanism,

the universities should seek new ways of integration and coordination of their activity.

At the same time, we think, be aware that a variety of environmental factors have different effects on the behavior of a university. Therefore, we further consider separately those factors that, in our opinion, have the greatest influence and act in the direction of the transformation of strategy and structure of universities.

In Russia, the independence level of higher education institutions was and remains much lower than in western Europe, its character of the external environment is more bureaucratic and overregulated, the main education and research activities are determined by the state represented by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, and in some respects by the regional authorities. The internal autonomy is also much less: the principal powers in the process of making prompt decisions are reserved to the university management. Hence the specifics of external and internal environment of the Russian universities, leaving its mark on its activities.

The degree of autonomy with respect to Russian universities increased during the second half of the 80's – early 90's of the XX century, when they were made able, more than before, to develop their curriculum and plans, course contents and to choose textbooks. Universities received the right to carry out extra-budgetary activities, to provide paid educational services and spend money for their own needs. The right to choose rectors and develop the university's charters has allowed to some extent consolidating these principles of independence. Non-governmental, commercial colleges have been established, with their number increasing year by year. According to some academic employees, these processes of decentralization and deregulation of public administration allowed Russian universities to survive during crisis.

However, the return to the process of strengthening the state regulation of the academic activity (in particular, the establishment of the state educational standards and curricula according to the professions, quite strictly regulating the autonomy of each university in students' training) that started in middle 90's has led to the development of bureaucratic principles in the activity of Russian universities.

Changes in the general state legislation have also served thereto. The Civil Code, for example, prohibits a single legal entity to include any other legal entities, and limits the range of legal forms (which does not allow universities to legally include research institutes, actually existing on their basis,

and limits their interaction with other constituents such as enterprises and innovative firms) [2].

The Budget Code strictly regulates all incomes and expenses of a particular institution, and such a measure fully justified in terms of stable transparent economy, greatly complicates the activity of all budgetary organizations in terms of low budgetary funding and unstable external environment, not allowing to maneuver flexibly with funds for their own survival. The Tax Code deprives universities of all the tax benefits in the provision of paid educational services and implementation of contractual researches [11].

In the light of the new requirements of the Ministry of Education and Science, the rectors of universities now shall be again appointed rather than elected by the workforce.

All of these changes poorly increase the stability of the external environment of universities, but increase its complexity and consolidate strong hierarchical structures as the main organizational form of activity of Russian higher education institution, within which it is difficult to respond flexibly to the varying needs of society, introduce new educational technologies, and combine education and research activities.

These measures lead to the increased linearity of higher education system and, in fact, create barriers to innovation development, which, in turn, leads to an increase in innovative development risks.

Problems of reduced funding strengthened bureaucratization of management, with which Russian universities are faced in their activity, are the internal problems of the scientific and educational sphere implementing certain activities. However, in addition to these problems, the functioning of the Russian universities is also affected by other negative factors being external thereto and also encouraging the educational institutions to transformation. Some of these problems today are common to the whole European civilization, for example, the reduction of budgetary financing of higher education, and demographic problems. Others are unique to Russia, or have considerable specificity due to the Russian context. For instance, the economic crisis in Russia has significant differences as compared to the same in the developed market economies. If the latter stimulate the renewal of fixed capital and, consequently, the growth of innovative activity, the economic crisis in the post-socialist economy combines with the crisis of systemic transformation, when the former incentives to innovations are no longer in operation, and the new ones have not yet

developed. Therefore, innovative activity is very low, which aggravates and extends the economic crisis.

Updating of production capacities can be carried out both by means of own new technologies, and by the use of import ones. Both of these ways generate incentives for industry to collaborate with universities, and opportunities for the universities to do it: in the first case, the new technology must be developed, and in the second – the import technologies must be adapted to the Russian environment, while deep crisis (mainly financial) of the academic and industrial sectors of the Russian science increases the risks of innovative development of higher educational institutions.

Another problem that clearly came out in the last 10–15 years was unresolved contradiction between globalization and regionalization of public life, which has spread to the sphere of education and science. There arose a need to reformulate the concept of labor division between the regional, national and supranational levels. On the one hand, educational institutions, geographically attached to certain regions, train specialists primarily for local industries (this is especially evident in the foreign «regional universities», as well as in modern Russia, where the mobility of human resources, for various reasons, primarily financial, is currently limited). This contradiction is typical for the Belgorod region too. Belgorod universities concentrate primarily on training of experts for the regional needs such as teachers, doctors, agriculture engineers, civil engineers, economists, lawyers, etc. Nevertheless, there is an urgent necessity to establish the specialties of the future, which are already in demand among the major Russian and foreign research centers, but still have low popularity in the Belgorod region. These are professions, which have been actively established in recent years in the Belgorod region: «Foreign Area Studies», «International Relations»; in other universities: «Innovation Studies», «Innovation Management». Development of the modern university is impossible without this look into the future.

On the other hand, as Western scientists and teachers note, «as a result of the globalization of markets, reduced shelf-life of the products and technologies, and increasing requirements for know-how, a country's economy is more and more based on international standards of training necessary to ensure the established requirements for quality and reliability. Foreign education and research system allows thereby businesses to use trained personnel that meet these standards. Therefore, education and research system of a particular country should assist

in the activities of its companies abroad or in a different cultural environment» [8, p. 46-54].

Finally, due to the rapid acceleration of social development processes at the turn of the millennium indicating the forthcoming global crisis of civilization, a question arises in a new fashion about the formation in the people of a new world-view and a role of education in this process. The education system in its content is a reflection of the current and rooted state of science and production, which selects practically proven hypotheses and theories. However, in terms of globalization, this conservatism may reduce the speed and efficiency of response to changes in the external environment. Therefore, the concepts of «advanced education» win a growing recognition, which set before the educational institutions the task to both respond to the demands of the economy, society and the state, and offer innovative training and continuing education programs.

These changes lead to the fact that the modern university becomes indeed a complex, self-developing open system. But there is a contradiction, which can be quite logically explained in terms of the principles of a synergistic approach: implementation of innovations in universities leads inevitably to an increase in the complexity of the system, which results in a contradiction between the system's tendency to maintain equilibrium (conservative development path) and the constant increase in disequilibrium due to innovations, which cannot be implemented in a fully equilibrium environment.

Thus, the innovative development of higher education institutions is impossible without risks that give rise to a non-equilibrium, unstable state of the environment. Considering the inconsistency of the innovation process and its risk-bearing character, we may conclude that in order to become a real attractor of socio-cultural space, modern higher education institutions have to minimize the risks and timely resolve any contradictions in their innovative development.

References

1. Beck, U. *Risk Society: Towards a New Modernity*. London, Sage, 1992. 260 p.
2. Civil Code of RF (Part One), Ch. 4. *Main Codes and Laws of the Russian Federation*. St. Petersburg: Publishing House «Ves», 2002. Pp. 142-145.
3. Emelyanov, E. University Functions at the Present Stage of Development of the National High School. *Alma Mater (Bulletin of the Higher School)*. No. 10 (2005). Pp. 37-38.
4. Garaca, J., Heitor, M. and Santos, F. On the Evolution of the University's Organization and Management. *Internet Conference on Technology Policy and Innovabon*. Magao, 1997. 187 p.
5. Giddens, A. *The Consequences of Modernity*. Stanford, Stanford University Press, 1992. 186 p.
6. *Knowledge Management in the Learning Society*. Paris: OECD, 2000. 257 p.
7. Knyazeva, E. N. and Kurdyumov, S. P. *The Laws of Evolution and Self-organization of Complex Systems*. Moscow: Nauka, 1994. 238 p.
8. Litt, W. van. State Attitude to Education and Science in the Era of Globalization. *Politekonom*. No. 3 (1999). Pp. 46-54.
9. Prigogine, I. Philosophy of Instability. *Voprosy filosofii*. No. 6 (1991). Pp. 46-57.
10. Prigogine, I. and Stengers, I. *Order out of Chaos. Man's New Dialogue with Nature*. Moscow: Progress, 1986. 432 p.
11. Tax Code of RF (Part II), Ch. 148. *Main Codes and Laws of the Russian Federation*. St. Petersburg: Publishing House «Ves», 2002. Pp. 514-515.
12. Tyurina, I. O. Bifurcation. *Political Encyclopedia*: in 2 vols. Vol. 1. Moscow, 2000. P. 132.
13. *World Declaration on Higher Education for the XXI Century: Approaches and Practical Measures*. Paris, October 5-9, 1998. [Online] URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=1496 (date of access: October 10, 2015).
14. Zubok, Yu. A. *Problem of Risks in the Sociology of Youth*. Moscow: Publishing House MSSA, 2003. 268 p.

ИССЛЕДОВАНИЯ RESEARCHES

UDC 930.1

DOI: 10.18413/2408-932X-2015-1-4-17-19

Bolgov N. N.

LATE ANTIQUITY: NEW METHODOLOGICAL APPROACHES
TO TRANSITIONAL HISTORICAL ERA

Doctor of Historical Sciences, Professor. Belgorod National Research University
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia. E-mail: bolgov@bsu.edu.ru

Abstract

The article analyzes the problem of modern methodological approaches to the first inter-civilization transitional era in Europe history – Late Antiquity. During the 60-ies of the twentieth century the traditional approach about the decline and the fall of Rome turned out to be exhausted. Since 70th, due to the P. Brown's works and the works of British school a new understanding of this historical period developed as a self-sufficient subcivilization the essence of which was the gradual transformation of complex processes within the dynamic model «continuity–discontinuity». A wide field of research was opened. However, there is a number of problems still, in particular, the issue about the territorial and chronological framework. Besides, the attitude to this concept is more restrained in European historiography. Its methodological aspects are not emphasized actually. There is no an independent school of Late Antiquity study in Russia – the experts operate either in the field of antiquity, or in the field of Byzantine studies.

Key words: Late Antiquity; Middle Ages; The Roman Empire; Early Byzantium; historiography; historical science; transitivity; historical school.

Болгов Н. Н.

ПОЗДНЯЯ АНТИЧНОСТЬ: НОВЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ПОДХОДЫ К ПЕРЕХОДНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭПОХЕ

Nowadays Late Antiquity in its various manifestations is one of the most urgent issues discussed in historical literature.

In recent decades the tendency developed in foreign historiography to regard this period as an independent epoch – «the epoch of Late Antiquity» (Late Antiquity, Post-classical world). This era, is revealed more and more as a separate subcivilization, which had a complex interaction of various elements within the «continuity–discontinuity» system [10; 4; 5; 6; 7; 2; 3], and transitivity acts as almost the main structure-forming element.

The dynamic model of «continuity–discontinuity» in practice leads to the combination and the intertwining of many different factors of historical process both at the macro level (major social processes), and on the micro level (the mentality of an individual). The concept of «Late Antiquity» removes the usual barriers and distinctions between the study of ages and nations, which appeared to be completely different, not suitable even for historical and comparative analysis.

The concept became quite well-known in our country, perhaps, since the beginning of the XXI-st

century, but the period of its development and European recognition accounts for 1970-80-ies, when the change of historical paradigms took place in scientific practice of only one generation of historians. During this period there was a real «explosion» in historical science concerning the study of late antiquity [12]. Such interest of researchers in this era is not an accidental one. This period is a very difficult time as such, the era of transition from one civilization (classical antique) to the other (the Medieval civilization of the West and East Christian civilization), the era of radical changes and transformations in all spheres of society life. This is a very difficult period, important in terms of understanding the mechanisms of transformation of one local area to another civilization (the others).

The appearance of Late Antiquity concept was conditioned by several factors. First of all, this theory was in some way a kind of response, the reaction to the conservatism of traditional British historiography. Another powerful factor that prepared the emergence of a new concept is the development of the historical science. The concept of Late Antiquity appeared during the new stage of global humanitarian

knowledge development and became the result of contradiction sharpening between the adherents of legal and institutional history, on the one hand, and the supporters of more general issues of society culture on the other. The concept of Late Antiquity, as N.A. Selunskaya rightly notes, was originally directed against the traditional study of mostly legal and institutional history, against the inertia of academic science [10].

The traditional approaches to late antiquity as to the decline and fall of Rome were fully and finally completed in 1960. The last major summarizing work written by A.H.M. Jones was published in 1964 [9].

But in 1971 some kind of Late Antiquity idea «manifesto» was published – «The World of Late Antiquity» by Peter Brown [6]. Thus, the methodological «revolution» occurred almost simultaneously. The «decline and fall» concept of ancient society was replaced by an alternative view about the gradual transformation non-catastrophic transformation of ancient culture and the origin and formation of a new civilization by the «reformation» of individual segments and whole array clusters. However, the problem of nature and world essence determination that existed within the vast area of the Mediterranean world since the crisis of the III-rd century until the Arab invasion in the VII-th century remains an open one in addition to its strict transitivity.

The concept of Late Antiquity is largely the consequence of a new approach to the selection of priority areas of research and the arsenal of sources. Institutional history, economic and social changes, the written sources that were more traditional themes of academic studies, were replaced by an interest in the visual sources, the history of religion and culture, everyday life and mentality; The interest in the «human dimension», to gender issues increased significantly. The factor of archaeological researches also increased, especially in certain regions of the early Byzantine world (Palestine, Asia Minor, Egypt, and the Balkans).

However, as N.A. Selunskaya rightly pointed out, the view is created that the concept took shape and became a recognized historiographical idea in Anglo-American historiography mainly due to the work of one scientist. Just as J. Huizinga, in fact, created a special image of The Late Middle Ages on his own, the success of Late Antiquity idea was provided by Peter Brown. Of course, it is not a sole author of the concept: this term existed in the scientific use before him. But the book «The world of Late Antiquity, A.D. 150-750» had a particularly wide resonance.

Indeed, the concept of Late Antiquity originated as the product of the Oxford university culture development, and as the reaction to the conservatism of its traditions. But over time its value became much wider. Today, the popularity of the concept is mainly

associated with the American university practice and is started to be perceived as a broad concept, which takes into account polycentrism and poly ethnic religious world of Late Antiquity. The studies in line with this new paradigm embraced Australia (the known school of Byzantinology), Israel and Sweden. In French and Italian historiography (and to a large extent in German one) of relatively Late Antiquity much less attention is paid to methodological aspects, but some specific problems, mainly the issues in the paradigm of cultural continuity are studied most actively. Gaza school phenomenon was developed especially successfully [see: 1].

The new approach considers the society of Late Antiquity culture very widely – from the material to the religious component, which, respectively, required the expansion of historical source range. Indeed, see the features of civilization continuity instead of stopping the decline of foundations and the stopping of traditions is quite easy, if you pay attention not to the crises of economic and political systems, but on the culture and religion. The monuments of the last ones representing a vast written tradition (much more extensive than all written texts of classical antiquity), as well as the visual monuments and new archaeological materials, open a new, a broad and a productive research field for scientists today. Late Antiquity appears now really as some kind of an independent and a self-sufficient world, which equally differs from ancient civilizations and classical Middle Ages, from the West and from the East, and at the same time it is closely related by some unbreakable bonds with both. This particular world appears itself is a very diverse, but a united and an autarkic phenomenon.

However, the understanding of this phenomenon requires an answer to many questions nowadays. First of all, it concerns the selection of a qualified border between the epoch of antiquity and the world of Late Antiquity, and between Late Antiquity and the Middle Ages. The variety of real life, as well as the multiplicity of approaches and points of view from which the researchers consider this era, allow different interpretations of the events and, consequently, the basis for the development of different periodizations. In general, the chronological framework of the period looks quite fuzzy. Regional differences are too obvious, the pace and the rhythm of development varies. IV-th and the middle of the VII-th century are revealed most often in literature as conventional boundaries, although P. Brown initially considered much broader chronological framework.

The internal periodization of this era is also very important. More or less certainly one may distinguish «early» Late Antiquity (within the IV-th century, or the years 313-395) and «late» Late Antiquity (from Justinian's death to Heraclius death, and the arrival of

the Arabs in 565-641). The works with these frameworks started to appear both in foreign and in domestic science [11].

There is also the issue of Late Antiquity world integrity, where the boundaries of this world took place. Since the second half of V-th century one may specify the area within the political boundaries of Early Byzantium as a civilization kernel and then a buffer zone of Christianized countries, peoples and tribes around it. Actually, ethnic-regional and ethnic-religious differences existed within this world that allows you to raise the issue about early Byzantine multiculturalism.

Regarding Byzantium: if traditional historiography draws its image as a static, unchanging, conservative, largely stagnant state, then a new look on the Late Antiquity (and Early Byzantium as the practically identical to it) provides a completely different image. This period appears as the era of new features and major changes, the era of diversity and creativity, which is reflected in an extremely rich and varied literary tradition, works of art, material culture, etc. Moreover, there is an image of a very inhomogeneous and polyethnic religious education, where a large role was played by Platonism, ancient cults and traditional performances along with Christianity, as well as the variety of syncretic religious practices, widespread within the eastern borders of the empire (and beyond these borders). As I.Y. Vascheva clearly notices, it was the period of experiments and creative search in all areas of life [12].

In domestic science the current situation on this matter the situation is such that classical scholars, byzantinologists and the medievalists of early Latin West in general remain to stay in their own «parties», and the general micro-group of «Late Antiquity scholars» was not formed actually. Nevertheless, there are some scholars who perceive the period methodologically like this. Now not very powerful forces may pay attention to the study of this complex era in Russia. The reasons of it are in a narrow specialization, as well as in the level of the fundamental linguistic and multidisciplinary training. The combination of historians with different profiles for the participation in the discussion of general issues concerning historical knowledge and in research projects would be a crucially positive factor in the study of Late Antiquity in Russia. The interest to such a paradigm as the Late Antiquity image, its discussion may become a unifying factor. Also the possibility of small research groups, potential research schools appearance (both metropolitan and regional ones), which would be focused mainly on the study of Late Antiquity seems quite promising to us.

The concept of Late Antiquity and Postclassic world is a very significant one for the development of world historiography in general. This is one of the major methodological advances during last decades.

Further discussions about this paradigm will be very valuable for the development of historical interpretation methods concerning transitional periods using the example of the first one of them in the history of Europe. And of course, a new field of research provides broad opportunities for the Study of the genesis issues concerning the early Byzantine culture, the heritage of individual authors and schools, the provision of knowledge, the mental revolution, and a lot of other things. A huge source base, a lot of texts was updated. The interest to their authors awakened. In particular, among other things Russia will have to prepare and publish a large number of annotated translations for the works of various authors, and this work has already begun. It is necessary to perform an active archaeological research in the field. Due to all this, the most difficult historical process of classical Mediterranean world medieval study will become much clearer.

References

1. Bolgova, A. M., Bolgov, N. N., Lipich V. V. and V. I. Shilov. The Study of Gaza School of Rhetoric in Recent Years // *Belgorod State University Scientific Bulletin. Series: History. Political science. Economy. Computer science.* Issue 32. No. 21(192) (2014). Pp. 43-46.
2. Bowersock, G. W., Brown, P. and Grabar, O. (eds.). *Interpreting of Late Antiquity: Essays on the Postclassical World.* Cambridge MA, Harvard UP, 2001. 320 p.
3. Bowersock, G. W., Brown, P. and Grabar, O. (eds.). *Late Antiquity: A Guide to the Postclassical World.* Cambridge, MA: Harvard UP, 1999. 802 p.
4. Brown, P. *Power and Persuasion in Late Antiquity: Towards a Christian Empire.* Madison: University of Wisconsin Press, 1992. 182 p.
5. Brown, P. *The Making of Late Antiquity.* Cambridge, Mass.: Harvard UP, 1978. viii, 135 p.
6. Brown, P. *The World of Late Antiquity. AD 150-750.* London: Thames and Hudson, 1971. 216 p.
7. Cameron, A. *The Mediterranean World in Late Antiquity. AD 395-600.* London; New York: Routledge, 1993. xv, 251 p.
8. Cameron, A., Ward-Perkins, B. and Whitby, M. (eds.). *Cambridge Ancient History. Vol. 14. Late Antiquity: Empire and Successors, AD 425-600.* Cambridge, 2000. 1123 p.
9. Jones, A. H. M. *The Later Roman Empire, AD 284-602: a Social, Economic and Administrative Survey.* 2 vols. Oxford: Blackwell, 1964.
10. Selunskaya, N. A. «Late Antiquity»: Historical Concept, Historiographical Tradition and the Seminar «Empires unlimited». *Journal of Ancient History.* No. 1 (2005). Pp. 249-253.
11. *The Prosopography of the Later Roman Empire.* Vol. 1. AD 260-395 / Ed. by A.H.M. Jones, J.R. Martindale and J. Morris. Cambridge, 1971. Vol. 2. AD 395-527 / Ed. by J.R. Martindale. Cambridge, 1980. Vol. 3. AD 527-647. Cambridge, 1992.
12. Vascheva, I. Yu. Late antiquity concept in modern historiography. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod.* No. 6(1) (2009). Pp. 220-231.

UDC 316.752

DOI: 10.18413/2408-932X-2015-1-4-20-32

Krokinskaya O. K.
Okladnikova E. A.

**«BOOKS AND PEOPLE»: RESULTS OF THE PUBLIC POLLS
ON READING PROBLEMS AT THE ST PETERSBURG INTERNATIONAL
BOOK FAIR 2015**

- 1) Doctor of Sociology, Professor. Herzen University. 48 Moika, St. Petersburg, 191186, Russia. E-mail: krokinskaya@mail.ru
2) Doctor of Historical Sciences, Professor. Herzen University. 48 Moika, St. Petersburg, 191186, Russia.
E-mail: okladnikova-ea@yandex.ru

Abstract.

The purpose of this article is to present the results of sociological research on a number of issues of modern reader practices that develop a deep and a substantial impact of reading on the inner world of a reader. The survey audience is the visitors of the Tenth International Book Fair, held in St. Petersburg in May 2015. The present study was carried out using the questionnaires and formal interviews, and the processing of empirical material was carried out by case-study method. Despite the fact that the survey sample can not be regarded as a strict one, we tend to consider the results of the study as the representative ones. The obtained statistics allowed to bring the data together and carry out their analysis as a whole, though the analysis of respondent answers proved to be more informative one and distributed by age groups. During the survey we were able to identify the great interest of respondents to foreign literature, the decline of interest in poetry, an expressed separation of reading public into interest groups. Book Salon–2015 visitors tend to respect an ambiguous character of novels, choose a variety of literature and showed a great interest in developing, meaningful reading.

Key words: reading; Book Salon 2015; sociological survey; the effect of reading; modern readers.

Крокинская О. К.
Окладникова Е. А.

**«КНИГИ И ЛЮДИ»: РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО
ОПРОСА ПО ПРОБЛЕМЕ ЧТЕНИЯ НА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ
МЕЖДУНАРОДНОМ КНИЖНОМ САЛОНЕ 2015 ГОДА**

In May 2015 the Tenth International Book Fair took place in St. Petersburg. According to organizers, the Salon was visited by over 200 thousand people with St. Petersburg citizens and the guests of the city. The salon operation was performed by the representatives of 20 countries and 14 Russian regions, their museums, libraries, book-selling companies and educational institutions. The Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen (Herzen University) also took part in it. With the help and the support of St. Petersburg library society and the Library named after V.V. Mayakovsky the students of the Department of sociology at the Faculty of Social Sciences (Herzen University) conducted a sociological survey concerning the following topic: «Books that changed us». The study was led by the doctor of sociological sciences, the professor of sociology department (Herzen University) Olga Konstantinovna Krokinskaya and the doctor of historical sciences, the professor of sociology department (Herzen University) Elena Alekseevna Okladnikova. The co-authors of the project were 3rd year students (in May 2015), Ekaterina Avkhimovich and Irina Smirnova. The

survey was also performed by Christina Zhukova. The survey was conducted using questionnaire method, the questionnaire is the product of joint work among co-authors.

Before we present the results of the project, it is necessary to determine the limits of its cognitive capacities. According to content volume and the number of respondents it was a small work, but it contained the questions, which were rarely included in the zone of large project interest.

The overall picture of reading in Russia was fundamentally studied by the Levada Center team of authors a few years ago [4]. The materials of this research are often published under the title «Catastrophe of reading» that is were evaluated as an indication of a serious social and cultural problem. Its main features were:

- the reduction of constant share of newspaper, magazine and book readers in particular (the proportion of adult Russians who do not read books, approached to 50 %);
- the change of reading content: the shift of interest from high genres of fiction to a mass fiction

genre (detective, action novel, love prose, historical and adventure novel);

- the dominance of TV viewing and entertainment genres over reading, the development of tastes by mass serial genres;

- the change of access structure to quality literature, the decline of libraries, the lack of expert advice;

- a controversial Internet influence on reading with positive and negative effects.

In general social sense this could entail, and entailed today the cultural separation and the split of macrosociety, the reduction of intellectual demands, the loss of values (cultural, moral ones), the guidelines and the immersion into antisocial nature, and along with other incentives of situation – the distortion of cultural reproduction institutions, the decrease of education quality, etc.

However, it is impossible to ignore the presence of advanced, modern-oriented groups and population strata in society, including children and young people, – the fact that does not allow to picture the studied phenomenon exclusively by black and gray colors. People read. And the work of St. Petersburg salon, Moscow Book Festival and others, including the regional book forums showed that they attract a large number of interested participators, and therefore, books and reading did not disappear from the range of our citizen cultural needs. These positive facts should be examined at least as closely as the negative ones. Without them, the picture of reading in Russia will be incomplete and unreliable.

In our project, the Book salon operation made it possible to refer to the audience opinion, usually dissolved in mass surveys – to book fans, the people with a distinct focus on reading, the bearers of book culture values, whose lifestyle includes active reading practices. Against the background of a mass object, which is studied by large research centers, it was a spot metering, made in rare circumstances. The statement of the problem task made it possible to look into the area of direct influence of literature, books and reading on the development of life and an inner world of a reader.

In the context of lack of time and resources our project was carried out by face to face survey method, using questionnaires (in the formal interview mode), which, however, did not exclude the possibility for respondents to comment their answers,

which partly made up the lack of a deeper theme study by qualitative methods. We consider it necessary to warn that the survey sample can not be considered very strict. The interviewers talked with the salon visitors who put aside their personal intentions for some time and agreed to answer the questions. Therefore, the study results are not referred as representative ones, and its status shall be determined as the case analysis. In the cases when statistical indicators allow to combine the data they are analyzed as a whole, but the analysis by age groups proved to be a more informative one.

Sampling characteristic and survey situations.

The situation of a survey created difficult conditions for the search of respondents. The search took place in a huge building of the former horse arena as large as a good stadium, which had «Brownian» streams of visitors along «book alleys». We are grateful to all those who agreed to answer our questionnaire and, therefore, developed a custom set of «available cases». By occupation the sample included mostly highly qualified experts of different fields of activity – university professors, teachers, doctors, engineers, scientists, managers, journalists, writers, librarians, the representatives of creative professions (artists and designers), as well as the professionals of book publishing and editors. The total amount of interviewed made 116 men, including 79 % of women and 21 % of men. Approximately two thirds of respondents were the residents of St. Petersburg, and one third was represented by the guests of the city. The age range made 13–75 years, with the predominance of young adults (18–35 years – 56 %). The majority of respondents have a higher education and a degree (53 % and 3 %, respectively), the persons with vocational education (technical school, college) amounted to 10 %, while students and pupils made 14 % and 18 % respectively. Then the following results of the study are presented.

General reading contexts. What do reading fans and book experts who came to the Book Salon love to read? Their preferences vary and depend on age (Fig. 1). Teens expectedly choose mainly adventure and science fiction (79 % and 71 % of responses respectively). Only teens read comic books (29 %) and a small proportion of them (14 % for each type) prefer love stories, thrillers and detective stories, science and scientific-popular literature.

Literature preferences % from the amount of interviewed in age groups

Adventure stories, fantasy, mystery, comics, love novels, scientific literature, science-fiction, thrillers, detective stories, historical novels, memoirs, the biographies of famous people

Fig. 1. The dependence of reading preferences on the age of respondents

Young people (18–29 years) and an average adult group (30–49 years) have the widest range of reader interests. They are also like teenage literature (adventure, fantasy, mysticism), but the share of their supporters is gradually reduced, decreasing to 25–35 %. But the status in the structure of reading is increased by scientific and popular scientific literature, as well as by historical novels and biographies (the range of responses makes about 20–40 %). Suddenly the narrow profile of reading was demonstrated by the older age group. With the interests around historical works, memoirs and biographical literature (35 % – 15 %, respectively), the group looks very conservative one. However, the respondents of this age group often added (more often than other groups) that they enjoy the reading of all genres from the proposed list, that is they do not have any preferences actually.

The picture of literary preferences is complemented by the interests of interviewed in the field of literary genres of prose and poetry, domestic and foreign one. These interests are expressed quite clearly. The priority belongs to Russian literature, especially to its classical forms (36–39 %), while foreign classics, prose and poetry attracts 17–29 % of the respondents. But the position of Russian literature

can not be called an absolutely dominant one. Foreign Prose scores points by preference gradations concerning contemporary works (19 %) and an equal acceptability of classical and modern works (43 %). Due to these positions the share of domestic and foreign literature presence in the reading of the respondents is almost the same one. A relatively lower interest is fixed in relation to poetry. 13 % of respondents are not interested in national poetry and 25 % of respondents are not interested in foreign poetry. We will see the illustrations of these facts in other research materials.

Reader's expectations. Why do people read? What do they expect from the dialogue with a book? In general, people read for pleasure – an intellectual, an aesthetic and an emotional one; in order to fill leisure time, to sit in an arm-chair, to have a rest, to relax; for the sake of entertainment and the distraction from reality; to pass some inevitable routine, boring, empty periods, like everyday driving to work during one – two hours or even longer; people also read for the sake of knowledge, because of interest, to learn something new and useful, to answer the disturbing questions about yourself, family, children, country, etc.

Today, many authors pragmatically focus their works to these requests. Others simply create, and their work creates a lot of situations not foreseen in advance. A reader reads for pleasure, and in the meantime some kind of values, ideas, puzzles, challenges, knowledge, behavior, philosophy models are given to them, etc. He accidentally takes the first available book from a shelf for recreation, and then looks at the cover and looks for an author's name, to praise or stigmatize him. And over time a reader has certain expectations from reading, he learns to judge reading in order to continue it and its place in culture. That's why we may ask such a reader about his assessment of a book as a companion and as a mentor.

Value expectations of readers. When they asked whether a book should translate some values or ideas an unequivocal answer was given. Yes, it should. This view is clearly expressed in all age groups, from 71 % of responses among teenagers up to 95 % in an older group.

Using the materials of the performed study we do not have the ability to judge what values should be present. We also can not say that the request for the evaluative nature of literature content is increased as they grow older, because nobody knows what modern teenagers will think about it, because they still need to understand what human values are and to understand the structure of the world based on these values, but we clearly see the fact of relation between age and value expectations from reading.

It is clear that when the issue of resistance to reading catastrophe and the strategies of mass interest return to reading is being solved, it is important to disclose its value aspects, and respond to doubts about the necessity of its valuable content, at which 15 % to 20 % of the respondents point in our sampling. It is possible that, when mostly entertainment and fun is wanted from a book, they are afraid of some regulations and restrictions that set additional social and pedagogical problems in respect of culture and society.

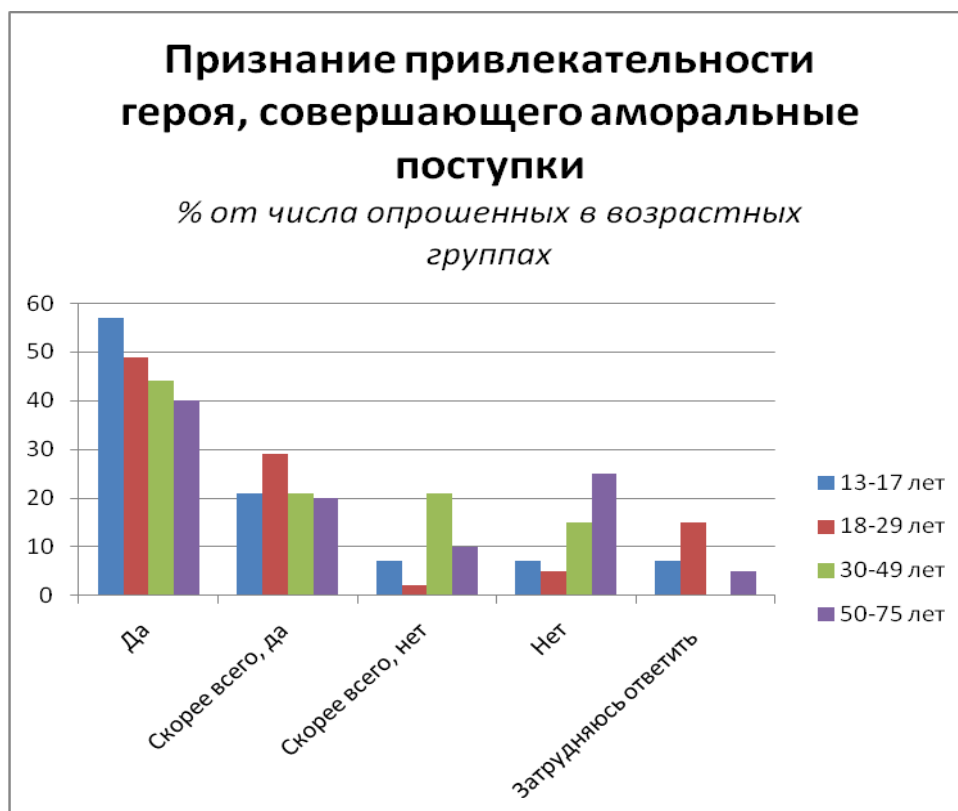
This assumption rests on a substantial basis. Value expectations among the respondents are not directed for the search of ideal samples. A series of

the questionnaire questions deals with this particular aspect of the matter and comes from the students, that is, it was born among the youth. These are the issues about morality – the urgent issues of modern society in the context of literature and reading as the basic instruments of culture. The following firmly put questions were answered firmly by the respondents. «Should a book teach moral behavior only?» – definite «no» answer 62 % from the sample in general, and «Can a protagonist commit immoral acts and still be an attractive one?» – definite «yes» answer 42 % and 71 % with the variant «most likely yes».

One of our coauthors, the 3rd course student provides the following speculations:

- There is the idea that «a man expresses himself in his actions». But often favorite book heroes, whom we sympathize, make quite dubious actions, sometimes even immoral ones. A friend of mine answered the following to the following question: «Would you still like the hero who committed an immoral act?» – «Yes, yes and yes. On the contrary, I would stop like a book where a hero always does only right things. It ceases to be alive». In fact, there is something to think about. Actually, this question was asked for Book Fair visitors. One may speculate on this topic continuously, but many examples speak for themselves and confirm our statistics. Pechorin, who moved so many hearts and changed the lives of many ones, reflects, in fact, his generation disease – the attraction of vice, committing immoral acts, one by one, but remaining to be loved by readers.

But it is not enough to state the attractiveness of a vice. We still have to understand why this thing happens. Why Grigory Pechorin is loved by readers or just by female readers? Why people like a lady-killer, a cheater, a manipulator and, in the end, a murderer? Is it because he is a good-looking, a romantic and a demonic one? Is it because he suffers from his futility in this world? Postmodern epoch easily accepts the promiscuity in matters of good and evil, the confusion, the absence of distinction between good and evil, but we see too well the devastating effects of this moral relativism, just to pass by an explicit socio-ethical fact (Fig. 2).

The acceptance of hero's attractiveness committing immoral acts
% from the amount of interviewed in age groups

Yes, more likely yes, rather no, no, it is difficult to answer

Fig. 2. The dependence on the respondent's age of sympathy for «negative character» hero

We have to admit that there is a considerable number of issues, addressing further studies to fundamental science in the context of the set problem:

– What is articulated in the reception of literary meanings, and what is passed unnoticed, i.e., censored by personal and cultural unconscious?

– What are in these estimates from the understanding of a human nature complexity and what just from the learned facts for an exam and not enough cognized school lessons?

– What things are from already familiar and paradoxical primitive statement of the world complexity and what from the postmodern destruction of criteria, the refusal from a clear distinction between good and evil?

– What is from an increased psychological literacy of people and the reflection of one's own ambiguous experience and what is from Manichaeism peculiar for Russian culture, approved the attitude towards the ambivalence of good and evil long before postmodernism? [14].

Anyway, we see that the readers of all age groups tend to the negation of rigid moral statements and the understanding of human behavior

unambiguous interpretation impossibility. This class of ratings also has the answers to one another difficult question, the discussions of which do not cease: «In what extent the information about an author's personality affect the perception of his works?» In this case, the age differences are clearly seen in study materials. The least demanding and the most tolerant to a possible «personal approach» is an average age group, the so-called «young adults» (30–49 years), senior group respondents are full of rigor, and they, according to their interest in the biographical literature (see. above) are aware of emerging problems in this regard.

However, the very difference of positions in the given issue suggests a specific cognitive operation of a reader. After all, if we know more about an author's identity besides his picture on the cover and biographical data in Wikipedia, and sometimes a lot of controversial facts is known (errors, failures, fluctuations in world outlook, relations with authorities, sickness, morality), and at that it is possible to evaluate the texts of his writings and their semantic world, this indicates as a rule a high level of a reader's literacy and reading culture, associated with the ability of a reflexive attitude towards reading

and the distinguishing of a writer's status and his positions as a real person, his author's incarnation, and the incarnations of heroes, the characters of his books as the embodiments of the author's creative demiurge abilities.

Moreover, the acquaintance with the authors, which becomes available due to their readiness for communication in social networks and at the meetings of various formats, may arouse previously implicit feelings in a reader, form and strengthen empathy, make him talk by more emotional language, incite to acts, not planned in advance. Here is an example of the personal correspondence with one of this article authors with his former graduate student, now candidate of cultural science A.O. Marova (then according to the text):

«... At the exit from Staraya Ladoga fortress, I noticed a book that is sold in a museum complex on all shelves, and, in particular, in the temple. This is B.G. Vasiliev's book «The monumental Staraya Ladoga painting of the XII-th century». I know this man I remember him, I remember his look, full of some inescapable melancholy, when he talked about the reconstruction works with whipped frescoes from George. When he talked, I had the feeling that he tells about his children, who had suffered a cruel tragedy, and he helps them to recover from some serious surgery These frescoes are his children ... he gathered them from the particles the diameter of which made sometimes 3-4 cm ... He gathered everything that could be gathered ... He restored it... It's beyond words when he talked about it, he emanated love and selfless dedication to this thing, this temple, these paintings ... and it was worth it. The things he did were great to me. And I felt a wild dull anger, powerlessness, helplessness, because that I did not take cash from my card due to some idiotic coincidence. The most lousy thing is that I had money! But, I could not spend it to buy this book. Not so much to read it, although it is worth reading, but because of its illustrations which are stunning ... Anyway, it's a good book, a nice one, this is the result of all author's life. A pile of his articles and studies is collected, all in one place. I felt an urgent need, not so much to buy and read it, but to buy and pay tribute to him for his great work ...»¹.

Everything said above about the readers' preferences, expectations, estimates and values makes the context of the answer to the main research issue.

Books which changed us. First of all, the vast majority of respondents in all age groups agreed that a book and reading may not only give some new

knowledge and experience for a person, but also to change something significant in him and his life. In total by sample, this was the answer of 97 % of respondents and 100 % within the teenage and older group. Regarding the period of life when this may happen, the respondents have also a general idea at any age (70 % in total according to the sample, 95 % in the older group and about 65 % in other groups). Along with this: the fact that it may occur mainly in childhood is stated by children (14 %) and the representatives of their parents (9 %). Another period for the compliance with such changes is considered to be the period of youth (15–30 % of responses in different groups). It is noteworthy that the senior group, for which the youth is over, does not prevent the ability to change under the influence of a book. This group just shifts its assessment in the category of «all ages», choosing it in 95 % of cases. In other words, the readers confirm a person's ability to change under the influence of strong cultural stimuli and senses.

Unfortunately, the scope of the project did not allow to develop it as a whole within a quality strategy and perform the series of profound interviews about this change in practice. But one may use other people's testimonies for its reconstruction. For example:

– «Pippi Longstocking» was for me some kind of a textbook concerning the liberties of the sixties, a role model... Pippi is imperturbable, true and spontaneous, and besides she has a horse. She is not afraid of exams, bandits or a shipwreck. This is a book about the methods of actions and at the same time the appreciation of your loneliness...»².

– First, I just put down sources and literature from the poet's Diary out of interest, then I aimed to read and study them all, then I went to the archives, and finally an amateurish hobby turned into a permanent interest in the subject and became the part of the profession³.

–«Kolyma Tales» written by Varlam Shalamov is one of the books I read in 1988-1989 (together with «Master and Margarita», «White robes», «Private Chonkin», «Whirlwind tour») which changed my Komsomol student outlook forever. Now I will never be able to understand the compatriots, glorifying Stalin and his regime...»⁴.

After making sure that the very fact of change for something real in a person and a reader's life under the influence of the books can really exist and

²

<http://www.wonderzine.com/wonderzine/life/bookshelf/214793-plungyan> (date of access: October 13, 2015).

³ Ibid.

⁴ <http://takiedela.ru/2015/06/shalamov/> (date of access: October 13, 2015).

¹ Elena Okladnikova. Author's Archive, 2015, St. Petersburg.

our question is not just a mere speculation, we are ready to continue to provide the results of the responses to an open question in the questionnaire: «Can you name a book (an author, a genre, a series of books), which will change your future life?» 98 people responded to this question, and they created a list of authors and works by their answers, including more than 75 books, and only some of them are named 2-3 times. It seems that we are witnessing the fact of almost complete uniqueness of the system affecting literary contacts. Here is a full list which is given in an alphabetical order.

1. «War through the eyes of children» (no author)
2. «Easy Way to Stop Smoking» (no author)
3. Alexander Belyaev
4. Alexander Solzhenitsyn, «Gulag Archipelago»
5. Alexander Fadeev, «Young Guard» (according to respondent Sholokhov)
6. Alexander Brushteyn, «The road goes into the distance»
7. Alexei Tolstoy, «Buratino»
8. Alfred Kokh
9. Anatoly Kuznetsov, «Babi Yar»
10. Network literature anthology
11. Antoine de Saint-Exupery «The Little Prince»
12. Bernard Werber, «Ants»
13. Bible (5)
14. Vadim Zeland «The space of options»
15. Valentin Rasputin, «Deadline»
16. Valentina Oseeva, «Dinka»
17. Vasily Grossman, «Life and Fate»
18. Veniamin Kaverin «Two Captains»
19. Vladimir Nabokov, «Lolita»
20. Gayle Forman, «If I stay»
21. Hermann Hesse «Steppenwolf»
22. Guy de Maupassant
23. James Oliver Curwood, «The Valley of silent giants»
24. Jane Austen, «Reasons of mind»
25. Jack London, «White Fang», «Martin Eden» (2)
26. Joanne Harris, «Chocolate», «Candy shoes», «Peaches for monsieur cure»
27. John Green, «Blame stars»
28. Jonathan Safran Foer, «Extremely loud and incredibly close»
29. George Orwell, «Misfortunes in Paris and London»
30. Dina Rubina
31. Yevgeniya Ilyina, «The Fourth Height»
32. Evdokia Luchezarnova (4), all books, «Living books» (3) «There is nothing accidental in this world», «The rhythms of a new century»

33. Jean-Christophe Grange, Detectives
34. Ivan Turgenev «Fathers and Sons»
35. Clive Staples Lewis, «The Chronicles of Narnia»
36. Classics of XIX-XX centuries
37. Leo Tolstoy (2), «Resurrection»
38. Lyudmila Ulitskaya
39. Lucy Montgomery, «Ann from green mezzanines»
40. Mariam Petrosyan, «The house in where»
41. Maria Parr, «Waffle Heart»
42. Mark Twain
43. Milan Kundera «The unbearable lightness of being»
44. Mikhail Bulgakov, «Master and Margarita» (2)
45. Mikhail Lermontov (2), «Hero of our time»
46. Mikhail Sholokhov «Quiet Don»
47. Nick Vuychich «Life without Borders»
48. Nicholas Sparks, «The Notebook»
49. Olesya Duplyakina, «The ways of becoming a desirable bride»
50. Osho (Rajneesh) «Empty Boat»
51. Pamela Travers, «Mary Poppins»
52. Patrick Ness «Monster's voice»
53. Richard Bach «Jonathan Livingston Seagull» (2)
54. Robert Sheckley
55. Roland Barth, «Paris Nights»
56. Rhonda Bern, «Secret»
57. Ray Bradbury, «Dandelion Wine» (2)
58. Salvador Dali, «Diary of a genius»
59. Sebastian Faulks, «And the birds were singing»
60. Sergei Dovlatov
61. Stace Kramer, «50 days before my suicide» (2)
62. Stephen Hawking, «Stephen Hawking's Universe»
63. Tatiana N. Mikushina, «The Word of Wisdom». Books (2)
64. William Burroughs «Only breakfast»
65. William Golding, «Lord of the Flies»
66. Fyodor Dostoevsky (2)
67. Franz Kafka, «The Metamorphosis»
68. Frederic Beigbeder, «99 francs»
69. Haled Hosseyni, Prose
70. Haruki Murakami «Norwegian Wood»
71. Shakespeare (2), «Hamlet»
72. Sharon Draper, «Hey, let's talk»
73. Elizabeth Gilbert, «Eat. Pray. Be in love»
74. Eric Berne, «Games people play»
75. Erich Maria Remarque (2), «Arc de Triomphe»
76. Julia Gippenreiter (2), «How to deal with a baby?», «Psychology for parents»; All books

And here are the answers to the question about a book that changed their lives from teenagers (13-17 years old, 14 people listed by alphabetical order):

- 1) Alexandra Brushteyn, «The road which goes into the distance»
- 2) Valentine Oseeva, «Dinka»
- 3) Gayle Forman, «If I stay»
- 4) John Green, «Blame stars»
- 5) Mariam Petrosyan, «The house where»
- 6) Nicholas Sparks, «The Notebook»
- 7) Patrick Ness, «The monster's voice»
- 8) Ray Bradbury, «Dandelion Wine»
- 9) Steys Kramer, «50 days before my suicide» (2)
- 10) Sharon Draper, «Hey, let's talk»
- 11) I can not tell, there was no such a book, such a book was not written yet – 4 people.
- 12) 3 men did not answer.

Two books of this list are from Soviet children's classics (A. Brushteyn and V. Oseeva), one is the masterpiece of foreign and now classic literature (R. Bradbury), and the other works are the works of modern, mostly foreign, writers and adults have little knowledge about these books. Meanwhile, teenagers know them and call them as a very important events for themselves. What are these books about? They are often about death, always about love, childhood fears and their overcoming, about the fact that people are not only good or bad ones. One can hardly argue with the fact that it is very important for maturing children, as well as with the fact that in most cases a family and a school are not able to talk about it with their kids.

Here are some excerpts from the reviews to these books found at LiveLib.ru, which recommends itself as the largest collection of reviews in Runet and the place of readers' communication¹.

Alexandra Brushteyn, «The road which goes into the distance»:

– *This is a good book. Children ask questions and do not get answers. Dad teaches one thing, an invited teacher teaches other thing. Children understand everything by themselves. Who is better: «our» God and «your» God? Why can I not believe in my god only due to the fact that I live in your country? Stealing is a bad act. Is it good to let your child die of hunger without stealing any loaf of bread? ... My head is spinning, I do not want to stumble, it is necessary to look around, to turn your head and look for some answers where not a word was uttered ...*

Valentina Oseeva, «Dinka»:

– *First of all, the main character is a girl! And she is not some kind of right crammer or a mannered damsel. Oh no! This is a girl, who will last for five boys! She is a shaggy imp, an unauthorized rebel, brave, cocky, restless one! Secondly, it is an amazing story about a child's friendship. Such a friendship that not every adult can boast.*

– *I really liked mom Marina! She is an ideal mother and I read it more than with an adult point of view, the way I would have raised my children. She studied patience and understanding from Marina.*

Patrick Ness «The monster's voice»:

– *This book is terrible in its honesty and openness concerning the raised issues, but it is necessary and important for all age groups. We are not taught to deal with similar situations and respond to them. Faced with such things, many get lost and do not know what to do, what to say. This book is a frank conversation about the disease and death <...> and that it is very important to talk about it.*

– *It is for your pleasure, right to the point, for the soul.*

– *It is a surprising, wildly emotional book, when you will use lots of handkerchiefs during reading. I write these lines, and the words from this book appear in front of my inner look again and again, making up sentences, images and something real. And tears veil my eyes again.*

Stace Kramer, «50 days before my suicide»

– *This book is the reflection of almost every teenager! It seems that your problems are worse than the problems of others! But it is not so! We all have problems and we need to live on and do not run away from them, but solve them! When I read, I thought that I had some problems, but compared to the others, these problems are pure nonsense!*

John Green, «Blame stars»

– *You should read the «Blame stars», if you are troubled by the fact that your life is over, because you had «B» after the exam and a handsome young man does not respond to your message at vk.com, if you are under 18 years, if you want to place everything in your life to a right place in terms of experiences and excitement because of little things (i.e. to destroy the very fact of such experiences).*

– *The book made me cry, although the word «cry» is quite an understatement. And it was very difficult to finish the story. And then you sit there like a squeezed lemon, and you do not know what to do next, you try to get back to reality and you can't.*

Ray Bradbury, «Dandelion Wine»

– *It seems when I closed the book, the switch, responsible for emotional balance, has turned inside*

¹ Advisory service LiveLib.ru: <http://www.livelib.ru/> (date of access: October 13, 2015).

me. It amused me, encouraged me, healed me. It made so that my eyes were sparkling for a long time. Such books should be taken to a desert island, to space and to underwater stations.

Sharon Draper, «Hey, let's talk»

– This is the book about Melody who miraculously causes no pity but respect for the main character. The book is written in the first person, and it makes not a usual embarrassment which we are used to experience when we deal with disabled persons ... but the admiration of her inner strength, the depth of her mind and the awkwardness from the minor problems we are busy actually most of the time, how little we notice and how poorly we understand other people.

– I really liked the book, because due to we will understand these people a little better, and quite possible it will be enough to hear them.

The reviews (and there are hundreds of them online) may be studied like narratives – texts, literature impact evidence on a reader, on the emotional sphere of communication with literature. Often they have some reports about tears («crying, sobbing», «ruined hundred of handkerchiefs»). Of course, in the vast majority of cases these are girls and women. But, apparently, it is important and necessary to show their empathy in this manner. In regard of teens, and probably not only them, you may find that in the very «feelings», the feeling of your emotions, the extension of their range beyond their own experience or the proof of your own experience is a great reading value today when stiffness and even an aggressive behavior becomes an emotional dominant. However, you may find the fact that empathy exists only in a book virtuality, whereas real life makes to exercise hardness and deafness to the problems of other people. All this is also the subject for an in-depth research.

«Influencing reading». What is the phenomenon with which we are faced in a seemingly simple survey? Let's call it «influencing reading» and let's try describe it.

Referring to the content of read sources and reading experience, we immerse in the world of semiosphere [11] – culture, understood as the field of senses, symbols, signs and meanings, which in the form of different kinds of texts, – verbal and nonverbal ones, – the creation, representation, symbolization, interpretation and transformation of subject and phenomenal world of culture semantics. A responsible man is placed in this world by his destiny and our question, and the transformation of properties and meanings takes place in the course of

communication with semiosphere in general and with a book in particular.

A man reads ... What is the understanding of not these words, but the essence of the things which happen? Let's assume that a person is not an abstract actor, but a feeling, reflective person with some proto reflection at least and let's define «reading» as an operation of communication between a person and a particular section of semiosphere, which is represented by some text. What does a man «read» in it? According to academic coercion he reads something that «should» be read, in the best case this is the fact «that an author wanted to say», and for their own purposes and motives these are the things that we manage to catch, like on a hook, responding to our requests in accordance with our dominants. He «reads» from a text the things which are consonant with these requests, dominants, personal «matrices», sets, neurosemiotics [see: 7], nonverbal semiotics [see: 8], «an embodied mind» [see: 10] – those nervous, brain, bodily, and, as a result, cognitive mechanisms that allow us to feel and move, and which also generate our conceptual structures and the ways of thinking [see also the following research works: 1; 2; 5; 12].

A connecting thread, a capillary, through which the nutritional and educational substance flows, is drawn between a person, his brain and a book. There is an attraction, a connection, the feeling of identity, an explicit or implicit self match is achieved self with a «message», a text message or the thing which we will consider as a message for ourselves. There is identification, a merger, an insight, a moment of love. As in «Avatar»: «I see you». Or as in one of the reviews: «Yes, this is mine, this is what I need». «It's me, the Lord» as Rockwell Kent titled his autobiography, following the words of the old Negro national anthem. This is the contact a person needs to understand his own essence and answer the questions. If we put it in a very high style – «his essence» means before God and God's meanings. A person, the subject of semantic and meaningful cultural contact has a constant completion of «I», and it happens when all is matched and put together when «I» saw himself in the mirror of a book.

But first of all an explicit or even implicit request is necessary – temporarily empty and requiring the filling in of «a holy place» in a soul and a body, disturbing rattling, membrane pulsation that haunts, an open «valence» offering the connection to someone or something and to establish a necessary, desired, an expected relation – an influencing, a crucial and an essential contact. And here we see that it is being established. This process, in fact, may take

a lifetime. It is known that sometimes people read the same book many times, each time finding something new. Life creates new «empty spaces» in an individual neurosemiotic system, reveals new «valencies».

Does this mean 50 % of the population that do not read are the people with no questions to the world? It is not excluded. And if so, then many things become clear additionally on the status of mass and public consciousness in our country, on its human potential and intellectual capital.

Almost every answer to the question about the book that changed his life, found his point of personally meaningful communication, realized his previously opened «valency». Who is Virgil here? Who is the conductor who is the «Navigator»? – A

friend, a teacher, the list of «Top 100» books? - Yes, a little bit of everything. But more often a man himself is in his own search (30-40-50 % of responses in age groups) and «a god-inventor case» – 15-20-30 % more. That is this is mostly himself seeking an answers to their questions, the requests of his «I», eager to gain integrity, create or arrange his world of senses ...

As we mentioned already, influencing reading as the phenomenon of an individual reader's practices proved to be an extremely diverse one. It has no trends almost except for the diversity and the variability over time, correlated with the membership to a particular generation, and thus, with their referential personal and cultural situation (Table).

Table

Leaders of the affecting reading

13-17 years	18-29 years	30-49 years	50-75 years
	Luchezarnova E. (1)	Luchezarnova E. (4)	Luchezarnova E. (4)
	The Bible (2)	The Bible (3)	
		Mikushina T. (2)	Mikushina T.
	J. London	J. London	
Bradbury R.	Bradbury R.		
		Shakespeare	Shakespeare
Brushteyn A.Ya.	Bart R.	Bach R. (2)	Grange J.-C.
G. Greene.	F. Beigbeder	Belyaev A.	Kaverin V.
Sh. Draper	Bern R.	Bulgakov M. (2)	Parr M.
Kramer St.	Bern E.	Werber B.	Rubina D.
Ness P.	W. Burroughs	Gippenreiter Y. (2)	Saint-Exupery A.
Oseeva V.	N. Vujcic	V. Grossman	Solzhenitsyn A.
Mariam Petrosyan	H. Hesse	Duplyakina O.	Mark Twain
Sparks N.	Gilbert E.	Zeland V.	Ulitskaya L.
G. Foreman	W. Golding	Ilina E.	A. Fadeev
	S. Dali	J. Curwood	Hosseini H.
	Dovlatov S.	A. Koch	
	F. M. Dostoevsky (2)	M. Lermontov	
	F. Kafka	Lewis K.	
	Kuznetsov An.	Montgomery L.	
	Kundera M.	Maupassant G.	
	M. Lermontov	E.M. Remarque (2)	
	Murakami H.	Tolstoy A.	
	Nabokov V.	Turgenev I.	
	Orwell G.	Shekly R.	
	Austin G.	Sholokhov M.	
	Osho (Rajneesh)		
	Rasputin V.		
	L. Tolstoy		
	Travers P.		
	Foer D.S.		
	Foulkes S.		
	Harris G.		
	Hawking S.		

Except for a very small similarities in names and authors an influencing reading space is highly diverse in genres and sorts of literature, according to ideas and the countries of origin. An age dynamics is inherent to it: the expansion during the periods of growth and narrowing during the periods with aging vector. Its area is fundamentally different from the mass of «general reading» area, which we learn from large surveys. Otherwise, we would have received an obviously stereotyped and doubtful relevant listing: Pushkin, Lermontov, Yesenin, «Tolstoevsky» ... At the same time, with all the differences in size, even our small sample catches some common grounds with the results of large projects and allows us to speak about them as about modern constants:

- a high proportion of foreign literature in the structure of reading among those for whom this is an ordinary way of life;
- little interest in poetry;
- some plaque of an elitist snobbery on the part of literary-based community;
- and a clear segmentation of a reading space, dividing it into groups, quite isolated from each other in culture.

These common features of different research allow us to think that in our case we are not dealing with an artifact, but with some stable characteristics of a modern reader phenomenon, and that the obtained data can be used for its conceptualization.

Modifying effects of influencing reading. What changes were noticed by our respondents when they were reading the books they named? The responses have filled all the space of the proposed survey scale (although quite a generalized one), and the made additions were irrelevant ones. According to respondents, it is mainly a worldview, a position – 46 % of responses in total according to the sample, the understanding of people makes 42%, the knowledge about the world, society and a man makes 30 % and the relation of their country makes 12 % of the responses.

The group characteristics of influencing reading effects are also clearly visible. Let's note their main accents. A pronounced accent, the dominant of the whole system of influences is the position value concerning people's understanding for the teenage group – 64 % of its population and 86 % of those who answered the question about the presence of the book which influenced them heavily. During adolescence, the vast majority of people develop a social intelligence, the most important elements of which are communication skills, social perception, social thinking and imagination, social forecasting, empathy, intuition and regulation, i.e., everything that is taught by the books mentioned by our teenage respondents as the books that changed their lives. That's why the obtained result, in our view, is the evidence of a high need of adolescents in the

development of a person's diversity world and at the same time a sensitive strongest hunger in this regard with a weak possibility to satisfy it.

Another notable trend is the growth of ideological influence of books, and hence the interest to this level of knowledge during the maturation. The older group is focused (compared with other elements) on a more clearly expressed (probably reflective) request for a generalized vision of society and the relationship to the country as a whole.

Some deviations of influencing reading. In the present structure of preferences (Table. 1) one dominant name draws its attention. It is put in the «top» by the supporters of quite popular «teaching» (we will not name it once again) about the possibilities of «a person operation with time» enabling «accelerate, stretch, slow down time and also move in time to the past or to the future». The author of this teaching, her real name and her expressive nicknames were mentioned by the respondents with an exceptional reverence, with a deep conviction that the meeting with her books, radically changed their lives indeed. The message of meant works was actually promising: «*When you come to me, you will get extra time and go with it in your previous life with a full, easy, renewed brain. And <these my – O.K.> books will help you*»¹.

Some may consider such allegations as a pretentious manipulation, but there is an a priori confidence in informants in a cognitive attitude of our project, and when they repeatedly refer to these books in the context of life changes, and indicate on their impressive influence in the questionnaires («everything has changed»), – therefore, we must state the effectiveness of these creations, and, as it turns out, a broad missionary activity of their author². The admirers of the teaching are usually the representatives of the older age groups, and the Fair had a lot of visitors among them. Well this may be a good thing, if people have some new and positive thoughts during the second half of their lives. They thought something like a nationwide and even an international club, perhaps even a sub-culture club that allows us to solve some of our problems, to find like-minded people, to enter the network of interesting communication, etc.

It was not the only event of this kind at the Fair. Even our small sample had almost 8 % of this subculture adherents, and together with the

¹ <http://yevdokiya-marchenko.com/kak-ya-rabotayu-s-lyudmi/> (date of access: October 13, 2015).

² The Institute, established by the author, has the status of a "public institution", has the sense, gravitating to the teachings of the "New Era (New Age)". Wikipedia calls it directly destructive sect. See also: <http://www.k-istine.ru/sects/radasteia/radasteia.htm> (date of access: October 13, 2015).

supporters of other wisdom sources, such as «the teachings of the ascended masters» in the violet flame, putting down their «dictations» to people through «messengers», etc. – there are more of them, and the name of such a wisdom conductor is in the submitted lists too.

Of course, it is the sampling fluctuation to a large extent that is not a serious error for our purposes, because the impact phenomenon is confidently confirmed by this. But at the same time this is the testimony of a fairly broad presence at the prestigious International Book Fair of all sorts of marginal literature and its active distributors, to which journalists covering its work paid their attention¹.

Developmental reading effects. The vast majority of respondents (88–94 % in different age groups) prefer a printed book to the rest of its current hypostases – an electronic, audio, online one. It's quite an unexpected result when you consider the trend for gadgets, an expensive cost of books, a small range of books in a bookshop within regions, the weakening of library network and the challenges of their set completing. Perhaps the reason of it is that the Fair participants are the amateurs of reading and the book professionals, and random people could see that it is festive and elegant, beautiful and emotionally valuable when one may leaf through a book, see illustrations, hold a work of art in one's hands, the fruit of a human labor, not a mathematical program. Maybe that's why the majority of respondents believe that it is possible and necessary to make reading a fashionable occupation, especially if the community is concerned to bring back the interest in reading among everyday behavioral practices (stable 70–75 % of responses in all groups). According to them it is not an allegation for the demonstration of their «cultural level», people explain their position by the fact that they see a fundamental difference between reading as an intellectual work with a text and its listening or screen version.

Why do you need people read it, but not receive information in other ways, that in our days is quite possible and not reprehensible? Even psychologists believe that the so-called «clip thinking» is an inevitable consequence of civilization development and it is an acceptable means of reality perception and decision-making. After all, in the era of high technology, information density and speed the ability

to see a situation «picture» as a whole, without any need for long descriptions and explanations, and quick making of necessary decisions is a great advantage.

In some activities and in certain situations it is true. But people with a clip thinking, capable of fast and accurate «grasp» of individual situation «frames», do not notice often their context, have a poor systemic vision, systematic discourse, an in-depth analysis, and therefore think in a simple and a chaotic way. They may win in tactics, but they will lose in strategy. They do not relate different manifestations of a complex whole to each other and, ultimately, they are manipulated easily. Such thinking can not cope with the need to «practice complexity» (Merab Mamardashvili) – to understand it, to explain it, to solve its peculiar global problems. Psychologists, linguists, and other representatives of the humanities talk increasingly about the fact that the gap between literate minority and illiterate majority is based precisely on the ability to conceptual, verbal and logical thinking, the loss of which threatens the degradation of everything that was brought by civilization.

Here is an interview with the linguist, Professor G. Guseinov, who responds to a reporter's question about the difficulties of everyday communication, where a simple oral speech becomes a stress. In particular, let's add that it is also takes place in educational communication, for the students who speak or write poorly: «Every now and then I come across people who write and fine and speak clearly and expressively. Where do these people come from? They just read a lot, both in paper and in a digital form. They exchange the opinions about the books they read with their own kind, they know two, three or four foreign languages, travel along world and relate what they saw and heard with their own experience. At that they do it in writing. But there are less such people than uneducated TV viewers» [13].

Reading is one of the simplest and most affordable ways of conceptual thinking development, as the experts and readers tell us. He is like some kind of intellectual work necessary for learning and self-knowledge as the means of a person and thinking development – it is impossible to substitute it. Recognizing the relevance and prospects for new forms of reality representation, including clip ones, we must replenish and balance the bias in the development processes, which is brought by the variety and an impressive strength of new reception and communication resources with the external (and internal!) world. Good old reading will help us here.

¹ See, for example, Mokhova S. Salon of wartime [Online] <http://www.rosbalt.ru/piter/2015/05/25/1401371.html> (date of access: October 13, 2015).

Summary. It seems that the small (according to scale and the number of respondents) project «Books that changed us», may take its own place among the vast studies of reading problem, as it is focused not on massive, but on the contrary, on specific, even elite forms, as long as reading is associated with elitism today [see, for example: 3; 6]. Here are some results and the questions are raised worthy of further study.

Our small sample still caught some constants with the results of large sociological research projects in the field of reading sociology. Among these sustainable products one may name the following ones: a high proportion of foreign literature in reading structure of those for whom this is a common way of life; poor interest in poetry on this background; some touch of an elitist snobbery on the part of literary-based community; as well as a clear segmentation of reading space, dividing it into groups, quite isolated from each other in culture.

Another important result of the study is the revealed recognition of an ambiguous character by a reader. Our informants had a peculiar denial of rigid moral precepts and the understanding of unambiguous interpretation of human action impossibility, suggesting the change of black and white value orientations of moral consciousness by relativistic type values.

The phenomenon of «influencing reading» is reported and conceptually represented. Most of the respondents recognized it for himself and found it possible to report what aspects of their lives were influenced by a book. They also demonstrated a good understanding of developmental reading effect and formulated a lot of qualified positions in this regard.

A high level of literary work diversity is revealed, which influenced some circumstances of life among the respondents. These circumstances were important concepts for them. This list does not show any trends except for diversity and the variability in time.

Despite the fact that the surveys register some cooling of the Russian population to reading, we obtained the results suggesting that the audience will not lose interest to a paper book soon and also the results about meaningful, developing reading which brings up some ideas. The interest in reading is an obstacle on the way to a mass practice development concerning «clip thinking» that does not allow a person to think logically and consistently.

During the penultimate day of the International Book Fair work the presentation of research results took place. The students of the Department of Sociology (Herzen University) presented the obtained data to the public, causing the interest of Fair visitors

not only concerning the work theme, but also its results.

The authors thank the librarian of the Library named after V. V. Mayakovsky Stanislav Vyacheslavovich Stepanov for the help in the organization and support of the project.

References

- 1) Birkerts, S. *The Gutenberg Elegies: The Fate of Reading in an Electronic Age*. Boston; L.: Faber & Faber, 1994. 231 p.
- 2) Brockmeier, J., Wang, M. and Olson, D. R. *Literacy, Narrative, and Culture*. Richmond, UK: Curzon, 2002. vi, 314 p.
- 3) Donald, S. and Leeds, Ed. D. *Sociology of Reading: Social and Cultural Factors*. *Reading World*. Vol. 13. Issue 4. (1974). Pp. 318-333. [Online] URL: <http://www.jstor.org/stable/27536640> (date of access: November 4, 2015).
- 4) Dubin, B. V. and Zorkaya, N. A. *Reading in Russia – 2008. Trends and Issues*. Moscow: Interregional center for library cooperation, 2008. 80 p.
- 5) Griswold, W. and Wright, N. *Wired and Well Read. Society Online: The Internet in Context* / Ed. P.N. Howard and S. Jones. Thousand Oaks, CA: Sage, 2004. Pp. 203–222.
- 6) Griswold, W., McDonnell, T. and Wright, N. *Reading and the Reading Class in the Twenty-First Century*. *Annual Review of Sociology*. Vol. 31 (2005). Pp. 127–41. doi: 10.1146/annurev.soc.31.041304.122312.
- 7) Ivanov, Vyacheslav Vs. *Selected Papers on Semiotics and the History of Culture*. Vol. I. Semiotic Systems. Cinema. Poetics. Moscow: Yazyki russkoi kultury, 1998. 912 p.
- 8) Kreydlin, G. E. *Non-verbal Semiotics: Body Language and Natural Language*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. 581 p.
- 9) Lakoff, G. and Johnson, M. *Metaphors We Live*. Moscow: URSS Editorial, 2004. 256 p.
- 10) Lakoff, G. and Nunez, R. *The Origin of Mathematics: the Creation of Mathematics by a Real Mind*. *Horizons of Cognitive Psychology*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur; Moscow: RSHU, 2012. Pp. 29-48.
- 11) Lotman, Yu. M. *Semiosphere*. St. Petersburg: Publishing house «Art-SPB», 2010. 704 p.
- 12) *Reading the Situation: Book Reading, Buying and Borrowing Habits in Britain*. London: Book Marketing Ltd, 2000.
- 13) Ryzhova, P. Interview with Hasan Huseynov. «A new reality will come to us via a language import». *Газета.ru*, 08/15/2015. [Online] URL: http://www.gazeta.ru/comments/2015/08/14_a_7687912.shtml (date of access: November 4, 2015).
- 14) Yakovenko, I. G. and Muzykantsky, A. I. *Manichaeism and Gnosticism: the Cultural Codes of Russian Civilization*. Moscow: Russki put', 2010. 320 p.

UDC 821.161.1

DOI: 10.18413/2408-932X-2015-1-4-33-36

Lipich V. V.
Lipich T. I.

THE ROMANTIC PARADIGM OF REALIST DOSTOYEVSKY

1) Doctor of Philology, Professor. Belgorod National Research University. 85, Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: lipich_v@bsu.edu.ru

2) Doctor of Philosophy, Professor. Belgorod National Research University
85, Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia. E-mail: lipich@bsu.edu.ru

Abstract

The article is devoted to the inheritance of the traditions of romanticism in the creative activity of young F. M. Dostoyevsky. The article dwells upon the certain points of integration and the typological interrelation of the artistic views of F. M. Dostoyevsky – a writer-realist – with the esthetic system and poetics of romanticism.

Keywords: romanticism; realism; psychological insight; poetics; method; succession; tradition.

Липич В. В.
Липич Т. И.

РОМАНТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО-РЕАЛИСТА

F.M. Dostoevsky began his artistic career, when the principles of realism in Russian literature were almost confirmed. This fact conditioned the originality of the romantic spheres in the system of images by its predominantly realistic works. However, the mastering of realistic image principles by young Dostoevsky does not belittle his deep interest in romantic artistic world. In 1840-ies a young writer refers to the methods of romanticism poetry and widely introduces romantic life content in his works. Some of them use the individual elements of a romantic image reflection, which indicate that F.M. Dostoevsky at the beginning of his creative career used some of the ideological and artistic discoveries of romanticism writing realistic works.

Researchers repeatedly noted the manifestation of romantic imagery traditions and stylistic manner in the works of early Dostoevsky. At one time V. Belinsky saw the writer's attempt «to reconcile Marlinsky with Hoffmann» [1, p. 467] in the story «The Mistress».

A number of works written by domestic authors at different times, also states that the early works of Dostoevsky have the images and artistic situations that are associated with the images and situations of romantic works known by the writer. However, these correct observations were produced by the authors of works as if by chance, in connection with the consideration and the analysis of other problems. So there was no goal to highlight the problem of romanticism in early Dostoevsky's works, although the repeated mention about it indicates its absolute relevance.

Various aspects of F.M. Dostoevsky's creativity, including the romantic tradition issues, are also in the focus of constant research attention of many Western researchers. The works of such scholars as Romain

Nazirov, Tatiana Zyryanova, Olga Meyerson, Harriet Murav, Robin Miller, Deborah Martensen, Lisa Napp, Irina Reyfman, Robert Belknap, Dennis Patrick Slattery, Richard Peace, Malkam Jones, Diane Thompson et al. have quite original and specific meaningful observations and interpretations of shrill and urgent problem various complex, by which an inexhaustible creative heritage of the Russian writer is filled in¹.

The influence of romanticism on

¹ See: Nazirov, R.G. Dostoevsky and romanticism // About mythology and literature, or the overcoming of death. Articles and studies over the years. Ufa, 2010. Pp. 251-263; Zyryanova, T.V. Romanticism of beauty. F.M. Dostoevsky: "Crime and Punishment" M., 2011; Meerson, O. Dostoevsky's Taboos. Dresden–Munchen: Dresden Univ. Press, 1998; Murav, H. Holy Foolishness: Dostoevsky's Novel and the Poetics of Cultural Critique. Stanford: Stanford Univ. Press, 1992; Miller, R.F. The Brothers Karamazov: Worlds of the Novel. N.Y.: Twayne, 1992; Martinsen, D. Surprised by Shame: Dostoevsky's Liars and Narrative Exposure. Columbus: Ohio State Univ. Press, 2003; Knapp, L. The Annihilation of Inertia: Dostoevsky and Metaphysics. Evanston, III: Northwestern Univ. Press, 1996; Reyfman, I. Ritualized Violence Russian Style: The Duel in Russian Literature and Culture. Stanford (Calif.): Stanford Univ. Press, 1999; Belknap, R. The Genesis of The Brothers Karamazov. N.Y.: Columbia Univ. Press, 1990; Slattery, D.P. The Wounded Body: Remembering the Markings of the Flesh. Albany, N.Y.: State Univ. of N.Y. Press, 2000; Peace, R. Dostoyevsky: An Examination of the Major Novels. Cambridge, 1971; Jones, M. Dostoevsky after Bakhtin: Reading in Dostoevsky's Fantastic Realism. Cambridge; N.Y.; Port Chester, Melbourne; Sydney: Cambridge Univ. Press, 1990; Thompson, D. The Brothers Karamazov and the Poetics of Memory. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1991.

F.M. Dostoevsky was reflected not only in the literal adherence to the works or the methods of romantic poetics but in the aesthetic impact on the writer's mind and feelings, which determined the originality of reality creative perception. This impact was not short one and fast, and, of course, it did not pass in vain. Dostoevsky came to realistic art, passing through romantic aesthetics school, which left a considerable mark in his works.

The presence of romantic tendencies in the young Dostoevsky's works is usually explained by researchers as a logical influence of ideological and aesthetic heritage of a number of romantic people, which influenced most severely during the period of apprenticeship and the search of the writer's way in literature. And this mainly true explanation is quite fair, in particular, to such story as «The Mistress», where a traditional romantic imagery prevails. In other works («White Nights», «Netochka Nezvanova», «Little Hero»), the romantic beginning is closely associated with an original outlook of a young writer, and such basic literature settings of 1840-ies, as the desire for an accurate depiction of the lower social strata life and the deepening of psychology in the works of «natural school» writers.

The creative interests of early Dostoevsky, the particular artistic development of reality, constituting his essence and originality as an artist, reveal various points of contact with romanticism. We will mention only two of them. The first one is related more to the subject of an imaginative reflection, the second one – to the principles of certain areas of life disclosure.

For F.M. Dostoevsky, as well as for romantics, an exceptional interest is presented by the sphere of human life, which is the sphere of romanticism, i.e. the «inner intimate life of a man, that mysterious soil of soul and heart, from which all vague aspirations rise for something better and sublime, trying to find the satisfaction in ideals, created by fantasy» [2, pp. 145-146].

By drawing closer to the romantics concerning the subject of artistic representation, F.M. Dostoevsky had certain differences with them. The fact is that for the romantics, in particular, for V.A. Zhukovsky as the founder of Russian Romanticism, it was the only reality worthy of poetic expression («the mysterious soil of soul and heart»), but for Dostoevsky it becomes the part (an important, but still a part) of the imaging world. That romantic sphere which was perceived by romantics without the connection with an objective reality, was taken by Dostoevsky in the interaction with the outside world, explains to them, admitting the possibility of considerable independence possibility concerning

emotional processes.

Romantic aspect was differently manifested in the outlook of «little people» whose images are presented in a complex way by Dostoevsky's creation. Aiming for a truthful deep reflection of petty official life, the writer showed not only their poverty, but also various manifestations of their romantic world-view. The creations of the dream escaping from real life, the various manifestations of escape from social environment in the narrow little world of subjective experiences, a romantic self-isolation, the opposition of yourself to an objective reality (including painful and ugly forms) had a fairly broad implementation in Dostoevsky's works.

Dostoevsky was aware and felt that for a person who was under a constant pressure of life circumstances, the creation of some kind of other sphere becomes a specific need, if not real, but created by a fantasy, its own, in which his soul would open better.

The romantic escape in the sphere of subjective experiences, self-isolation of a person as the form of his approval and the protection from the social environment become more frequent phenomena due to the development of new social relations, which cause great social and moral controversies, particularly affecting the fates of poor people.

Instead of a romantic world, which was mainly an expression of the author's soul (which is typical of the Romantic era), the romantic world of a «little man» is introduced into literature. At that it should be noted that Dostoevsky's characters have mainly two characteristic traits for a romantic attitude of the trend: the escape from the environment in the sphere of dreams, happy memories of the past (Varenka Dobroselova, the narrator in «White Nights» and in «The Little Hero», Netochka Nezvanova etc.) and self-isolation, self-exaltation, the opposition to the oppressive circumstances of life (Efimov, partly Mr. Golyadkin).

Dostoevsky, focusing his attention on the inner world of a «little man», discovered such manifestations of a romantic attitude, which were not totally expressed in Russian literature. Romantic heroes of M.Y. Lermontov, partly the heroes of A.S. Pushkin, of the Decembrists, of V.G. Belinsky's youth drama (as well as the main heroes of the West romantics) were characterized by an exceptional power of passions, impulses, aspirations; their protest, pessimism sometimes acquired a cosmic scale, and sorrow became a «global» one. Some other world of romantic experiences started to disclose in connection with the introduction into literature of «little man» topic and image. Dreams, aspirations of

poor people get a mild, pink-sentimental tone; an undefined spiritual protest becomes a timid one and sometimes expressed in fear, hidden in the inner monologues of despair; grief becomes a narrowly individualistic one – it is about personal insults and failures, resulting in the decrease of romantic life content.

If the heroes of romanticism literature are portrayed mostly in a romantic state at the moment of a protest expression against the earthly and heavenly orders (*Demon*) at the moment of an impulse to some free life on a native land (*Mtsyri*), during the escape from the civilized environment (*Prisoner*, *Aleko*) and they are in an exceptional circumstances, then the state of romantic dreams, self-isolation and the contrasting of yourself to an objective world, or the escape in their narrow little world for Dostoevsky's characters is only a temporary phenomenon of their life.

The romantic state of F.M. Dostoevsky's heroes is portrayed in a natural life process as the part of a man inner world and his relationship to an objective reality.

Thus, a romantic appearance gets closer to a real and everyday one, but in its essence they become incompatible and sharply contrasted. Even when this subjective world is not separated from the environment, the characters are trying to conceal it from an alien view, to protect against the interference of people who are ready to destroy it. Makar Devushkin is constantly preoccupied with the idea that «people say something? <...> What if they find out the truth about us?» [3, pp. 22, 26]. And his dream about the triumph of justice is transferred to a service, home plan.

Artistic situations change, where the romantic disposition of Dostoevsky's heroes is revealed. Instead of escaping from an evil social environment and «stuffy cities» in exotic countries, to a place far from civilization, or the escaping in the heroic past, in a fantasy world, in the sphere of philosophical problems (as was typical for the Romantic era heroes) the defenseless, concerned about tomorrow day Dostoevsky's characters have the desire to hide from the threatening reality in squalid rooms and corners, leave into the sphere of dreary expectations, dreams, an unrequited, sublime, and sometimes even pointless love.

Such heroes of romantic works as *The Prisoner*, *Aleko*, and *Demon* are not shown at the decisive moment of collision with a hostile reality. They appear after the main conflict that gave rise to the desire among the *Prisoner* and *Aleko* to escape from the civilized world, and *Demon* wanted to sow evil

and thus express the rebellion against earthly and heavenly orders.

Dostoevsky's characters are shown in the process of direct clash with the environment, which is presented as the embodiment of an uncertain hostile force, pushes them to self-isolation, and makes to escape into the world of dreams and illusions. For example, when Mr. Golyadkin was expelled from the ball the entire world is presented as a kind of some hostile element that came down on him. There is only he, humiliated and ridiculed, and an objective world – chaos. In this chaos the human killing laughter, and shouts, and the hands which grabbed him and cast him out, and the terrible night of St. Petersburg, «wet, foggy, rainy, snowy» [4, p. 355].

Thus, we see that the romantic world is an integral part of F.M. Dostoevsky's works content in 1840-ies. But Dostoevsky's romantic aspect has basically a realistic figurative embodiment and explanation. Only occasionally during the explanation and the picturing an extra, romantic plan appears, depending on the attitude of the characters.

The romantic sphere as the part of a subject image plays an important role in the ideological and artistic system of Dostoevsky's early works. The presence of this sphere in the characters' lives determines to a great extent the sharpness and intensity of their emotional experiences and psychological conflicts. The romantic sphere is an active factor in the development of young Dostoevsky's work plot, which often interacts with the factors of objective reality and the romantic world. So, for example, the main impulses that define the relationship of «*White Nights*» heroes come from this area of their life, or are conditioned by it.

Romanticism revealed a characteristic feature of object human perception, the phenomena of objective reality, when the movements of a perceiving subject spiritual life are transferred on them. Taking into account this feature of human perception, romanticists approved the principle of uncertain state of mind disclosure in the artistic practice through the reflection of objects, the phenomena of a «humanized» environment. This romantic principle of human mental life artistic expression, approved in Russian poetry by V. Zhukovsky, began to play an important role in Dostoevsky's works as a writer-psychologist, who provides an exclusive attention to the deep areas of different people inner world.

Referring to the aforementioned principle, F.M. Dostoevsky significantly expanded the scope and the purpose of its use. V.A. Zhukovsky expresses elegiac meditations and related emotional disturbances, different shades of mood by the

pictures of «humanized» nature, the specific «soul landscapes». F.M. Dostoevsky discloses different spheres of an internal character world by the introduction of «animate», recreated various environment elements in the perception of a subject, the environment in which the characters find themselves during the moments of an intense mental activity.

Thus, the presence among the romantics and Dostoevsky the general (romantic) sphere in the image subject conditioned some of their common nature in the principles of imaginative reflection and a stylistic manner. It is also noteworthy that the features of the romantic style act not only in the story «The Mistress», where, according to the reasonable approval of researchers, the author clearly follows the traditions of romantic literature, but also in «White Nights», in «Netochka Nezvanova», in «Little hero» – in the works in where romantic trends affect an original Dostoevsky's outlook. All this gives the grounds to say that Dostoevsky's early artistic manner presents not so much the process liberation

from the chains of romanticism, but the desire of the creative use concerning his discoveries and achievements. The confirmation and the embodiment of this aspiration may be found in the realistic creation of F.M. Dostoevsky's mature period.

References

1. Belinsky V. G. The letter to P. V. Annenkov issued on February 15, 1848. *Complete Collection of Works: in 13 vols.* Vol. XII. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1956. Pp. 465–469.
2. Belinsky, V. G. The Collection of Alexander Pushkin Works. Article two. *Complete Collection of Works: in 13 vols.* Vol. VII. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1955. Pp. 132–223.
3. Dostoevsky, F. M. Poor People [Bednye lyudi]. *Complete Collection of Works: in 30 vols.* Vol. I. Leningrad: Science, 1972. Pp. 13–108.
4. Dostoevsky, F. M. Double. The Adventures of Mr. Golyadkin. <Journal edition 1846>. *Complete Collection of Works: in 30 vols.* Vol. I. Leningrad: Nauka, 1972. Pp. 334–431.

UDC 02.41

DOI: 10.18413/2408-932X-2015-1-4-37-44

Maidansky A. D.

**RUSSIAN LEVIATHAN AND THE MARXIST IDEA
OF DYING OUT OF THE STATE**

Doctor of Philosophy, Professor. Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia. E-mail: amaid@pisem.net

Abstract

This paper deals with the causes of blatant discrepancies of Marxist idea of the state dying-off with the historical practice of «real socialism». The author concludes that the real possibility of the state dying-off is opened by the process of decentralization, personalization of production that results from the emergence of a new type of technology such as the programmable, automatically operating machines.

Key words: Marx; Lenin; Ilyenkov; state; socialism; communism; technology; machinery.

Майданский А. Д.

**РУССКИЙ ЛЕВИАФАН
И МАРКСИСТСКАЯ ИДЕЯ ОТМИРАНИЯ ГОСУДАРСТВА**

The categorical imperative of Marx's communism could sound like this: *act and communicate with people directly*. All social processes must be carried out and managed by the people *directly*, without the involvement of superpersonal mediating institutions such as the state, the market, and (or) the church. Marx referred the ascendancy of human activity products and tools over the living human personality to alienation».

So, how did it happen that the history consecrated in the name of Marx the establishment of a global superpower, which rule over the human personality, became almost limitless? Obviously, something went wrong in the history. The architect of «scientific communism» made a mistake somewhere. What was that mistake? This question has been disturbing the minds of all more or less critically minded Marxists for a century.

I

A litmus test that allows distinguishing a true Marxist from a false one is the attitude towards the state. For Marx himself, a good state is a *dead* state, or at least, a *dying-out* state. While false Marxists hope to build a kind of *people's state*, which will be rightly arranged and will serve the people and take care of them. This is what the vast majority of modern socialist parties struggle for.

This «sheepish» socialist ideal was perfectly familiar to Marx. It is based on the idea that the masses need a shepherd, a special management apparatus to coordinate their actions and resolve conflicts. No other scenario is possible for the society that is based on private labor and private property. On the contrary, Marx foretold the onset of a new type of society where all control functions will be transferred from social megamachines to the

«associated individuals»¹. Their «complete, unrestricted amateur activity»² is absolutely incompatible with the existence of the state. Global communism will be built by the «people acting by themselves and for themselves»³.

The fathers of the «scientific communism» had everything clear in words and not in deed: as soon as the proletariat deals with the bourgeoisie, the state immediately begins to «die out», because of its total uselessness. Its administrative functions will be transferred to the workers, while the political functions will disappear like smoke.

But it will be later, after making the society classless. Initially, the state will be very useful for the proletarians. *The Manifesto of the Communist Party* contains the plan of the *total nationalization* of the economy of «the most advanced countries»: the expropriation of land, the centralization of financial capital with the «exclusive monopoly» of the state and, as a finale, «the abolition of the right of inheritance» that within a generation would lead to transition of the entire industry, real estate and transportation to the state ownership.

Any of the ten communist recipes from the *Manifesto* can be easily found in utopias starting

¹ «Alle Produktion in den Händen der assoziierten Individuen konzentriert» [14, p. 482] (Italics mine. – A.M.). Marx used the term «(direkt) assoziierter Individuen» also in his three major works: *The Poverty of Philosophy*, *Towards the Critique of Political Economy* and *Capital*. However, in the English version of *Manifesto* (translated by Samuel Moore, revised by Engels), there is «a vast association of the whole nation» instead of «associated individuals».

² «Vollständige, nicht mehr bornierte Selbstbetätigung» [13, p. 68].

³ Marx described the Communards of Paris with the note of admiration: «das Volk, das selbst und für sich selbst handelt» [10, p. 520].

from More to Fourier. The latter was the author of the term «industrial army» to describe the organization of the production process. The slogan «Down with inheritance!» was advocated by Saint-Simonians (Fourier sharply objected) and later – Bakunin¹.

Even Lenin and Mao did not dare to carry out some of the *Manifesto* messages. Perhaps, they did not consider their people «advanced» enough for such reforms. Nevertheless, they got the gist fully well: the absolute monopoly of the state. Having accomplished its first and last «independent act» – expropriation of the means of production, – the state of the whole people would become superfluous and «fall asleep naturally», as Engels predicted.

The previous, bourgeois state machine was not suitable for this high goal. After the proletarian revolution, it must be immediately «broken and destroyed». Lenin repeated these words as a mantra on every page of *The State and Revolution* (1917). The proletarian state, in contrast to all previous states, should not have any professional caste of officials and the military servants.

Lenin traced the historical example of the *dying-out state* in the Paris Commune. Commenting on the Engels's words that this «Commune was no longer a state in its proper sense», Lenin formulated a bold hypothesis: «And if the Commune took root firmly, then the state traces would be withered away by themselves, and the commune would not have to 'abolish' its institutions: they would stop to function as they would have nothing to do» [8, p. 66]².

Nowadays, only the most faithful Leninists can subscribe under this «and if». Rich in experiments, the XX century did not present to the world any successful experience of *direct, non-state* democracy. The revolutionary (post-) Marxists have to look for «absolute democracy» with a microscope, somewhere «in the working-class Milan neighborhoods of the 70s» (Antonio Negri).

II

Hopes of Evald Ilyenkov for the state dying-out, if any, dissipated by the end of 1960. In his letter to Yu.A. Zhdanov³ all the considerations were about the way to reconcile the market and the state by marking the limit between their powers. More precisely, how to *save the market* from the devastating «diffusion» with the (socialist) state. Using the categories of dialectical Logic, the state is characterized as «the

Abstract Universal, i.e. pseudo-universal» institution. And it is ruled again by «different dregs, having forgotten nothing and having learned nothing, who have just become even angrier and lousier since they got hungry» [3, p. 258].

In the conflict between the market and state, Ilyenkov stands for the market. Both of these public machines represent «partial labor», but they do this in a diametrically opposite manner. The market acts openly and honestly, while the state – in an ugly and mendacious way, posing itself as the concretely universal. The dilemma in Ilyenkov's formulation is as follows: «The market or its polar opposite – the partial under the guise of the Universal? The partial that has conceited itself to be the actual universality, or the partial that honestly realizes that it is the partial only and nothing more?» [3, p. 260].

The question itself makes the answer obvious. Ilyenkov encourages to reinstate the market machine, accepting its organically inherent deformities, such as division of labor, exploitation and effect of mutual «alienation» of people, the anarchy and the cyclical crises, etc.: «Let *market* laws dominate in the market. With all their shortcomings. Since there will be no advantages without these shortcomings» [ibid.].

Ilyenkov's «relatively reasonable 'synthesis'» of two inhuman machines has nothing common with the Paris-type self-governing commune, which Marx and Lenin dreamed to establish. Apparently, Ilyenkov looked up to the Swedish or Austrian model of social organization: capitalism / socialism «with a human face» – a hybrid of «fair» market and «pseudo-universal» state ownership.

Lenin ridiculed and stigmatized with vulgar «terms» all the theorists who designed the similar (convergent) models. Just as well as his former colleagues who stumbled at the appropriateness of immediate revolutionary destruction of the market and the state. Among them – a «notorious Russian renegade of Marxism» Plekhanov and opportunist Kautsky who «distorted Marxism», and many others, less important figures. Lenin did not want to hear about any «synthesis» of market and state until the October Revolution. Both these machines of exploitation of a man by a man must be broken and destroyed – that is the original Lenin's platform. The bourgeois state and the market are subject to immediate liquidation, while the proletarian state will die out by itself by breaking the resistance of the exploiting classes.

The idea of the state dying-out is the main blunder of classical Marxism, its Achilles' heel. Each and every proletarian revolution led to enormous

¹ At the Basle Congress of the First International, Bakunin declared the abolition of inheritance as a starting point for the creation of a socialist society.

² Italics mine. – A.M.

³ The son-in-law of Stalin, a chemist by profession.

hypertrophy of the state. One state has even become a «superpower».

Marx's dream «to turn the state from a body standing above the society into a body entirely subordinated to this society»¹ became true in a completely opposite way. The process of the state dying-out in terms of delegating its powers to the working masses has never started. The dying-out thing was a «civil society» – the forms of economic and political self-activity obtained in the course of bourgeois-democratic revolutions. General secretaries were growing decrepit and «dying out» one by one. While the state, this Leviathan, only changed, mutated, first assigning the portion of powers to the market, and then taking them back.

The state vertical and the market horizontal are two axes, «X» and «Y» on the coordinate plane of bourgeois socio-economic formation. This plane also entirely locates a *real* socialism. The accent of social development has shifted sharply to the vertical, resulting in the «diffusion of the state and the market», which Ilyenkov feared of so much. It would be foolish to deny the considerable achievements of the states of the socialist «camp», but even more foolish would be to consider the economically hindward (primarily in terms of labor productivity) and having destroyed many «degrees of freedom» social order as a new, higher formation.

The historical materialism postulate about that capitalism and socialism belong to different economic formations rested on the illusion that still reigns over the minds of a large part of leftist ideologues: *the state property is not privately owned*. Or at least, it stops being private when a proletarian party starts running the state and liquidates the bourgeoisie as a class. As the property is not owned by individuals and is used for the benefit of all the people, then it is *nationwide*...

Ilyenkov for dear life fought with this illusion, almost as powerful in practical as shabby in theoretical terms. He called the form of property established by the proletarian revolution as *an abstract, formally legal* negation of private property. But in its very essence, the property remained *private*.

State monopoly on working conditions does not abolish private property but, otherwise, raises it to the level of the universality. The nature of this «*common private property*» (*das allgemeine Privateigentum*) was studied already by young Marx. He called communism, which required the transition of private

property from individuals to the state, as «quite rough and thoughtless» (*ganz roher und gedankenloser Kommunismus*). The state, which has monopolized any public wealth, is a «community as a universal capitalist» (*die Gemeinschaft als der allgemeine Kapitalist*). The state does not simply serve the interests of the ruling class, but it is itself a *universal, perfect capitalist*. And the «rough Communists» (Cabet, D  zamy, Weitling and others) are going to transfer all the means of production and all other public wealth into exclusive ownership of the state...

And there is no trace of real socialization of property in this action. Nationalization of property is the *relationship of universal prostitution with the society*². The state in this situation acts as a pimp. It generates revenue by making the worker face with the objective conditions of labor. It panders for money, like any capitalist.

Young Marx regarded this sort of communism as «*a form of manifestation of vileness of private property that wants to establish itself as the positive commonality*»³. In the XX century, this vile wish came true in the Soviet Union and its associate «socialist camp». The process of alienation of property completed here and became absolute: alienation is not any more distributed between the classes of society, but covers the society as a whole. *State communism is an absolute capitalism*.

After elimination of class inequality, the contradiction between labor and property has not at all been removed. On the contrary, it exacerbated to the limit: now *every individual* is both a worker and an owner of the objective working conditions. Alienation shifts from the plane of relationship of social classes inwards the individual: a working man confronts himself as the owner, like commodity, which exists simultaneously in two mutually exclusive value forms – relative and equivalent.

Under the pressure of this contradiction the socialist society is stratified to workers and managers. The latter act as intermediaries in the production process (as well as some products serve as intermediaries – money – in the process of commodity exchange). And one of their number was bound to become a «universal equivalent» – a *leader*,

¹ «Die Freiheit besteht darin, den Staat aus einem der Gesellschaft   bergeordneten in ein ihr durchaus untergeordnetes Organ zu verwandeln» [11, p. 27].

² «So tritt die ganze Welt des Reichtums, d.h. des gegenst  ndlichen Wesens des Menschen, aus dem Verh  ltnis der exklusiven Ehe mit dem Privateigent  mer in das Verh  ltnis der universellen Prostitution mit der Gemeinschaft» [12, p. 45].

³ «... Eine Erscheinungsform von der Niedertracht des Privateigentums, das sich als das positive Gemeinwesen setzen will» [12, p. 116].

making decisions and assessing on behalf of society as a whole. In this regard, there is a striking similarity between socialist cults of the leaders / parties and «commodity fetishism» described in the first chapter of *Capital*: the mystification of social relations that places them upside down, with the characteristic transformation of the *intermediary* – either a leader, or the Communist Party, or money – into an object of worship, *the earthly god*. The cult of personality, impersonality, and liquidity.

The private and the abstract-universal in the guise of the collective, concrete public – this is the *socialist pseudomorphosis* of ownership. The state itself is an institution of private property, its *superpersonal* subspecies. A flesh of the flesh of the divided labor, the state has always and everywhere *hindered, impeded the real socialization* of labor and property, wedging between the working man and the objective conditions of his labor.

In all bourgeois societies, without exception, the state plays the role of the largest private owner. Socialism converts state property into a *monopoly*, and that's all. With the tendency, typical for monopoly, to decay and degeneration of civil society into the «Animal farm».

Until the society needs the divided labour (and therefore the private property, because it is essentially the same thing¹), the state as the mediating institution that connects experts by means of experts (managers) will stay with it. Another competing mediatory is a market, the institution of self-regulation of commodity-money relations. Both the invisible hand of the market and the visible hand of the state hog the cover of the economy. The balance of their powers determines the *form* of the capitalist property. The whole palette of societies of the bourgeois economic formation lies between the two extremes – the principles of *laissez faire* and the governmental planning.

III

Ilyenkov considered state property to be «the first (although the necessary first) step towards the creation of a state-free society» [4, p. 107]. How could the transition of the reified social wealth (capital) from the hands of «honestly private» individuals and classes to the impersonal, «pseudo-universal» Machine bring

humanity to the «realm of freedom»? Ilyenkov did not explain this. The transition from an *adequate* («honest», in his terms) private property form to its *inadequate*, «pseudo-universal» form cannot be the ascent from the abstract to the concrete. It is rather the *degradation of the abstract*, the historical regression of private property.

State (impersonally private) property reached its historical maturity much earlier: it flourished already in ancient Egypt. Meanwhile, «honest», individually private ownership established as the dominant only five hundred years ago. Until recently, the historical vector of development of private property was its *individualization*, crowned with the occurrence of the bourgeois-capitalist property. The latter constitutes the *highest* form of development of private property (proved by Marx).

Marx believed that capital had already exhausted its possibilities as a growth factor of the productive forces and turned from the stimulus into the «fetters». The fallacy of this point of view is obvious today. For half a century after his famous prophecy («The knell of capitalist private property sounds. The expropriators are expropriated²», etc.), capitalism made an immense scientific and technological revolution and created productive forces, of which the author of *Capital* had little dreamed. Moreover, this bourgeois revolution, against which all proletarian revolutions together are only a vanity of vanities, is still far from finish.

Together with the very beginning of the computer era, there occurred a plan to replace the state machine with a *supercomputer*. Does the machine of alienation not want to die out «by itself»? So we will construct an electronic machine, and empower it with all the functions of the state, starting from the planning to the operational management of social life.

Ilyenkov and his companions mocked at this technocratic utopia: «When some people think that the whole problem boils down to replacing the current state bodies with the thinking – planning and managing – *machines*, boxes similar to refrigerators, they step on the ground of a kind of cybernetic bureaucratic illusion, mythology. They think that communism can be built on the way of mathematically-electronic improvement of the current system of relations, i.e. on the way to *perpetuation of the current state of affairs*, to the transfer of the current administrative functions of the state machine not to a democratically organized human collective but to another machines» [1, p. 280].

¹ «Division of labour and private property are, after all, identical expressions: the same is said about the activity in the first case and the product of activity in another case (Übrigens sind Teilung der Arbeit und Privateigentum identische Ausdrücke – in dem Einen wird in Beziehung auf die Tätigkeit dasselbe ausgesagt, was in dem Andern in bezug auf das Produkt der Tätigkeit ausgesagt wird)» [13, p. 32].

² «Die Stunde des kapitalistischen Privateigentums schlägt. Die Expropriateurs werden expropriert» [9, p. 791].

Not a Machine, but the Human himself, the *real persons* should plan and manage their human relationships. This is an elementary axiom of the Marx's communism. The question is, what is required for this purpose? One just needs to *learn*, as Lenin replied. «Learn communism» not only at the school desks, but above all practically. The masses of people should *immediately* and *directly* participate in the management of social activities: «The living creativity of the masses is the main factor of the new social order... Living and creative socialism is a creation of the masses of the people themselves» [7, p. 57].

Lenin's pedagogical idea has failed. Stalinism has only witnessed its complete collapse. Neither due to the fact that the stagnant masses were unable or unwilling to study. Nor because of the fact that the democracy of the masses, as Plato showed, ends inevitably with the tyranny of a demagogue. Modern society simply cannot be controlled *manually* as an iron or a bicycle. Effective management requires more and more sophisticated *machines* and *technologies*. And the machine «operators» as well.

Ilyenkov unaccepted, rejected this simple truth. He continued to believe in the power of pedagogy (though a *concrete, technically feasible* solution to the problem of the state dying-out has been shown by history to him, not to Marx and Lenin). Relying upon the achievements of cultural-historical psychology, the pedagogical science is intended to raise the critical mass of the universally developed individuals that is necessary for the «appropriation, reconquering» the human functions and our «objective essence» (property) from the machines of the state and the market, as Ilyenkov believed. Since the late 60s, when the state put a bold cross on the «living creativity of the masses», the philosopher came to grips with the pedagogical experiment on «synchrophasotron» of Zagorsk boarding school for deaf-blind children.

Could the attempt to educate the *masses* of creative, universally developed persons be successful at a time when the Soviet economy was choking from a lack of proletarians and the overproduction of intellectuals? While the state was sending engineers and doctors to harvest onion and potatoes, the philosopher Ilyenkov called one and all to «Learn thinking!»... The pedagogical utopia, that has obscured so many lucid minds, is stronger and more dangerous than the technocratic one, because of using energy of the humanistic ideal. And they both have nothing in common with the *materialistic* conception of history.

Like all the ideal, the human person only reflects the social being, the production process of the material life of society. To educate self-active

individuals, it is required to change the conditions of their *material being*, and, above all, the character of human labor. The *reified, abstract labor* must stop and disappear forever from the face of the earth. As long as there is a «labor, where the person by himself does what he can make things do for him and for people» (Marx), the *reification* of human relations (private property, the market, the state, etc.) will remain. Communist relations between people are principally impossible in the world of reified labor. The reified labor dictates *private* forms of appropriation of the labor conditions and products.

That was the discovery of Marx, and he was the first who ignored it. Marxism as a *political* doctrine is not on friendly terms with the *historical-materialistic* theory of Marx. No dictatorships or communes can eliminate the reification of labor, and, therefore, the private property, the market and the state as well. Only the *automatically operating machines* are able to solve this problem. As soon as they bring the reified labor to naught, the capitalism will immediately «fall asleep», because the capital is nothing but the reified labor.

IV

Talking about how capitalism complicates, binds, and inhibits the development of technology has lasted since the time of Marx, for nearly one hundred and fifty years. All the while, the Communists themselves were engaged in ludditing – they broke the market and the state, built the Gulag and the Berlin wall, invented new forms of inhuman exploitation of the proletariat, sold raw materials, jewelry and objects of art to the «bourgeois». The impoverished country, having barely survived a devastating war, was able to put in commission the world's first nuclear power plant and to make a journey into outer space, to create the advanced systems of education and sports, to equip a first-class army, – but was hopelessly behind in the industry, which could open the door to the «bright tomorrow». The computer revolution has happened in the bourgeois West.

How will total computerization of production affect the Human? That is the question. What if the previous slavery of the market and state machines is replaced with a more terrible, as some futurologists say, yoke of electronics and robotics?

These concerns stem from a false idea of a «Machine smarter than a Human», which was justly ridiculed in Ilyenkov's pamphlet [see: 5]¹. The computer is perfect in that it completely lacks any

¹ Ilyenkov included an extended version of the pamphlet in his book «About Idols and Ideals».

human qualities, including intelligence. The only thing it can do is to count to one, to line up 0 and 1. However, the computer is unable to line up us, people, as the market and the state do. But, in contrast to the market and the state, the digital machine is greatly *programmable*. This is what it was designed for. These features make the computer an ideal candidate to replace the old social megamachines such as the state and the market.

Ilyenkov formulated the history puzzle as follows: «The problem is that to return the Human his lost power over the world of machines in order to turn the Human into a smart and powerful Owner and Master of the entire grand, ingenious and powerful mechanism of modern machine production that he has created, and *to make him smarter and stronger than the Machine*» [2, p. 36]¹.

Briefly speaking, it requires *to invent the Machine more stupid and weaker than the Human*. The Machine, completely lacking creativity and capable of acting only on the human-designed program. The Machine, whose whole *strength* is in its *weakness* as compared to the Human. And then improve and develop its «strong weaknesses» unless the electronic machine pushes the *man-like* machines of the market and the state out of social life. It will not push it out like a sumo wrestler pushes his opponent, but by permeating the market and the state from the inside, *digitizing* them entirely, to the core. Those can die out not otherwise than in the course of binarization, informatization, virtualization of their invisible power structures. The digit kills all living things, like Gorgon Medusa, at a one glance. A digitized state is not the state any more, as well as the horsepower of the engine is not a horse. This historic process of «dying out» has recently started right before our eyes.

Is it possible to «kill the dragon» by getting the whole population into the state affairs? Even if we assume that every housewife *has managed* to govern the state... Is this machine ever controllable? Lenin believed that it is controllable, but presented no evidence. The state machine crushed his dream of a global commune as soon as Lenin personally stood at the helm. Another Bolshevik, Alexander Bogdanov, conceived an idea to govern the state *scientifically*, by using the «universal organizational science», the tectology. The ideologists of «systematic approach», including a close friend of Ilyenkov, Pobisk Kuznetsov, picked up his utopian undertaking in the 60s.

The attempts of the Communists to *steer* the market and the state at their own wish or at Lenin's

behest ended always in the same way: either the country breaks its limbs or the leaders – their heads. There are gas and brake, so it is possible to speed up or slow down the machine, but driving fails, whatever you do. The state machine has an automatic pilot instead of a steer. Nevertheless, it easily operates with us, selecting and training the suitable «statesman minds» at the law faculties. While there is a state machine, the Human is doomed to be its cogwheel and screw, *a citizen of the machine*. The only force, able to resist it, is another, market machine.

On finding the Human's powerlessness in the face of machinery, created by human labor, Ilyenkov sank into «hypochondria», according to his own words. The philosopher proposed to return to «the rule of market laws, with all their shortcomings», not because of his love of the commodity-money Machine, but of despair: at least to weaken in this way the absolute power of the state Machinery over a living human personality.

V

Competition of megamachines is a useful thing. The more important is to draw the masses of people in the management of public affairs. However, this cannot solve the problem of the dying-out of the state and the market. Moreover, it cannot be solved by blood and iron. Of course, any machine can be broken and damaged, including the market and the state. The Great October Revolution demonstrated the results of such actions. Very soon, the nouveau Luddites had to somehow hastily glue the broken Machine from the survived fragments. As a result, a new monster came into being, much more terrible than the old-régime Leviathan. An industrial cyborg, which stifled people like bedbugs.

It turns out that one just can't up and replace the Machine with the Human – either in industry or in public life management. The Human is unable to perform the machine functions, and there is no need to do so. Public self-governance on a global scale is possible just *with the help of machines*. The question is only what specific activities can be done by the Human, and what can and should be transferred to the «unintelligent Machine».

Breaking machines is luddition and vandalism. Even in case of such superpersonal machines of alienation, as the market and the state. Any machine is a part of the human being. By breaking it, the Human corrupts and disfigures *himself / herself*, losing some part of his/ her own productive forces. For many thousands of years both the state and the market have been necessary for people and can bring

¹ Italics mine. – A.M.

more benefits, despite all their innate «shortcomings».

«Do the interests of the development of machinery coincide automatically with the interests of a living person? Yes or no?», Ilyenkov asked the readers [6, p. 35]. *Automatically* – no, because one and the same machine can treat and maim, destroy and build, lift up or strike the ground. *Integrally* – yes: by developing the machinery, the human develops *himself*. Global challenges and risks the machinery creates can be eliminated only through the development of the technology itself. After creation of more perfect Machine, and only after that, the less perfect ones will die out by themselves, due to their complete uselessness. So and in no other way – *by improving the machinery*, one may send the «whole state machine where it will be appropriate: to the museum of antiquities, next to the spinning wheel and the bronze ax» (Engels).

While the Human's attempts to take away the power from the Machine and perform *by himself*, with his hands and head, every single function of the *Machine* (Lenin's and Marx's «direct democracy») cannot succeed. The end will be the same as in the sad Russian joke about «people's space rocket»: «a million of Chinese got a hernia and another million was crushed by debris».

The great historical role of the division of labor is that all the creative is separated from the routine and mechanical, and therefore programmable. The Human will save the first, and leave the second entirely for the Machine. The Human becomes a *programmer*. This is the principle of progress both in the economy and in politics, and in all other areas of public life.

The Human will have to do the same thing with the market and the state machines, as he is already doing with the machines at the automated factories. He will have to take upon himself/ herself all *programming* functions of the state, and transfer mechanical functions to the *programmable* machines. (One should not be afraid of «robot riots» and similar scenarios that anthropomorphize digital machines. The beauty of these machines is just in the fact that they are not able in principle to perform any human function, even the easiest one. Instead, one should beware of bad programmers.)

This is the only way to eliminate the notorious «alienation of labor» when an abstract, reified, non-creative labor accrues to the worker, while the concrete labor, such as planning and management of the production of life, accrues to the market and state machines. Alienation can be removed by *developing the machinery*, overcome through the creation of new

types of machines, automates that can take upon themselves the abstract labor of the proletariat. With their help, people will be able to plan and manage their relationships as properly and freely as external physical processes.

The more *personal* the main instrument of production – the computer – becomes, the more *individual* nature the process of social labor acquires. At the same time, the alienation of the Human from the conditions (and hence the products) of his labor fades away. Personal computer allows each individual to participate *directly*, bypassing the superpersonal intermediary institutions, in social production, and make the product of his labor available to all persons concerned and to the entire society.

By individualizing social labor, *personal* computer, thereby, unlocks for the mankind the door to the coveted «realm of freedom». While the «centralization of the means of production», which Marx considered to be an embryo of a new formation, has only led to the *monopolization* of the property. The centralized production showed an excellent, almost perfect compatibility with the «capitalist shell», i.e. with relationships of private property.

This miscount was the basis where messianic dreams of Marx about the world revolution and the state dying-out were resting. They do not deny the status of Marx as the greatest thinker and humanist – Copernicus in the «science of history»¹. Yet, these dreams must be dispelled, since the world is still full of Marxists who live and think this way.

The Copernican discovery of Marx was the postulate of labor as the primary source of world history. Machines and technologies define the orbits, along which the societies of different formations go around «the sun of labor». The mankind will achieve an orbit of communism with the help of the *programmable machine* driven by the forces of nature and excluding any reified labor. Unless this machine is created, the «global communism» will always stay a simple *utopia*.

But even this utopian communistic *ideal* is better, more high-minded than the theoretical worship of the *idols* of the market and state machines. Both liberals and etatists, «marketeers» and «statesmen» are two rival idolatrous sects. The interests of the market and the state are the interests of the machines of human exploitation, which only partially coincide with the interests of society, the most important of

¹ This analogy is quite appropriate, considering that Copernicus himself had many theological fantasies (about the Sun as «the visible God», etc.), which Kepler and Newton used to multiply considerably.

which is the interest of the *personality* as «the ensemble of social relations».

References

1. Arsenyev, A. S., Ilyenkov, E. V. and Davydov, V. V. Machine, Human Being, Cybernetics, and Philosophy [Mashina i chelovek, kibernetika i filosofija]. *Lenin's Theory of Reflection and Modern Science* [Leninskaja teorija otrazhenija i sovremennaja nauka]. Moscow: Nauka, 1966. Pp. 265–283.
2. Ilyenkov, E. V. *About Idols and Ideals* [Ob idolakh i idealakh]. Moscow: Politizdat, 1968. 318 c.
3. Ilyenkov, E. V. Letter to Yu. A. Zhdanov [Pis'mo Ju. A. Zhdanovu], 18.01.1968. *Ilyenkov E.V. Personality and Creativity* [Lichnost' i tvorchestvo]. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury, 1999. Pp. 258–261.
4. Ilyenkov, E. V. Marx and the Western World [Marx i zapadnyj mir]. *Voprosy filosofii*. No. 10 (1988). Pp. 99–112.
5. Ilyenkov, E. V. Mystery of the Black Box [Tajna Chernogo Jashchika]. *Za sovetskiju nauku*. Rostov-on-Don. No. 8. 21.03.1964. Pp. 3-4.
6. Ilyenkov, E. V., Why I Do Not Like It [Pochemu mne ehto ne nravitsja]. *Kul'tura chuvstv*. Moscow: Iskusstvo, 1968. Pp. 21–44.
7. Lenin, V. I. An Answer to the Request from the Left Socialist Revolutioners [Otvét na zapros levjkh ehserov]. *Lenin, V. I. Complete works*. 5th ed. Vol. 35. Moscow: Politizdat, 1974. Pp. 56-57.

8. Lenin, V. I. State and Revolution. Marxist Teaching about the Theory of the State and the Tasks of the Proletariat in the Revolution [Gosudarstvo i revoljucija. Uchenie marksizma o gosudarstve i zadachi proletariata v revoljucii]. *Lenin, V. I. Complete works*. 5th ed. Vol. 33. Moscow: Politizdat, 1974. Pp. 1–120.

9. Marx, K. Das Kapital. *Karl Marx und Friedrich Engels Werke*. In 43 Bänden. Bd. 23. Berlin: Dietz Verlag, 1962. S. 11–802.

10. Marx, K. Erster Entwurf zum «Bürgerkrieg in Frankreich». *Karl Marx und Friedrich Engels Werke*. In 43 Bänden. Bd. 17. Berlin: Dietz Verlag, 1962. S. 493–610.

11. Marx, K. Kritik des Gothaer Programms. *Karl Marx und Friedrich Engels Werke*. In 43 Bänden. Bd. 19. Berlin: Dietz Verlag, 1962. S. 11–32.

12. Marx, K. Ökonomisch-philosophische Manuskripte aus dem Jahre 1844. *Karl Marx und Friedrich Engels Werke*. In 43 Bänden. Ergänzungsband. Erster Teil. Berlin: Dietz Verlag, 1968. S. 465-588.

13. Marx, K. & Engels, F. Die deutsche Ideologie. *Karl Marx und Friedrich Engels Werke*. In 43 Bänden. Berlin: Dietz Verlag, 1969. Bd. 3. S. 9–530.

14. Marx, K. & Engels, F. Manifest der Kommunistischen Partei. *Karl Marx und Friedrich Engels Werke*. In 43 Bänden. Bd. 4. Berlin: Dietz Verlag, 1959. S. 459–493.

УДК 1 (091)

DOI: 10.18413/2408-932X-2015-1-4-45-50

Майданская И. А.

**РУССКИЕ ФИЛОСОФЫ О ПРИНЦИПАХ ГУМАНИЗАЦИИ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ.**

Кандидат философских наук, доцент. Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия. E-mail: caute@nm.ru

Аннотация

В статье освещаются предложенные русскими философами решения проблемы гуманизации человеческого бытия. Экзистенциалисты (Бердяев и Шестов) ищут это решение в обращении к Богу, понятому как «Метаэго», высшее и лучшее «я» каждого человека. Русская философия хозяйства исследовала материально-практические условия гуманизации бытия. Ее родоначальник С. Булгаков, в отличие от экзистенциалистов, исходит из коллективистского понимания человека как субъекта хозяйственной деятельности, рассматривая последнюю космологически – в качестве одного из проявлений «метафизического коммунизма мироздания».

Ключевые слова: Бердяев; Шестов; С. Булгаков; идея Бога; философия хозяйства.

Maidanskaya I. A.

**RUSSIAN PHILOSOPHERS ON THE PRINCIPLES
OF HUMANISING HUMAN BEING**

PhD in Philosophy, Associate Professor. Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia. E-mail: caute@nm.ru

Abstract

The article is aimed at clarifying the solution to the problem of humanization of the human being proposed by Russian philosophers. The existentialists (Berdyayev and Shestov) are looking for this solution in an address to God which is understood as «Metaego», as the highest and the best «self» of each person. Russian philosophy of economy studied the material and practical conditions of the humanization of life. The founder of this philosophy, Bulgakov, in contrast to the existentialists, admits that the collectivist understanding sees man as a subject of economic activity. He regarded the economy cosmologically – as one of the manifestations of the «metaphysical universe of communism».

Key words: Berdyayev; Shestov; S. Bulgakov; the idea of God; philosophy of economy.

Констатация кризисного состояния современного общества давно превратилась в клише. Это один из немногих пунктов согласия даже между полярно мыслящими философскими партиями, такими, как экзистенциализм и «философия жизни» с одной стороны и марксизм с прагматизмом с другой. Большинство философов солидарны и в том, что выход из кризиса требует радикальной гуманизации человеческого бытия. В нашей статье проблема эта рассматривается в двух плоскостях – духовной и материально-практической – и на двух разных уровнях – индивидуально-личностном (русская экзистенциальная философия, представленная трудами Л. Шестова и Н. Бердяева) и социально-экономическом («философия хозяйства» С. Булгакова и советский марксизм).

I

Многих русских философов начала прошлого века не покидало предчувствие надвигающегося

бедствия. Для выражения сущности этого болезненного состояния общества Николай Бердяев пользовался классическим термином «отчуждение», идущим от Руссо и гегелевской «Феноменологии духа». История сама по себе не может устранить отчуждение, но предоставляет возможность его устранения, считал Бердяев. Как человек воспользуется этой возможностью, зависит только от него самого. Не стоит ожидать помощи от вещей, которые находятся вне человека, в том пространстве, где размещаются физические тела и совершается история человечества. Средства гуманизации бытия следует искать в собственной душе, в диалоге с идеальным началом своего существования, которое называют «Богом».

Идея Бога не какая-то абстрактная, не зависящая от человека сущность, как ее хотел представить Платон. В нашем представлении о Боге находит свое воплощение не только природа Бога, но и наша собственная человеческая

природа, писал Бердяев. «Люди... напечатали на образ Бога свои пожелания и положили на этот образ свою ограниченность <...> Когда человек – дикий зверь, то он и Бога представляет себе диким зверем. Когда он человек, то он и Бога представляет себе человеческим. Бесчеловечная идея Бога есть остаток древней тьмы» [3, с. 257-258].

Бог – человек, и только человеческая идея Бога в состоянии вывести человека из комы отчуждения. Идея Бога символизирует духовную суверенность, независимое существование человеческой личности.

Еще резче эта идея прозвучала в творчестве Льва Шестова. Первые западные исследователи его философии спорили о том, что было в ней «главной темой». Д. Лоуренс считал, что у Шестова «человеческая душа, или психе, реально верит в себя и ни во что больше». Л. Шейну это кажется «полным непониманием позиции Шестова. Хотя Шестов был глубоко взволнован судьбой человека, его главной темой было отношение человека к Богу. Бог, а не человек, был в центре» [18, р. 279].

Формально правы оба: ранний Шестов времен «Апофеоза беспочвенности» защищает мировоззрение «абсолютного эгоизма», ни словом не упоминая о Боге; начиная с «Sola fide», Шестов больше занят размышлениями о Боге. На самом деле для Шестова отношение человека к себе и отношение к Богу – это *одно и то же* отношение. Бог для экзистенциального философа не есть нечто, существующее отдельно от человеческой личности. Шестовский Бог, по удачному выражению И.К. Батовой, есть «Метаэго» [2, с. 109], мое высшее и лучшее «Я».

Массовое религиозное сознание всегда в той или иной степени объективирует и унифицирует Бога. Такая вера таит в себе обобщение, абстракцию от единичного и уникального. Общий Бог требуется тем, кто не в состоянии нести личную ответственность за принятие решений, утверждает Шестов. Страх перед свободой «так велик у человека, что он готов подчиниться какому угодно началу, отдаться в рабство какой угодно силе – только бы не остаться без прочного руководства» [16, с. 214].

Русский экзистенциализм формировался в атмосфере религиозности, однако духу экзистенциальной философии глубоко чужды любые формы массового сознания, в том числе и официальная религия. «Положительные религии... опираются на такие истины, к которым всякого можно принудить», – заявлял Шестов [15, с. 648]. Его собственная философия является

религиозной в том смысле, что она апеллирует к вере в Бога и тексту Библии, а не к разуму, как философия «умозрительная». Бердяев понимал «религиозность» еще шире. Для него любое целостное мировоззрение или «духовное отношение к жизни» является религией. В Св. Писании Бердяев и Шестов видели не собрание догматов, а мифологически выраженную истину о человеческом существовании.

Бердяев, правда, считал себя православным и рассчитывал, что философски осмысленное и очищенное христианство превратится когда-нибудь в «универсальную религию Духа». Однако после бердяевского «очищения богопознания» – отказа понимать Бога как Господа и судью людей, отрицания ада, учения о промысле Божьем и об искуплении Христом человеческих грехов – от христианства мало что остается. Можно согласиться с Г.Д. Гурвичем, что «этика творчества Бердяева не нуждается в религиозном обосновании» и внутренне связана скорее с философией Ренессанса, Декарта, частично Канта и в особенности Фихте, – нежели с христианством [7, с. 514].

В какого же Бога верили русские экзистенциальные философы? Это – нравственное и эстетическое начало личности, к которому люди могут обратиться за помощью в решающие моменты существования, стоя перед жизненно важным выбором. Этот Бог не статичен, способен меняться в течение жизни вместе с духовным опытом личности.

Важнейшая черта, которую отмечали Бердяев и с особенной настойчивостью Шестов: в Боге нельзя видеть законодателя, правителя или судью людей. Он скорее только советчик, ни в малейшей мере не стесняющий человеческой воли. Против этого особенно протестуют теологи, ибо без закона и послушания нет религии. Ипполит Гофштеттер (Hofstetter) называет «наивным» шестовское противопоставление необходимости Богу. «Это всё равно, что противопоставлять закон законодателю и думать, что раз в жизни царит законность, то тем самым верховный правитель страны уже упразднен, за полной ненужностью» [6, с. 91].

Как многие священнослужители, Гофштеттер представляет себе отношение человека к Богу по образцу формально-правового отношения. Закон держится принуждением и без него нельзя обойтись в «объективном мире», но зачем стеснять законами духовный мир человека? – постоянно вопрошает Шестов. В этом мире превыше всего ценится индивидуальное, «отдельный человек стоит выше общего»

(S. Kierkegaard) и всякий творческий акт оказывается «убийством закона» (F. Nietzsche). В утверждении, что Бог есть не сила и власть, а ценность и смысл, мы находим несущую конструкцию русской экзистенциальной философии. Асен Игнатов правильно называет это «радикальной идеей Бога» [17, р. 281]. Бердяев и Шестов одинаково горячо отстаивают эту идею.

«Бог никакой власти не имеет. Он имеет меньше власти, чем полицейский... К Богу не применимо ни одно понятие, имеющее социальное происхождение» [4, с. 164]. «Бог никого не принуждает – эта мысль нам кажется невыносимой. И совсем уже представляется безумием мысль, что Бог ничем, абсолютно ничем не связан... Бог так же беззащитен, как и смертные. Его любовь и милосердие беспомощны и бессильны» [16, с. 214-215].

Экзистенциального Бога, следовательно, нельзя понимать как сущность, дающую человеку существование или диктующую формы бытия. В своем духовном мире человек свободен не только по отношению к природе и обществу, но и по отношению к Богу. Во внешнем мире отдельный человек – часть коллектива, живой природы, вселенной. Его существование здесь закономерно и не бывает свободным. А в мире духа, наоборот, космос и социум – часть индивидуального существования. Даже по отношению к Богу личность не является частью или же производной. Она выступает как «субъект, разговаривающий с Богом на «ты»» [14, с. 90].

Ограниченность экзистенциальной философии связана с отказом решать практически-исторические проблемы. Внешний мир, включая и мир общественного бытия, от века заражен неизлечимым вирусом «отчуждения». Альтернативу такой отчужденной социальности экзистенциалисты ищут в «соборном» творческом со-бытии человеческих личностей, где «мы» всегда вторично в отношении к каждому из «я». История, однако, наглядно показывает, что материальные, прежде всего экономические, условия могут существенным образом благоприятствовать либо, наоборот, препятствовать личным формам общения. А следовательно, проблема гуманизации человеческого бытия должна быть исследована также и в общественно-исторической плоскости.

II

Русские философы в большинстве своем неодобрительно относились к буржуазным принципам общественного устройства и, в целом,

к капитализму как «общественно-экономической формации». Поощрение эгоистических устремлений индивида и торжество «человека экономического» (homo oeconomicus) разлагает общество на «атомы»; человеческая солидарность сменяется тотальной конкуренцией; место творческой самостоятельности заступает наемный труд, и т.д. Естественным следствием этих процессов является нравственная деградация человеческой личности – новое, уже не мифическое, а самое что ни на есть практическое «грехопадение» человека.

Критика «человека экономического» восходит еще к Аристотелю с его противопоставлением экономики и «хрематистики», т.е. рациональной хозяйственной деятельности, с одной стороны, и искусства приумножения денег, с другой. По словам Аристотеля, экономика «обусловлена необходимостью и заслуживает похвалы», тогда как хрематистика «по справедливости вызывает порицание» [1, 1258 a40]. Деньги по природе своей предназначены служить средством, а не целью обмена. Они лишь условные знаки человеческих потребностей. Стремиться сверх всякой меры и потребности приумножать знаки – нелепо и недостойно разумного существа. Вместо этого человеку следует совершенствовать те реальные потребности, знаками которых являются деньги. Культивировать в себе потребность в общении, в искусстве, в знаниях – в общем, развивать свою личность. Того же мнения держались в большинстве своем и русские философы – от революционных демократов до религиозных экзистенциалистов.

В наши дни рассуждения автора «Политики» могут показаться анахронизмом: хрематистика давным-давно подчинила себе экономику. Почему же Аристотель думал, что «этот род наживы оказывается по преимуществу противным природе» [1, 1258 b8], т.е. по сути считал хрематистику извращением? Был ли отец экономической науки близоруким ретроградом, не сумевшим оценить по достоинству всемирно-историческую миссию капитала, или же, наоборот, оказался столь проницателен, что сумел узреть историческую ущербность буржуазных отношений собственности уже на заре их развития? Ответ на этот вопрос зависит от наших взглядов на капитализм. Отметим лишь, что Аристотелю неприянь к хрематистике разделяли Софокл и Шекспир, Пушкин и Вагнер, не говоря уже о Марксе и коммунистах. Власть денег уродует душу и унижает человеческое

достоинство, – это ведь настоящая идея-фикс мирового искусства.

Отечественная «философия хозяйства» объявляет себя наследницей великой критически-эстетической традиции. Целью экономической деятельности должно быть исключительно *благо человеческой личности*, а не приумножение и накопление богатства в его «вещной», товарно-денежной форме. Противовес эгоистическим устремлениям индивидов к максимизации прибыли, представляющим собой своего рода центробежные силы рыночной экономики, русские философы, начиная еще со славянофилов, видели в христианских нравственных ценностях. Их философским интегралом сделалось понятие «соборности», утверждающее органическое вхождение индивидуально-личных интересов в коллективные, религиозно-нравственные цели человеческого общежития. Последним должен принадлежать безусловный примат, однако и первые не следует грубо подавлять и ущемлять, как это происходило в Советском Союзе и странах «социалистического лагеря» в XX веке.

Термин «философия хозяйства» пустил в обращение экс-марксист Сергей Булгаков, представивший книгу с таким названием на защиту докторской диссертации в Императорском Московском университете в 1912 г. Но самый взгляд на Вселенную как человеческое «хозяйство» был унаследован им от философии «общего дела» Николая Федорова и софиологии Владимира Соловьева.

Ключевая идея Булгакова состояла в том, что хозяйство должно рассматриваться *космологически*, как одно из проявлений космического всеединства – «метафизического коммунизма мироздания», по собственному выражению автора. Правомерно ли вообще рассматривать человека и человечество отдельно от мира, космического целого, частицей которого он является?

«Мы едим мир, приобщаемся плоти мира не только устами или органами пищеварения, не только легкими и кожей в процессе дыхания, но и в процессе зрения, обоняния, слуха, осязания, общего мускульного чувства. Мир входит в нас чрез все окна и двери наших чувств и, входя, воспринимается и ассимилируется нами. В своей совокупности это потребление мира, бытийственное общение с ним, коммунизм бытия, обосновывает все наши жизненные процессы» [5, с. 119].

По ряду причин у Булгакова «философия хозяйства» не получила дальнейшего развития. Лишь в самом конце XX века Ю.М. Осипов

заявлял ее углубленной разработкой, основав на экономическом факультете МГУ научно-исследовательскую лабораторию и журнал «Философия хозяйства».

Большая часть прошлого столетия, однако, прошла под знаком господства марксистской «политэкономии социализма». На первый взгляд может показаться, что эта дисциплина порвала с религиозной философией хозяйства. Между тем более пристальный взгляд обнаруживает их глубинное, «метафизическое» родство.

Прежде всего следует отметить, что ни философия хозяйства, ни марксистская политэкономия не имеют ничего общего с теорией обогащения и накопления капитала. Их роднит резко выраженное неприятие «максимизации прибыли» как цели хозяйственно-экономической деятельности. Обе концепции считают высшей ее целью удовлетворение *потребностей человека* (но без потребительского отношения к самим людям и к продуктам их труда).

«Природа едина, и это единство просвечивает в основной функции хозяйства – в потреблении» [5, с. 125], – отмечает Булгаков. – «Как в хозяйстве, так и в науке труд затрачивается на удовлетворение уже существующей или зарождающейся потребности» [5, с. 214]. Накопление вещных богатств сверх того, что потребно для самосохранения и саморазвития личности, противостоит и вредно как для самой этой личности, так и для общества в целом.

Сталин объявил главной целью социалистической экономики «обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники» [13, с. 253]. В дальнейшем эта сталинская формула кочевала из одного учебника политэкономии социализма в другой под именем «основного экономического закона социализма».

«Наиболее полное удовлетворение материальных и культурных потребностей людей – это высшая цель общественного производства при социализме», – не уставали твердить идеологи «развитого социализма» [11, с. 41]. Ничего специфически социалистического здесь нет. Под этой декларацией могли бы с чистой совестью подписаться и Аристотель, и философ-славянофил.

Как это основоположение (пусть чисто идеологическое или даже утопическое, допустим) согласуется с принципами рыночной экономики? Очевидно, довольно плохо или вообще никак.

Зато оно превосходно гармонирует с целями хозяйственно-экономической деятельности, заявленными и теоретически обоснованными в трудах отечественных философов конца XIX–XX вв.

Другое фундаментальное сходство православной философии хозяйства с марксистской политэкономией (и, соответственно, их общее разногласие с классической буржуазной политэкономией) состоит в *коллективистском понимании субъекта* хозяйственно-экономической деятельности. Православные философы идеализировали сельскую общину и патриархальную «народность» вообще, советский марксизм – «общенародную собственность» (за которую выдавалась собственность государства) и колхозы. При социализме «хозяйствующим субъектом является само общество как ассоциация тружеников», – говорилось в стандартном советском учебнике политэкономии под редакцией Н.А. Цаголова [10, с. 117].

Оценивая политэкономия социализма строгой меркой научности, можно назвать ее «вульгарной», однако с точки зрения декларируемых целей и хозяйственных приоритетов она была не «хрематистикой», но именно «экономикой» в Аристотелевом смысле.

В лаборатории Ю.М. Осипова возводится китайская стена между «философией хозяйства» и политэкономией социализма, в которой усматривается «самый обыкновенный, но при этом очень примитивный и чересчур уж лживый, идеологический миф» [12, с. 24]. На это следует заметить, что книга предтечи Осипова – отца Сергия Булгакова – насквозь пропитана богословскими мифологемами (что, собственно, и отмечается в Предисловии протоиерея В. Зеньковского [8, с. 17]). Многие места булгаковской «Философии хозяйства» не уступят по мифологической части даже учебнику «научного коммунизма». Например: «История организуется из внеисторического и запредельного центра, София земная возрастает только потому, что существует мать ее София Небесная, ее зиждительными силами, ее водительством... Истина лежит по ту сторону знания. Потому она и невыразима в терминах дискурсивного знания, и ничего не могли рассказать о ней доступным нам языком святые и богоугодные мужи, восходившие, как ап. Павел, на «третье небо» и слышавшие там «неизреченные глаголы, их же не лепо есть человеку глаголати». Неизреченность и вследствие этого тайна, как облако, окружает

Истину, но ей становятся сопричастны те, кто удостоивается стать органом ее откровения» [5, с. 195], и т.д.

Таким образом, можно сделать вывод, что политэкономия социализма наследовала ключевые идеи русской религиозной философии хозяйства и противостояла «эгоцентрической» буржуазной политической экономии. Разница заключалась лишь в идеологической окраске этих двух пластов философско-экономической мысли: христианская идеология против идеологии социалистической, религия против «научного атеизма». При этом некоторые русские философы – тот же Булгаков с его программой «христианского социализма», Бердяев или Карл Кантор, – не без оснований считали социалистический идеал кровным родственником идеала раннего христианства.

Нам представляется обоснованным вывод С.Г. Кирдиной (Институт экономики РАН) о том, что политическая экономия социализма – ««звено в цепи» теоретических достижений российских экономистов», и «если «духовная политическая экономия» Ивана Посошкова, с которой начинается российская экономическая мысль, опиралась в идеологическом отношении на православие, то ее «наследница» XX века заменила религиозную идею научной, что отражало закономерности времени» [9, с. 99-101]. Общим принципом дореволюционной «философии хозяйства» и постреволюционной социалистической экономики является, по Кирдиной, «икс-матрица»: централизованные иерархические политические структуры с преобладанием распределяющих экономических институтов.

Как видим, мифы и утопии могут порой сбываться – хотя и в иной, «превращенной» форме. В их первооснове лежит императив гуманизации человеческого бытия. Русские философы, каждый по-своему, на свой лад, пытались осмыслить этот идеальный вектор истории.

Литература

1. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: в 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 375–644.
2. Батова, И.К. Суверенность личности как основа философской концепции смысла жизни Льва Шестова // Смысл жизни: опыт философского исследования. М.: Изд-во РАУ, 1992. С. 104–110.
3. Бердяев, Н.А. О назначении человека. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. М.: Республика, 1993. 382 с.
4. Бердяев, Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии). М.: Международные отношения, 1990. 336 с.

5. Булгаков, С.Н. *Философия хозяйства*. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 464 с.

6. Гофштеттер, И.А. В плену философско-теологической путаницы. (О Розанове, Гегеле и Шестове) // *Путь*. № 28. Июнь 1931. С. 87–100.

7. Гурвич, Г.Д. Рецензия на книгу Н.А. Бердяева «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики» // *Современные записки*. 1931. № 47. С. 513–517.

8. Зеньковский, В.В. Предисловие // Булгаков С.Н. *Философия хозяйства*. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 5–30.

9. Кирдина, С.Г. «Блеск и нищета» политической экономии социализма // *Очерки истории российской экономической мысли*. М.: Наука, 2003. С. 19–39.

10. Курс политической экономии: В 2 т. Т. II. Социализм / под ред. Н.А. Цаголова. 3-е изд. М.: Экономика, 1974. 670 с.

11. Материалы XXIV съезда КПСС. М.: Политиздат, 1971. 320 с.

12. Осипов, Ю.М. Своеобразие отечественной хозяйственной мысли: наследие и новый парадигмальный поиск // *Философия хозяйства*. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Вып. 4. 2013. С. 9–35.

13. Сталин, И.В. Экономические проблемы социализма в СССР // *Слово товарищу Сталину*. М.: Eksmo, 2002. С. 219–301.

14. Чубаров, И.М. Персоналистическая антропология Н.А. Бердяева и социализм // *Природа человека и социализм*. М.: ИНИОН, 1991. С. 77–112.

15. Шестов, Л. Власть ключей. Афины и Иерусалим // Шестов Л.И. *Сочинения в 2-х т.* Т. 1. М.: Наука, 1993. 665 с.

16. Шестов, Л. Киркегард и экзистенциальная философия (Глас вопиющего в пустыне). М.: Прогресс-Гнозис, 1992. XVI, 304 с.

17. Ignatov, A. The Dialectic of Freedom in N. Berdyaev // *Studies in Soviet Thought*. 1989. № 4 (38). P. 273–289.

18. Shein, L.J. Lev Shestov: A Russian Existentialist // *The Russian Review*. 1967. № 3 (26). P. 278–286.

References

1. Aristotle. *Policy. Works: in 4 volumes*. Vol. 4. Moscow: Mysl'. 1983. Pp. 375–644.

2. Batova, I. K. The Sovereignty of the Individual as the Basis of the Shestov's Philosophical Concept of the Meaning of Life. *The Meaning of Life: Experience of Philosophical Inquiry*. Moscow: Publishing House of the Russian Academy of Management. 1992. Pp. 104–110.

3. Berdyaev, N. A. *The Destiny of Man. The Existential Dialectic of the Divine and the Human*. Moscow: Respublika. 1993. 382 p.

4. Berdyaev, N. A. *Self-knowledge (Experience of Philosophical Autobiography)*. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya. 1990. 336 p.

5. Bulgakov, S. N. *The Philosophy of Economy*. Moscow: The Institute of Russian Civilization. 2009. 464 p.

6. Gofshtetter, I. A. Captured the Philosophical and Theological Confusion. (About Rozanov, Hegel and Shestov). *Put'*. June. No. 28 (1931). Pp. 87–100.

7. Gurvich, G. D. Review of the Book of N. A. Berdyaev «The Destiny of Man. Experience of paradoxical ethics». *Sovremennye zapiski*. No. 47 (1931). Pp. 513–517.

8. Zenkovsky, V. V. Preface. *Bulgakov, S. N. The Philosophy of Economy*. Moscow: Institute of Russian civilization. 2009. Pp. 5–30.

9. Kirdina, S. G. «Brilliance and Poverty» of Political Economy of Socialism. *Essays on the History of Russian Economic Thought*. Moscow: Nauka. 2003. Pp. 19–39.

10. Tsagolov, N. A. (Ed.) *The Course of Political Economy: In 2 vols*. Vol. II. Socialism. 3rd ed. Moscow: Ekonomika. 1974. 670 p.

11. *Materials of XXVII Congress of the CPSU*. Moscow: Politizdat, 1971. 320 p.

12. Osipov, Yu. M. The Peculiarity of Russian Economic Thought: the Heritage and the New Paradigm Search. *The Philosophy of Economy. Almanac of the Center for Social Sciences and Economics Faculty of Moscow State University*. Iss. 4. 2013. Pp. 9–35.

13. Stalin, I. V. Economic Problems of Socialism in the USSR. *Word of Comrade Stalin*. Moscow: Eksmo. 2002. Pp. 219–301.

14. Chubarov, I. M. Berdyaev's Personalistic Anthropology and Socialism. *Human Nature and Socialism*. Moscow: INION. 1991. Pp. 77–112.

15. Shestov, L. The Power of the Keys. Athens and Jerusalem. *Works in 2 volumes*. Vol. 1. Moscow: Nauka. 1993. 665 p.

16. Shestov, L. *Kierkegaard and Existential Philosophy (Voice of One Crying in the Wilderness)*. Moscow: Progress-Gnozis. 1992. xvi, 304 p.

17. Ignatov, A. The Dialectic of Freedom in N. Berdyaev. *Studies in Soviet Thought*. No. 4(38) (1989). Pp. 273–289.

18. Shein, L. J. Lev Shestov: A Russian Existentialist. *The Russian Review*. No. 3(26) (1967). Pp. 278–286.

УДК 316.7:070

DOI: 10.18413/2408-932X-2015-1-4-51-56

Меринов В. Ю.

**СОВЕТСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА 30-НАЧ. 50-Х ГОДОВ
КАК ИСКУССТВО СОЦРЕАЛИЗМА.
СТИХИЯ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ ПЕРСОНАЖ**

Кандидат философских наук, доцент. Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия. E-mail: merinov@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье анализируется базовый метод описания действительности советской журналистикой 30-х – начала 50-х гг. Показано, что в его основе лежал сформированный в недрах тоталитарной культуры метод соцреализма. Советские журналисты не были субъектами познания реальности, а выполняли партийные установки, руководствуясь в своих материалах предустановленной соцреалистической схемой конфликта, противостояния положительных и отрицательных героев. Отрицательный персонаж являлся важным структурообразующим элементом конфликта. Он парадоксально объединял в себе противоположные черты: с одной стороны, он был почти всемогущ и наделялся сверхчеловеческими чертами, с другой, был слаб и обречен на поражение. Представители Хаоса выстраивались в строгую иерархию в зависимости от преследуемых целей. Между сталинистской журналистикой и искусством (литературой, прежде всего) существовали некоторые отличия. Так, во всяком случае, во второй половине 20-х и в 30-е годы, литература более сосредоточена на самом процессе пересотворения стихийного человека в человека «сознательного». Журналистика же более обращалась к результату пересотворения. Впрочем, эти отличия ничего не меняли в существе изображаемого мира.

Ключевые слова: советская журналистика; соцреализм; тоталитаризм; отрицательный персонаж.

Merinov V. Yu.

**THE SOVIET JOURNALISM OF THE 30s – EARLY 50s AS THE ART OF
SOCIALIST REALISM. SPONTANEITY AND A NEGATIVE CHARACTER**

PhD in Philosophy, Associate Professor. Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia. E-mail: merinov@bsu.edu.ru

Abstract

The article analyzes the basic method of describing the reality of Soviet journalism in the 30^s – early 50^s. In it's basis which was formed in the depths of totalitarian culture, there was a method of social realism. Soviet journalists were not the subject of understanding reality, but they performed the party's directives, and were guided in their works by a predefined socialist-realist scheme of confrontation of positive and negative characters. The negative character was an important structural element of the conflict. It paradoxically united an opposite characters inside. On one side, it was almost all-powerful, but on the other side, it was weak and doomed to failure. Representatives of chaos built themselves into a strong hierarchy depending on intention. However, there were some differences between Stalinist journalism and art (literature above all). So, in the second half of the 20^s and in 30^s, literature was more focused on remaking a «natural» human into a «conscious» person. Journalism was more focused on the result of the «remaking» process. However, these differences didn't change anything in the content of the world being portrayed.

Keywords: Soviet journalism; totalitarianism; socialist realism; negative character.

Советская журналистика сталинской эпохи – весьма непростое культурное явление. Одну из главных сложностей при анализе сталинской культуры в целом представляет ее имитационный характер. Это целый мир текстов и самоназваний, не раскрывающих, а, наоборот, скрывающих (затемняющих) реальность.

Так, в сталинскую эпоху отечественная журналистика практически утратила возможности для независимого осмысления мира, самостоятельного (в том числе личностного) целеполагания. Задачи и способы их разрешения задавались сверху – Партией и лично Вождем.

Таким образом, журналистика лишилась собственно журналистских черт: опоры на факт, персонализма, «объективного и полного» отражения действительности [9]. Она превратилась в один из репрессивных институтов, выстроенных по общей тоталитарной матрице [10].

Главным инструментом репрессии в отношении культуры выступал единственный художественный метод, или, точнее сказать, большой стиль эпохи – социалистический реализм [см.: 7]. Соцреалистическое видение мира пронизывало собой весь тоталитарный культурный текст. Метаконфликт соцреализма наследовал древнюю мифологическую формулу: борьбу сил Порядка и Хаоса.

Силы Порядка представляли собой единый типологический ряд героев: Культурный герой – Герой открытого пространства – простой советский человек. Универсальной формой существования положительных героев стала форма Парада-отчета [см.: 7, с. 62-63]. «На страницах советских газет вся жизнь предстала как пространство Радости, Света, различных форм парада (военного, производственного, бытового и т.д.)» [9]. Советский парад не обладал свойствами европейского средневекового карнавала, на который он был похож только внешне, с его свободой, телесностью, переворачиванием социальной иерархии [1]. Это было строго организованное Вождем-дирижером действие. Участникам торжества позволялось славить своего Творца, потому что они (счастливые и здоровые) и были его главным детищем. Таким образом, парад был формой отчета народа перед Вождем, демонстрацией самого себя.

Утопический характер тоталитарного мифа состоял в представлениях о конечной, «полной и безоговорочной» победе сил Добра и Порядка над силами Зла и Хаоса. Хронотопу Победы в тоталитарном мире придается особое значение. Парад – это, собственно, торжество, демонстрация Победы. Победа в тоталитарном мифе двулика. Победа имеет несколько форм выражения. Конкретную – с определенной датой и точным местом. С одной стороны, она – кульминация, высшая точка. С другой стороны, Победа – явление, длящееся бесконечно долго, сколько существует советская власть, а она, как известно, «пришла всерьез и надолго» (Ленин). Исходной победой, условием, которое разворачивает советский парад побед, является Октябрьская революция. За ней следуют победы-клоны над всевозможными врагами революции: интервентами, белыми, фашистами и т.д. Историческое движение СССР – это безостановочное великое шествие народа во главе

со своим Вождем от Победы к Победе. Отсюда каждодневный невероятный эмоциональный накал советского журналистского текста. Важным в соцреалистическом миропонимании было ощущение превосходства «Родины Счастья» над странами, оставшимися во власти Хаоса.

Хаос имел две формы. Первая – стихийно-природная. В этом случае он действительно напоминал Хаос, безначальное, неуправляемое пространство. Другая форма была сложнее и противоречивее: это царство врагов, оно соединяло в себе черты и Хаоса и Порядка.

Природная стихия. Победа, как известно, одерживается над кем-то. В границах социалистической Утопии большевикам не может противостоять никто и ничто. Природа – само воплощение стихии (хаоса). Значит, ее нужно покорить (победить, организовать). Покорение природы: могучей реки – Днепрогэс, дикой природы Дальнего востока – Комсомольск-на-Амуре (х/ф «Аэроград», режиссер А. Довженко), стихии Севера (х/ф «Семеро смелых», режиссер С. Герасимов, «штурмовать далеко море посылает нас страна»); другие «великие стройки социализма» (строительство Сталинграда, х/ф «Клятва», режиссер М. Чиатурели), а также колхозы, созданные по приказу партии.

Начинают дело, организующее хаотическое пространство, советские герои-первопроходцы (ударники, стахановцы, «двадцатипятидесятники», позже «целинники»). Затем за него берется «простой советский человек». Вместе они весело, с энтузиазмом выполняют наказ советской Родины и ее воплощения – Вождя. Так процесс битвы с природой («битва за урожай», «битва со стихией») обретал перманентно-праздничный характер.

Стихийный герой. Справедливо отметила К. Кларк: «Основным конфликтом соцреалистического метасюжета было столкновение стихийности с сознательностью» [4, с. 86]. Стихийно-эмоциональный герой, вмещающий в себя стихию природы, стал объектом воздействия культурного героя (и его помощника). Ему был свойственен недостаток политической «сознательности». Этот герой соцреализма мог нести в себе «родимые пятна капитализма», хаотического прошлого, преодолеваемого по ходу сюжета. Им мог быть молодой человек (Павел Корчагин из «Как закалялась сталь» Н. Островского), народный неформальный лидер (Чапаев – «Чапаев» Д. Фурманова), матрос-«братишка» (Швандя – «Любовь Яровая» К. Тренева), матрос-анархист (Алексей – «Оптимистическая трагедия» Вс. Вишневского), ученик, отстающий в школе, уличный хулиган

(«Педагогическая поэма» А. Макаренко) и другие подобные персонажи. Их всех можно признать инвариантом единого социокультурного типа, кем-то вроде Иванушки-дурачка, обретающего сакральные коллективные знания, память и прошлое, и уже с этим багажом входящего во взрослую жизнь. Стихийный человек побеждал в себе старую Природу, безжалостно уничтожая «отжившие» представления и общественные отношения (хищнические, капиталистические, мелкособственнические инстинкты) и становился Новым советским человеком.

Следует заметить, что едва ли не единственным отличием советской журналистики 30-х – начала 50-х, к примеру, от литературы соцреализма, стал образ стихийного героя. В беллетристике он представлен достаточно широко. Однако в журналистике таких героев было откровенно мало. Почему? Дело, очевидно, в видовых характеристиках самого газетного текста. Журналисту в силу небольших размеров текста трудно было описать историю эволюции героя, глубоко и подробно рассмотреть его характер. Таким образом, советская журналистика сосредоточилась на изображении результата, уже преображенной действительности. Более того, такое сверхпраздничное отражение современной действительности больше отвечало задачам, поставленным партийным руководством. Можно сказать, что литература и журналистика поделили зоны ответственности. Первая, во всяком случае, во второй половине 20-х и в 30-е годы, отвечала за изображение процесса, вторая – итога. Получалось у последней, видимо, неплохо. Во всяком случае, в те годы никто не поднимал темы кризиса советской журналистики, в отличие, к примеру, от темы «кризиса советской литературы» [8].

Антагонист (отрицательный персонаж) и его мир. У героев данного типа есть своя градация:

- 1) Антигерой-кукловод (псевдовождь и его слуги), располагающийся в эпицентре антимира;
- 2) Враг народа, «наймит империализма» в мире Порядка.
- 3) Потенциальный враг народа.

Первый тип: соцреалистический антигерой – деятель «мертвого царства», как правило, отдаленного от хронопического (нравственного) центра, в роли которого выступала «родная земля», «социалистическое отечество». В старый мир был записан весь Западный мир как целостный феномен, взятый вместе с его порождением – «фашизмом». Это загнивающий, декадентский, профашистский Запад, мир перевернутой иерархии ценностей,

страна мнимого механического веселья и настоящей грусти и печали. Антимир – провал в историческом времени, тесное, замкнутое, душное пространство, где история остановила, или, скорее, не начинала, свой веселый праздничный бег.

За пределами Утопии процветают только «силы международной реакции»: капиталисты, банкиры, правительства капиталистических стран, их верные клеветы: полиция, разведка. Мир зла маркируется как мир вражды, разложения, вечной войны, агрессии. Там постоянно наступает «реакция», проходят митинги и выступления недовольных своей долей трудящихся: «Поход реакции против рабочего класса в стране», «Митинг в Париже» («Комуніст» (орган ЦК КП(б)У), 4.12.1938) [2].

В советском тексте этот мир получает амбивалентные характеристики. Там, к примеру, есть элементы Порядка, есть свои вожди и должностная иерархия. Они носители абсолютного Зла. Они постоянно вредят, пакостят и угрожают «первой стране победившего социализма». Они со всех сторон окружили единственную Страну Счастья (нужно «помнить о капиталистическом окружении»). Они противостоят светлому коммунистическому миру, засылают врагов-диверсантов, стремятся уничтожить или разложить коммунизм своим «тлетворным влиянием». В этом смысле они огромны (занимают весь несоветский мир), почти всемогущи (отвечают за все зло, творящееся в мире), поэтому наделены демоническими чертами.

Но это только одна сторона образа антигероя, другая выступает как опровержение первой. Антагонист – ненастоящий, неправильный вождь – антивождь. Он полностью противоположен подлинному Вождю. Он – неудачник, слабый, кичливый, крикливый, истеричный, злобный, недальновидный и откровенно глупый. Коллективный портрет вождей мира Хаоса обретает в советском тексте отчетливо карикатурный, жалкий, шутовской характер. Так, «Пуанкаре, один из организаторов европейской бойни 1914-18 годов, прозванный “Пуанкаре-война”, человек, который едва не погубил игру капиталистов Франции, бывший социалист Бриан, знаменитый алкоголик лорд Биркенхед, недавно умерший, и прочие искренние лакеи капитала готовят благословляемое главой христианской церкви разбойничье нападение на Союз Советов» (М. Горький, «Правда», 15.10.1930) [3]. Отсюда расцвет карикатуры как жанра в это время в СССР (Кукрыниксы, Борис Ефимов и др.). Это антигерои, «фашистские шуты», их естественное состояние

описывается понятиями из сферы медицинской патологии: «тяжелый припадок», они впадают в «антисоветский бред» («Комсомольская правда», 20.06.1933) [5]. Они комичны в своих потугах спрятать «Шило в мешке» («Известия», 26.07.1934) [12], которое, как известно, всегда где-нибудь да вылезет. Они не способны создать мир настоящей (подлинной) организации, им непонятна красота подчинения и дисциплины. У них ничего не получается: «Антисоветский закон Кенделя отложен», «Разнобой на парижской «аграрной» конференции», «забастовка текстильщиков в Лауренсе», «Падение цен на пшеницу в Чикаго» («Известия» 27.02.1931). Они все время лгут: «Еще одно доказательство лживости клеветы о «принудительном труде» в СССР» («Известия», 27.02.1931) [12]. Они конструируют мир докультурного Хаоса, только сверху накрытого «личиной» Порядка и Света. Это лживый Порядок и Свет («витрина капитализма»). Несчастны те страны, где нет настоящего сильного, волевого Вождя. Некому о них позаботиться, они бредут впотьмах, у них нет цели, нет героев.

Все это не исключает величественную, сакральную и подлую цель мира Хаоса: уничтожить царство Света и Справедливости. Для этого в мире Зла без меры изготавливается и накапливается вооружение, снаряжаются бесчисленные армии. Враги-фашисты со всех сторон окружают СССР с целью задушить первую молодую страну рабочих и крестьян. Противостоять этому должны могучая Красная армия и весь советский народ, готовый весь подняться на разгром агрессора (х/ф «Если завтра война»). Демонстрируют превосходство Добра над Темными силами: настоящие войны с «фашистами» (к примеру, с «белофиннами») или квазивойны (квазибитвы) – военные парады-отчеты, проходы военной техники и войск перед глазами Вождя. Судьба Зла драматична. Здесь время настоящего и будущего соединено. Зло побеждается ежедневно и должно быть окончательно побеждено в будущей большой и короткой войне, «малой кровью, могучим ударом» (В. Лебедев-Кумач).

Амбивалентный образ бессильного-всесильного врага находит свое продолжение во врагах внутренних, внутренних «фашистах». Так всеилие представителей зарубежного иномирья проявляется в том, что те умудряются совершить, казалось бы, абсолютно немыслимое: находят в царстве Гармонии «продажных» представителей Хаоса. Последние – «рядятся в одежды» адептов советского Порядка, «прикидывались радателями пролетариата» [12], но это только хитрая уловка,

они «чужие среди своих». Эти враги представлены и как «осколки» старого дореволюционного и вдребезги разбитого мира, «прямые приказчики старых хозяев русской жизни <...> почти все они бывшие меньшевики» («Известия» 27.02.1931) [12] и как «наймиты» современного империализма-фашизма, марионетки Запада: «Извне против творческой работы Союза Советов – европейский капитал. Он тоже отжил свой срок и обречен на гибель. Но он все еще хочет и все еще имеет силы сопротивляться неизбежному. Он связан с теми предателями, которые вредительствуют внутри Союза, и они, в меру своей подлости, помогают его намерениям разбойника» (М. Горький, «Правда», 15.10.1930) [3]. Это всякого рода «отщепенцы», «гнусные предатели», «враги народа», «вредители», бывшие белогвардейцы, помещики-капиталисты, нэпманы, кулаки, «осколки старого меньшевизма» («Известия» 27.02.1931) [12]. Их «кукловоды» дают им задание – свергнуть страну в пучину Хаоса, разорвать единство советских народов, «...расчленив СССР, оторвать Украину, Белоруссию и среднеазиатские республики» («Такташовец», 6.03.1938) [2]. Антигерой часто окрашен в «иноземные» и «зооморфные» тона. Речь, фамилия (в литературе), одежда, произношение, манеры, повадки, взгляд выдают в нем представителя иномирья.

Представители Тьмы в СССР, в свою очередь, разделены на две группы. Первая, особенно опасная, целящая в сердце советской державы, в ее вождя. Кратчайший путь к возрождению Хаоса – атака на сакральный центр – наглое, дерзкое, циничное и кощунственное предприятие. Это «они хотели физически уничтожить наших любимых вождя – товарища Ленина и Сталина, тов. Ежова», они уже «умертвили Куйбышева, Менжинского и величайшего гуманиста М. Горького» («Такташовец», 6.03.1938) [2]. Их деятельность подается как смертоносная и сверхразрушительная: «подлая банда убийц и шпионов» («Огонек», 10.03.1938) [2], «...изверги, капиталисты с звериной злобой, головорезы, продавшиеся фашистским разведкам, готовили убийство миллионов рабочих, крестьян, уничтожение советских городов, заводов, шахт колхозов...» («Такташовец», 6.03.1938) [2].

Вторую группу представляют враги помельче. Они «орудуют» «на местах», к примеру, «на шахте им. Ильича, треста Сергоуголь» («Такташовец», 3.08.1938) [2]. Они, помощники главных врагов, создают «право-троцкистские группы», ломают

советскую технику, организуют взрывы, пожары, завалы на шахтах.

Обращает на себя внимание высокая частотность использования против беззащитных (еще не осужденных) советских граждан понятия «фашист». Так, бывшие меньшевики по указке из заграницы организуют в СССР «вредительский центр» и журнал, статьи из которого перепечатывает «социал-фашистская пресса», а «социал-фашистский II интернационал» готовит интервенцию в СССР («Известия», 27.02.1931) [12]. А «продажная шкура шипящей змеи», «заклятый враг», «злейший гад Долгих», «по заданию... Фашистских агентов», устраивал «пожары, завалы... с человеческими жертвами», его «грязные руки обгажены кровью лучших сынов рабочего класса» («Такташовец», 3.08.1938) [2]. Читатель советской газеты безошибочно должен был распознать «настоящее лицо фашистского бандита Долгих» («Такташовец», 3.08.1938) [2].

Третий подтип из ряда антигероев – потенциальный враг народа. Антигерой – зеркальное отражение достоинств истинного героя. «Антигерой не способен слиться с эпохой, его субъективное (а значит, ущербное) в системе коллективистских ценностей восприятие принципиально не совпадало с ней» [6, с 111]. Поэтому потенциально готовы перейти «в стан врагов революции»: спекулянты-мешочники, лентяи, всякого рода разуверившиеся в светлом будущем нытики или, того хуже, циники-отщепенцы, преклоняющиеся перед Западом. На наш взгляд, тоталитарно-репрессивный характер соцреализма особенно проявлялся в отношении к данному подтипу. Потенциально каждый советский гражданин, заподозренный в недостаточной лояльности, легко мог оказаться в этом лагере.

Российский исследователь А.П. Смирнов справедливо говорит о «негации антропологии в соцреализме», то есть отсутствии в пространстве соцреалистического произведения обычного человека и замещение его сверхчеловеком или его оппонентом недочеловеком, отношения между которыми могут быть построены лишь на базе социальной репрессии [11, с. 33]. Соцреалистический текст пронизывает пафос обязательной победы как пафос безжалостного уничтожения врага: «Смерть убийцам» (Рыкову, Бухарину, Ягоде и др.) [2]; «Внутри страны против нас хитрейшие враги организуют пищевой голод, кулаки терроризируют крестьян-коллективистов убийствами, поджогами, различными подлостями, – против нас всё, что

отжило свои сроки, отведенные ему историей, и это дает нам право считать себя все еще в состоянии гражданской войны. Отсюда следует естественный вывод: если враг не сдается, – его истребляют... И если, окончательно обезумев от страха перед неизбежным будущим, капиталисты Европы все-таки дерзнут послать против нас своих рабочих и крестьян, необходимо, чтобы их встретил такой удар словом и делом по глупым головам, который превратился бы в последний удар по башке капитала и сбросил его в могилу, вполне своевременно вырытую для него историей» (М. Горький, «Правда», 15.10.1930) [3]. На инспирированных властью процессах трудящиеся единодушно требуют «стереть с земли фашистских псов», уничтожить «фашистских выродков», «трудящиеся Донбасса уже вынесли свой приговор», «Советский народ единодушно приветствует твердую политику советского правительства» («Такташовец», 6.03.1938) [2]. Осуждение «выродков» снова приобретает вид всенародного парада, уже не только радостного, но и гневного, и все такого же приподнято-эмоционального, репрессивного, милитаристского. Это грозный и вдохновляющий парад-Победа, парад-битва, парад-митинг, парад-суд – символический акт низвержения (возвращения) слуг Дьявола в Преисподнюю.

Здесь так же, как и в случае с положительным героем, наблюдается взаимопроникновение литературного и «журналистского» текста. Так, на страницах газет появляются, в том числе, частушки, «народные» стихи, к примеру, «Приговор народа»: «... Судейский стол. Ставь прокурорских фраз: так значит сколько вы у немцев взяли, чтоб родину продать... Да, мы стекло подмешивали в масло... Да, Горького убить я приказал... Я деньги брал – ... Иуда-Троцкий враг заклятый наш, ... Мы слышим грозный приговор народа: – Предателей шпионов – расстрелять!» [2].

Подведем краткий итог. Советская культура, включая «журналистику», выстраивала единый социокультурный ряд героев. Универсальным хронотопом соцреалистического текста стал хронотоп парада, веселого и устрашающего одновременно, имеющего различные формы и проходящего по всему пространству страны Советов. Парад символизировал и утверждал Победу Порядка над силами Зла.

Сами же темные силы изображались весьма своеобразно. С одной стороны, этот мир разоблачался как замкнутый, угрюмый, склонный к насилию, репрессии, приобретал «фашистские»

черты. Он окружал СССР, грозил ему уничтожением, засылал вредителей, способных убить не только миллионы советских граждан, но и, что самое страшное «вождей партии и народа». С другой стороны, этот мир маркировался как карикатурный, мир вождей-пигмеев, мир слабости, бессилия власти и разболтанности общества, декадентского морального разложения, пустых развлечений, мир, доживающий свои последние дни.

Таким образом, общая картина получала отчетливые шизофренические черты. Очевидное противоречие смыслового вектора Сила – Бессилие предлагалось преодолеть, вставив его в контекст конспирологических теорий по линии: Настоящее – Будущее. Настоящее – видимое, внешнее явное, огромное, сильное и мощное, выставленное напоказ, технически совершенное, свет ночных городов и витрин. Будущее – глубоко скрываемое, слабое, болезненное, подлое, лживое.

Советская «журналистика» 30-х – начала 50-х годов полностью встраивалась в предложенную ей нормативную соцреалистическую модель отображения действительности, по сути, подменяя исследование реальности картинкой с предзаданными конфликтом и героями. Советский «журналист» приучал своего читателя «не верить глазам своим», не доверять увиденному, факту, а «смело» «срывать маски», выявлять, вслед за журналистом, «тайные» смыслы конспирологической «реальности». Он погружал простого советского человека в увлекательный мир соцреалистического текста, мир полный загадок, тайн, мнимостей и отважного разоблачения мирового капиталистического Закулисья.

Литература

1. Бахтин, М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. 543 с.
2. Газеты и журналы 1930–1953 годов («Сталинский» период) [Электронный ресурс]. URL: <http://oldtime.net.ua/Foto%20sity/2012/08/Брянка38-004.jpg> (дата обращения: 19.10.2015).
3. Горький, М. Если враг не сдается, – его уничтожают [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/g/gorkij_m/text_1930_esli_vrag_ne_sdaetsya.shtml (дата обращения: 19.10.2015).
4. Кларк, К. Сталинский миф о «великой семье» // Вопросы литературы. 1992. № 1. С. 89–111.
5. Комсомольская правда: архив газеты [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kp.ru/arch/daily/> (дата обращения: 21.10.2015).
6. Меринов, В.Ю. Культурологическая реконструкция тоталитарного хронотопа в русской литературной традиции: Дис. канд. филос. наук. Белгород, Изд-во Белгор. гос. ун-та, 2004. 155 с.

7. Меринов, В.Ю. Советская журналистика 30-х – нач. 50-х гг. как искусство соцреализма. Положительный герой // Научный результат. Сетевой научно-практический журнал. Серия: Социальные и гуманитарные исследования. 2015. № 3(5). С. 55–66. DOI: 10.18413/2408-932X-2015-1-3-55-66.

8. Перхин, В.В. Русская литературная критика 1930-х годов: Критика и общественное сознание эпохи. СПб.: Изд-во С.-Петербург. университета, 1997. 308 с.

9. Прохоров, Е.П. Введение в теорию журналистики. М.: Аспект Пресс, 2003. 367 с.

10. Римский, В.П. Тоталитарный космос и человек. Белгород: Изд-во Белгор. гос. ун-та, 1998. 126 с.

11. Смирнов, И.П. Соцреализм. Антропологические измерения. // Новое литературное обозрение. 1995. № 15. С. 29–43.

12. Старые газеты. Известия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oldgazette.ru/izvestie/13121937/index1.html> (дата обращения: 20.10.2015).

References

1. Bakhtin, M. M. *Francois Rabelais's Creativity and Folk Culture of the Middle Ages and Renaissance*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 1990. 543 p.
2. *Newspapers and Magazines of 1930-1953 («Stalinist» period)*. [Online]. URL: <http://oldtime.net.ua/Foto%20sity/2012/08/Брянка38-004.jpg> (date of access: October 19, 2015).
3. Gorky, M. *If the Enemy Does Not Give Up – He is Destroyed*. [Online]. URL: http://az.lib.ru/g/gorkij_m/text_1930_esli_vrag_ne_sdaetsya.shtml (date of access: October 19, 2015).
4. Clark, K. Stalin's Myth of the «Great Family». *Voprosy literatury*. No. 1 (1992). Pp. 89–111.
5. *Komsomolskaya Pravda: Archive*. [Online]. URL: <http://www.kp.ru/arch/daily/> (date of access: October 21, 2015).
6. Merinov, V. Yu. *Cultural Reconstruction of the Chronotop in the Totalitarian Russian Literary Tradition: PhD Thesis in Philos. Sciences*. Belgorod. 2004. 155 p.
7. Merinov, V. Yu. The Soviet Journalism of the 30s – 50s as the Art of Socialist Realism. Positive Character. *Research result. Network scientific journal. Ser. Social studies and humanities*. No. 3(5) (2015). Pp. 55–66. doi: 10.18413/2408-932X-2015-1-3-55-66.
8. Perkhin, V. V. *Russian Literary Criticism of the 1930s: Criticism and Social Consciousness of the Epoch*. St. Petersburg: Publisher Sankt-Petersburg University. 1997. 308 p.
9. Prokhorov, E. P. *Introduction to the Theory of Journalism*. Moscow: Aspect Press. 2003. 367 p.
10. Rimsky, V. P. *Totalitarian Space and Man*. Belgorod: Belgorod State University Publishers. 1998. 126 p.
11. Smirnov, I. P. Socialist Realism. Anthropological Measurements. *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 15 (1995). Pp. 29–43.
12. *Old Newspapers*. *Izvestia*. [Online]. URL: <http://www.oldgazette.ru/izvestie/13121937/index1.html> (date of access: October 20, 2015).

АРХИВ
ARCHIVE

УДК 372.878

DOI: 10.18413/2408-932X-2015-1-4-57-69

Московкин В. М.

К ИСТОРИИ ХАРЬКОВСКОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.
ОПЫТ СИСТЕМАТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (1910–1940 гг.)¹

Доктор географических наук, профессор. Белгородский государственный национальный исследовательский университет. ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия. E-mail: moskovkin@bsu.edu.ru

Аннотация

Проделан систематический анализ справочно-адресных книг «Весь Харьков» и телефонных справочников за период с 1910 по 1940 год на предмет состава и движения штатов и расположения харьковских музыкальных учебных заведений и их перемещения. Выявленные фамилии педагогов этих учебных заведений сопоставлены с частотой их упоминаний в именном указателе монографии по истории Харьковского института искусств (1992). Составлена сводная таблица перечня руководителей и преподавателей (126 человек), не вошедших в этот указатель. С помощью глубокого поиска в Google собраны сведения о 25 личностях из этого перечня. Изучен вопрос о расположении и смене наименований харьковских музыкальных заведений за рассматриваемый период. Показано, что в дореволюционное время большинство музыкантов-педагогов селилось в окрестностях Харьковского музыкального училища.

Ключевые слова: харьковские музыкальные учебные заведения; Харьковское музыкальное училище; Харьковская консерватория; Харьковская государственная народная консерватория; Харьковский государственный музыкально-драматический институт; Харьковские государственные высшие музыкально-драматические курсы; Харьковский театральный институт; Харьковская музпрофшкола.

Moskovkin V. M.

TO THE HISTORY OF KHARKOV MUSIC EDUCATION.
THE EXPERIENCE OF SYSTEMATIC RESEARCH (1910-1940)

Doctor of Geographical Sciences, Professor. Belgorod State National Research University 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia. E-mail: moskovkin@bsu.edu.ru

Abstract

In order to study the staff lists and locations of the Kharkov music schools and their relocation, we systematically analyzed «The All Kharkov» reference and address books and telephone directories from 1910 to 1940. The school-teachers' names discovered in the process were correlated with the frequency of referring to them in an index to a monograph on the history of the Kharkov Institute of Arts (1992). We compiled a summary table with the names of administrators and faculty (126 people), who had not been included in that index. Using the advanced Google search, we collected information about 25 people from the list. The issue of location of Kharkov music schools and changing names among them over the period was also investigated. We proved that in the pre-revolutionary time most of the musician-educators used to settle down in the vicinity of the Kharkov Music College.

Keywords: Kharkov music schools; Kharkov Music College; Kharkov Conservatory; Kharkov State People's Conservatory; Kharkov State Music and Drama Institute; Kharkov State Higher Music and Drama courses; Kharkov Theatre Institute; Kharkov musical professional school.

¹ Окончание. Начало см. в № 3(5) за 2015 год.

К 170-летию со дня рождения уроженца Белгорода и основателя харьковской музыкальной школы Ильи Ильича Слатина (1845–1931)

Для изучения деятельности преподавателей музыкальных заведений Харькова, показанных в табл. 13¹, будем тестировать их фамилии, имена и отчества в различных сочетаниях с помощью Google Scholar и Google Books. В ряде случаев при расширенном поиске использовались дополнительные слова, записываемые в строке ниже, такие как «музыкант», «пианист», «Харьков» и др. Начнем тестировать имена преподавателей харьковских музыкальных заведений из табл. 13 сверху вниз (по строкам) и слева направо (по столбцам). Среди музыкальных школ и курсов за 1914 и 1917 гг. удалось найти следующие сведения об их руководителях и преподавателях.

Упоминания об уставах музыкальных школ А.С. Немеровского, М.П. Ястремской и К.А. Пиллика отмечены нами ранее со ссылкой на диссертацию И.В. Жданова [14], размещенную в открытом доступе сети Интернет.

Преподавателя гармонии школы музыки А.Ю. Иентш Лисовского Леонида Леонидовича (1866, Петербург – 1934, Харьков) мы находим в шеститомной «Музыкальной энциклопедии» (1973–1982), которая вместе с «Музыкальным энциклопедическим словарем» (1990) размещена на сайте: www.music-dic.ru. В статье о Лисовском сказано, что он закончил историко-филологический факультет Харьковского университета, занимался у И.И. Слатина (фортепиано). В 1897 г. окончил Петербургскую консерваторию у Н.Р. Соловьева (композиция), с 1898 г. преподавал игру на фортепиано и музыкально-теоретические дисциплины и одновременно был директором музыкальной школы Ф.И. Базилевича в Полтаве; с 1909 г. – преподаватель частных музыкальных школ, а затем Народной консерватории в Петербурге, с 1913 г. – музыкальной школы Л.В. Пышнова и А.Я. Швейгера в Тбилиси, с 1914 г. – музыкальных школ Харькова. После Октябрьской революции продолжал работать в Харькове: с 1918 г. – в Народной консерватории, Музыкальном техникуме. В 1921–30 гг. был членом Высшего музыкального комитета Наркомпроса Украины, а также композиторской мастерской Всеукраинского товарищества революционных музыкантов (ВУТОРМа). Печатался в периодических изданиях и написал много музыкальных сочинений. В «Музыкальной энциклопедии» он представлен как

советский композитор и педагог. Кроме того, биографическая статья о Л.Л. Лисовском размещена на сайте «Биографической энциклопедии»: www.biografija.ru.

В статье С.М. Куделко и С.И. Посохова [17] отмечается, что Редина Татьяна Николаевна, отмеченная в табл. 13, является женой профессора Императорского Харьковского университета Редина Егора Кузьмича (1863–1903), а также родной теткой пианистки Ю.Ю. Гольдингер, которая в 1944 г. окончила Харьковскую консерваторию.

В статье Т.В. Тихомировой, опубликованной в газете «Слобода» 2 ноября 1994 г. и посвященной улице Октябрьской Революции (бывшей Большой Москалевской), упоминается школа фортепианной игры и вокала К.А. Пиллика [34]. Автор рассказывает, что в одном из каменных домов, построенных в 1869-1870 гг. крестьянином П.А. Силаковым, с 1914 до середины 1920-х годов располагалась указанная школа. Эти дома П.А. Силаков построил на своем дворовом месте по улице Большой Москалевской, № 29. Это соответствует адресу школы, приведенному в табл. 3. Вышеназванная статья размещена в одном из Live journal под рубрикой «Харьков: новое о знакомых местах» (статьи и страницы Краеведческого альбома), которая хорошо иллюстрирована фотографиями².

О преподавателях Государственной народной консерватории за 1922 г. в открытом доступе сети Интернет нами были обнаружены следующие сведения. Находкой для нас стали краткие сведения о профессоре А.Б. Гельфгате, о котором ранее не встречалось никаких упоминаний. Так, в «Сводном электронном каталоге системы корпоративной каталогизации», который разработан Объединенным институтом проблем информатики НАН Беларуси, мы находим: Гельфгат А.Б. 1904. Грезы [ноты]: Музыка: [Для скрипки и фп.] / Сочинение А.Б. Гельфгата [6]. Отсюда ясно, что ректор Государственной народной консерватории, профессор А.Б. Гельфгат (см. табл. 4) был композитором. Кроме того, поиск в Google Books вне какого-либо контекста дает его фамилию в переписке И. Стравинского с русскими корреспондентами [33].

О Евгении Юрьевне Гейман в сети Интернет

¹ Все таблицы см. в предыдущем номере: Научный результат. Сер. Социальные и гуманитарные исследования. 2015. № 3 (5). С. 69-89.

² <http://ngeorgij.livejournal.com/22645.html> (date of access: October 13, 2015).

нашлось три упоминания. Один из основателей отечественного симфонджа Анатолий Владимирович Кальварский (р. 1934 г.) вспоминает, что в блокадном Ленинграде Е.Ю. Гейман давала ему первые уроки фортепианной игры [16]. Михаил Дрейзлер вспоминает о своем учителе А.Л. Соковнине и попутно упоминает о Е.Ю. Гейман следующим образом: «Александр Львович Соковнин (1912–1993), профессор Кишиневской консерватории, заслуженный деятель искусств МССР переехал из Кривого Рога в Днепропетровск [в 1927 г. – В.М.], где обучался в музучилище у Е. Гейман, когда же в 1929 г. эта наставница уехала в Ленинград, он отправился вслед за нею, поступив в тамошнее училище, куда она устроилась на работу» [12]. Кроме того, имя Е.Ю. Гейман встречается в книге «Ленинградская консерватория в воспоминаниях» [20].

Достаточно много упоминаний мы обнаружили о преподавателе пения Осипе Осиповиче Бестрихе. Так, Ю.Ю. Полякова писала, что в сценической студии Харьковского 2-го реального училища в 1914–1920 гг. он преподавал пение и вел оперный класс [28]. Мы также встречали это имя, когда изучали окружение будущего лауреата Нобелевской премии по экономике Семена Кузнеця, обучавшегося в 1915–1917 гг. в этом училище [24]. Известный русский артист оперетты (баритон) Митрофан Иванович Днепров (1881–1966) обучался в 1900–1906 гг. на оперных курсах О.О. Бестриха в Петербурге [10]. Он также сам об этом пишет в своей книге «Полвека в оперетте» (1961) [11]. Из «Большой биографической энциклопедии» (2009), размещенной на сайте slovari.yandex.ru мы узнаем, что оперная певица (меццо-сопрано) Мария Николаевна Пржебылецкая выступала в частных петербургских театрах – «Аркадия» (1898) и оперного товарищества русских артистов под управлением О. Бестриха (зал Кононова, 1898). На сайте shatunovsky.ru размещен очерк по истории Литейного округа, опубликованный в газете «Литейный округ» (2011. № 3 (104)), который является перепечаткой работы [13, с. 287–289]. В нем отмечается, что на Моховой, 46 в 1900–1910 гг. проживала и содержала оперно-драматические курсы Анна Карловна Субботина; на курсах драматический класс вела артистка В.В. Пушкарева-Котляревская, а класс пения – певец О.О. Бестрих. В 1922 г. в Государственной народной консерватории вместе с О.О. Бестрихом работала вокальный педагог А.К. Некрасова (табл. 4). Ее мы находим в качестве автора обширной статьи «Из опыта вокального педагога», опубликованной в 1962 г. в журнале

«Вопросы вокальной педагогики» [25].

Среди преподавателей ХГМДИ 1925 и 1926 гг. довольно полные сведения удалось обнаружить о М.А. Крутянском, Е.А. Менес и Б.А. Лезине. Так, в «Юбилейном буклете Курского музыкального колледжа имени Г.В. Свиридова» за 2014 г. отмечено, что он ведет свое начало от Курского музыкального техникума, созданного в 1922 г., и далее пишется: «Педагогические кадры техникума были отличными – это пианист Мирон Абрамович Крутянский – учитель Г. В. Свиридова...» [37].

На сайте этого колледжа в разделе «Предметно-цикловая комиссия фортепиано» указано: «Фортепианное отделение ведет свою историю с 1922 г., с момента создания музыкального техникума. Большой класс студентов техникума по специальному фортепиано имел Крутянский М.А., яркий исполнитель, выпускник Московской консерватории, педагог Г.В. Свиридова»¹.

В статье Марины Зуевой, посвященной Г.В. Свиридову и опубликованной в 2014 г. в газете «Курская правда», пишется: «В 1929 г. Свиридов поступил на подготовительное отделение при Курском музыкальном техникуме. Здесь он освоил четырехлетнюю программу за три года. Его учителем по фортепиано был московский музыкант Мирон Абрамович Крутянский, которого Свиридов всегда вспоминал с особой благодарностью. Крутянский был не только концертирующим пианистом, но и эрудированным, образованным человеком. В своем классе он учил не только игре на фортепиано, но также знакомил с основами музыкальной и общей культуры. Именно он заметил способности Свиридова и посоветовал ему посвятить свою жизнь музыке. В 1966 г. М.А. Крутянский присутствовал на концерте, в программе которого звучали произведения Г.В. Свиридова – уже известного композитора» [15].

В «Энциклопедии циркового и эстрадного искусства» (www.ruscircus.ru), в статье, посвященной Е.А. Менес, мы можем прочесть: «Менес Елена Адольфовна (25.08.1905, Варшава – 21.02.1988, Москва), танцовщица, хореограф, педагог по ритмике, пластике и сценическому движению. В 1916 г. поступила в Харькове в балетную школу. После окончания была принята в группу Харьковского театра оперы и балета. Одновременно пробует свои силы в качестве постановщика танцев, начинает выступать на эстраде». С 1925 г. Е.А. Менес жила и работала в

¹ <http://www.kmk.kursk.ru/otdelmenu/64-specfort.html> (date of access: October 18, 2015).

Москве (ГОМЭЦ, ВГКО, Мосэстрада, Московская филармония). Ставила номера и целые программы для многих известных артистов, например, для Л. Гурченко в Театре-студии киноактера. Вела педагогическую работу и ставила танцы во многих московских театрах. После войны сотрудничала с А. Райкиным, Театрами имени Ермоловой и имени Пушкина, Театром-студией киноактера. Как прекрасно пишет в этой статье Б.М. Поюровский: «Елена Менес умела превратить любую песню или танец в самостоятельную яркую сценическую новеллу, в небольшой, выразительный спектакль. Ее номера отличались богатой выдумкой, интересной композицией и особой экспрессией. Они были окрашены героикой, романтикой, но почти обязательно и юмором, что снимало ложную патетику» [29].

С биографической статьей о Борисе Андреевиче Лезине (1880–1942) можно ознакомиться в «Литературной энциклопедии», размещенной на сайте slovari.yandex.ru: «Лезин Борис Андреевич (1880–?) – литературовед, получил премию имени А. Потебни. Редактор и издатель сборника «Вопросы теории и психологии творчества», являвшегося центральной трибуной идеалистической школы потебнианства. В последние годы Лезин работает при кафедре литературоведения Харьковского государственного университета и редактирует полное собрание сочинений Потебни. В пооктябрьских работах (статьи в журналах «Червоний шлях», «Родной язык в школе» и т.д.) Лезин пытается приблизиться к марксизму, но идеалистическая методология Потебни, которую Лезин не может преодолеть, препятствует успеху его попыток». В Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) (www.rgali.ru) имеется фонд 87 (35 единиц хранения, 1906–1930), посвященный Лезину Б.А., где он показан как историк литературы и в котором уточнены даты его жизни, по сравнению с данными «Литературной энциклопедии».

Упоминание о профессоре М.А. Славинской (ХГМДИ, 1925, 1926) (табл. 13) вместе с Л.Н. Балановской (ХМДИ, 1929, 1930) (табл. 12) мы находим в статье Наталии Вареник, посвященной Генриху Нейгаузу и музыкальной жизни в Елисаветграде (сейчас Кировоград) после революции. В ней приведена выдержка из раздела хроники городской газеты «Известия» от 23 марта 1919 г.: «Сегодня в 5 ч. дня в помещении Комиссариата Народного образования (общественное собрание) состоится совещание

местных педагогов-музыкантов о постановке музыкального дела в Елисаветграде. Приглашены следующие лица: Шимановский К., Нейгауз Г., Нейгауз Н., Гайсинский А., Нейгауз Г.Г., Липянский А., Гайсинский Б., Славинская М.А., Гольденберг И.А., Балановская Л., ...» [4]. Отметим, что Л.Н. Балановская (1883–1960) до переезда в Харьков в середине 20-х годов была артисткой Большого театра (Москва) [7].

Акомпаниатора С.Н. Тартаковского (табл. 13) мы упоминали ранее, в связи с воспоминаниями студента ХМДИ 20-х годов В.А. Богдановича [2], но Интернет сведений о нем не дает.

Профессор биологии Харьковского муздрмаина Петр Иванович Кравцов (1856, Харьков – 1928, Харьков) (табл. 5, 6) являлся известным в то время врачом, а также заслуженным деятелем науки и искусств Украины, о чем есть упоминание в сети Интернет.

Систему воспитания актера в ХМДИ в 1929 г. (табл. 10) преподавал С.К. Бондарчук, вместе с курсом «режиссура» (табл. 10). В сети Интернет можно увидеть серию его статей, опубликованных в 1999 г. в сборнике «Молодий театр. Генеза. Завдання. Шляхи» [3], в том числе статьи о Лесе Курбасе. Детальные библиографические издания, посвященные последнему театральному деятелю (табл. 10, 11), были изданы в Харькове [5] и Тернополе [21]. Они также размещены в сети Интернет. В последнем издании, кроме работ Леся Курбаса, можно увидеть труды С.К. Бондарчука, Л.М. Дмитровой, Е.Е. Купферовой (табл. 13), а также работы Л.М. Гаккебуша, М.М. Крушельницкого, И.А. Марьяненко, Я.А. Мамонтова и В.С. Василько, упоминание о которых имеется в монографии по истории ХИИ [35] (табл. 12). Среди этих трудов интерес представляет учебник Л.М. Дмитровой по истории мирового театра, изданный в 1929 г. на 474 страницах [9] (электронное издание 2012 г. размещено на сайте elibrary.nplu.org/view.html?id=344), а также интервью с чешской балериной Ервиной Купферовой, опубликованной в журнале «Наша земля» (Ужгород) в 1928 г. [18]. Первую мы видим в качестве преподавателя художественного чтения, а вторую – в качестве преподавателя танцев и ритмопластики драматического факультета ХМДИ в 1929–30 гг. (табл. 10, 11).

В табл. 7, 10, 11 за, соответственно, 1925, 1929 и 1930 гг. мы встречаем смешанную чешско-еврейскую фамилию – Марачек-Розенштейн. На сайте www.vilavi.ru мы обнаружили статью Валентина Антонова ««Тоска по родине». Черная

кошка в темной комнате», в которой описывается деятельность музыкального магазина «Н. Марачек» в Харькове. В ней приведены следующие сведения: «Марачек-Розенштейн Вера Викторовна (конец 19 в., Харьков – осень 1941, Дробицкий яр под Харьковом)». В статье отмечается, что она, по всей видимости, является дочерью В.Ф. Марачека и Надежды Марачек, собственницы нотной типографии и музыкального магазина, организатора концертов и гастролей в Харькове. В разные годы Надежда Марачек дарила Музыкальному училищу портрет М. Глинки и ноты, являлась вдовой многолетнего капельмейстера 121-го пехотного Пензенского полка и после смерти мужа унаследовала его дело. Сам Франтишек (Виктор) Марачек скончался в 1899 г. [1].

Харьковский муздрамин может гордиться тем, что в конце 20-х годов XX в. в нем преподавал курс грима и истории костюма незаслуженно забытый Владимир Павлович Лачинов (28 февраля 1865 – после апреля 1929) – филолог, переводчик, драматический артист, теоретик театрального искусства, театральный критик. Большая и насыщенная фактами, примечаниями и источниками статья о нем в Википедии может послужить толчком к изучению и сохранению творческого наследия этого талантливого писателя, переводчика и театрального деятеля. О масштабах его деятельности говорят следующие факты из вышеуказанной статьи: «В период с 1890-х по конец 1920-х годов В.П. Лачиновым сделано около 150 публикаций по самой разной тематике (даны сведения только до 1917 г.): литературные переводы (Г. Уэльс, М. Твен, Джером К. Джером, А. Шницлер, Г. Д'Аннунцио и мн. др.), биографии художников, поэтов, режиссеров, артистов (А.Н. Островский, В.В. Самойлов, Сара Бернар, Плови де Шаванн, Д. Леопарди, Б.С. Глаголин (Гусев) и мн. др.), статьи по теории театра (Г. Крэг, Ш. Блан, “О новых сценических требованиях” (Г. Фукс), Э. Поссарт, “О народном театре”, “Нововведение в исполнении Гамлета”, “Искусство мимики”, “Выдающиеся новинки французского и немецкого театров”, “Очерк японского театра” и мн. др.), переводы пьес (О. Уайльд, Г. Гауптман, Г. Ибсен, А. Стриндберг, Х. Гофмансталь, А. Мюссе и др.), исторические очерки и статьи по истории театра, обзоры современных культурных событий, эссе (“Драматург-парижанин. Мельяк”, “Письмо о Венской театрально-музыкальной выставке”, “Театр и масонство”, “Родословная Ротшильдов”, “Русский театр и царствование дома Романовых”,

“Мейнингейцы” (по А.В. Грубе), “Фламарион. Психологические загадки и область неведомого”, “История костюма”, “Психология моды”, “Театр будущего” (по Г. Фуку), “Королева шведская Христиана”, “Конференция о мире, предсказанная голландским романистом (Людвигом Койперусом)”, “Княгиня Доротея Ливен”, ...), биографии артистов в Русском Биографическом словаре и в Словаре фирмы “Деятель” и многие другие».

Многие из этих публикаций считаются единственными источниками, по которым можно составить представления о тех или иных театральных явлениях времени, и все они не переиздавались. Одна из причин практически полного забвения наследия В.П. Лачинова связана с тем, что большинство своих публикаций он сделал в периодике, которая после 1917 г. стала недоступной: «Живописное образование», «Новое время», «Солнце России», «Зритель», «Русские ведомости», «Русский инвалид», «Вестник иностранной литературы» (в этом журнале больше всего его публикаций), «Журнал театра Литературно-художественного общества», «Ежегодник Императорских театров», «Обозрение театров», «Библиотека театра и искусства», «Театральная Россия», «Русская старина», «Театр и Искусство». Единичные переводы и труды печатались в издательствах Пантелеева, Санина, Корецкого («Детский театр»), Циммермана, Бергера, Бутковской, в «Сатириконе», «Сфинксе», несколько статей в Энциклопедии театра и искусства и в вышеупомянутом словаре фирмы «Деятель».

Полагаем, что все это уникальное творческое наследие В.П. Лачинова необходимо сохранить и передать будущим поколениям, путем оцифровки и размещения в одном из электронных архивов открытого доступа или на интернет-портале. Отметим, что труд В.П. Лачинова «Искусство мимики», отмеченный в Википедии как статья, оказался книгой на 225 страницах с 232 рисунками, изданной в 1909 г. [19]. Эта книга оцифрована, индексирована Google и размещена в Интернете¹.

Поражает пренебрежительное отношение к деятельности В.П. Лачинова и к нему самому со стороны его современников, с которыми он работал. В статье о нем в Википедии об этом написано следующим образом: «В.Э. Мейрхольд (много лет В.П. Лачинов – его консультант),

¹ www.knigafund.ru/books/126980/read#page4 (date of access: October 18, 2015).

В.Ф. Комиссаржевская (1905 – В.П. Лачинов актер, переводчик, секретарь “кружка самопомощи” ее театра), Н.Н. Евреинов и др., используя знания и литературный дар В.П. Лачинова – кто, понимая его потребность в живом “материале”, а кто словно “из снисхождения” – включали в свои постановки. В юбилейном издании Театра Суворина В.П. Лачинов, несмотря на давнюю службу в труппе, упомянут только как переводчик. Но и эта деятельность, как известно, редко случается благодарной. Когда пишут о наделавшей шуму своим выходом в 1911 г. книге “Нагота на сцене”, редко вспоминают В.П. Лачинова, тем не менее, три четверти этого издания, включая статью его авторства, – обязаны Владимиру Павловичу Лачинову¹. Что касается последней книги, которая представляет собой иллюстрированный сборник статей, то в примечании к статье о В.П. Лачинове в Википедии сказано, что из 128 страниц текста 85 – его переводы и статья «Культ наготы».

О бедственной жизни В.П. Лачинова после революции мы узнаем из его писем (с 1915 г.) адресованных секретарю Союза драматических и музыкальных писателей Борису Ильичу Бентовину, драматургу и критику, известному своими публикациями под псевдонимом «Импрессионист». Письма хранятся в фонде архива названного союза. Для нас большой интерес представляют впечатления В.П. Лачинова по приезде в сентябре 1925 г. в Харьков, где он, похоже, и скончался после апреля 1929 г., как отмечено в словарной статье. Как мы знаем, он числился в штате ХМДИ в 1929 г. (табл. 10), а в 1930 – отсутствовал (табл. 11). Итак, он пишет в сентябре 1925 г.: «...наконец очутился в Харькове и служу в Госдеттеатре, где режиссирует Глаголин русскими пьесами, а для украинских другой режиссер. Придется играть по-украински». Октябрь 1925 г., Харьков: «Я устроился, благодаря Б.С. Глаголину... Здесь играют порядочные актеры, и некоторые пьесы ставит Глаголин. Только очень мизерное жалование... Все-таки я рад, что могу побыть на одном месте в большом городе. Беда, что приходится играть большей частью по-украински...» (С 1926 г. Б.С. Глаголин с театром И. Франко уезжает в Киев, далее в эмиграцию.) Ноябрь 1925 г.,

Харьков: «Приходится играть и по-украински и по-русски. Вообще украинизация сильная».

Август 1926 г., Харьков: «...На положении безработного, хотя играю иногда, но приходится довольно туго».

Июль 1927 г., Харьков: «...Зимой кое-как добываю себе на пропитание в Муздраминституте, но летом все прекращается и приходится плохо. Литературная работа здесь может быть только на украинском языке, а писать по-украински я еще не могу».

Июль 1928 г., Харьков: «... Я теперь живу уроками – очень плохо»;

Апрель 1929 г., Харьков: «Многоуважаемый Борис Ильич. Будьте добры, вышлите мне авторские, если они есть... Я – теперь инвалид труда и получаю пенсию. Собираюсь переехать в Севастополь – на покой. Но это не раньше середины мая. Жму Вашу руку. Вл. Лачинов».

На этом письма, которые можно рассматривать как нерегулярный дневник, о чем сказано в статье Википедии, обрывается. Интересно выяснить, успел ли В.П. Лачинов выехать в Севастополь или остался в Харькове и там умер. Смеем предположить, что если бы не бедственное положение этой неординарной личности после революции, – например, в случае его эмиграции и при хорошем стечении обстоятельств (не все талантливые люди смогли сделать карьеру в эмиграции), – мы бы имели в его лице творческую личность масштаба А.Н. Бенуа.

Заметной фигурой на поприще отечественного литературоведения и книговедения была М.О. Габель, которую мы видим в штате ХМДИ в 1929 г. в качестве преподавателя истории литературы (табл. 10). В работе [22] приведены следующие сведения о ее деятельности: «Поиск и экспертизы книжных памятников в фондах ХГНБ им. В.Г. Короленко и за его пределами, работа по сохранению коллекций была возобновлена в 1930-е годы по инициативе Маргариты Орестовны Габель (1893–1981), известного украинского ученого-литературоведа и библиографа, дочери одного из ведущих сотрудников ХГБ О.М. Габеля. В январе 1934 г. она возглавила книговедческую группу отдела сбережения фондов. В 1934–1936 гг. ее поисковая работа сопровождалась научным описанием выявленных памятников. Постоянными научными консультантами книговедческой группы, а позднее соответствующего отдела были Александр Иванович Белецкий – крупный украинский ученый-филолог XX в., учитель М.О. Габель, и

¹
https://ru.wikipedia.org/wiki/Лачинов,_Владимир_Павлович
(date of access: October 16, 2015).

Исаак Яковлевич Каганов – известный отечественный ученый-книговед и литературовед. Отметим, что профессора А.И. Белецкого мы видим в штате ХМДИ в 1929-1930 гг. в качестве преподавателя истории театра (табл. 10–12). Далее в работе [22] отмечается, что О.М. Габель в 1940 г. защитила кандидатскую диссертацию по филологии, а в августе 1949 г., во время «борьбы с безродными космополитами», она, как полька по происхождению и дочь «австрийского подданного», вынуждена была оставить работу в ХГБ по собственному желанию. Она была уволена из Харьковского политехнического института, где она обвинялась в пропаганде «буржуазно эстетической методологии». С 1949 г. с нее сняли обвинения, но дальнейшую научно-педагогическую работу она связала с Харьковским государственным библиотечным институтам.

Наибольшее количество научных трудов М.О. Габель, судя по нашему интернет-поиску, посвящено анализу творчества И.С. Тургенева¹, при этом три работы из перечисленных цитировались в диссертации Л.К. Пановой², две

работы в диссертации О.В. Дедюхиной³, четыре работы в диссертации Н.Н. Постниковой⁴. Работа М.О. Габель «Изображение внешности лиц» вошла в труды А.И. Белецкого⁵, при этом раннее издание этой работы вошло в аннотированную библиографию по теории литературы С. Балухатыя⁶, а более позднее цитировалось в диссертации М.Н. Жорниковой⁷. Помимо этого, известны труды М.О. Габель, посвященные былинному эпосу⁸, при этом последний труд, опубликованный в «Научных записках научно-исследовательской кафедры истории украинской культуры» (Харьков, 1927), цитировался в учебном пособии Б.В. Томашевского по теории литературы⁹.

В капитальном труде Института литературы им. Т.Г. Шевченко НАН Украины по литературному источниковедению дается описание фонда № 162 этого института (ед. хр. 5875, 1853-1997 гг.) [32]. Относительно научного руководителя М.О. Габель в нем приведены следующие сведения: «Белецкий Александр Иванович (1884–1961), украинский и российский литературовед, академик АН УССР с 1939 г., АН СССР с 1958 г., заслуженный деятель науки УССР. Возглавлял в 1939–1941 гг., с 1944 г. до конца жизни Институт литературы им. Т.Г. Шевченко АН СССР, и. о. вице-президента АН УССР (1946–1948 гг.), член

¹ Битюгова И.А., Габель М.О. Реальный комментарий к роману И. С. Тургенева «Рудин» // И.С. Тургенев. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. 5, М., 1980. С. 490-498; Габель М.О. «Дневник лишнего человека» (Об авторской оценке героя) // Тургеневский сб.: Мат-лы к полн. собр. соч. и писем И.С. Тургенева. М., 1966. С. 118-126; Она же. «После торжествующей любви» (опыт анализа) // Творческий путь Тургенева. Пг., 1923. С. 202-225; Она же. «Три встречи» Тургенева и русская повесть 30-40-х гг. XIX века // Русский романтизм. Л., 1927. С. 115-150; Она же. И. С. Тургенев в борьбе со славянофильством в 40-х годах и поэма «Помещик» // Уч. зап. Харьк. гос. библиотеч. ин-та, 1962. Вып. 6. С. 119-144; Она же. Из истории литературной борьбы вокруг «Записок охотника» в 1852 году // Межвуз. Тургеневский сб. Курск, 1975. С. 125-132; Она же. Роман И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» в общественно-политической и литературной борьбе конца 50-х годов // Уч. зап. Харьк. библиотеч. инст., 1956. Вып. 2. С. 199-246; Она же. Творческая история романа «Рудин» // Литературное наследство. Т. 76. М., 1967. С. 9-70; Она же. «Рудин». Из истории борьбы вокруг романа (Чернышевский и Тургенев) // Тургеневский сборник: мат-лы к полн. собр. соч. и писем И.С. Тургенева. Л., 1967. Вып. 3. С. 77-83; Габель М.О., Измайлов Н.В. Историко-литературный комментарий к роману И.С. Тургенева «Рудин» // И.С. Тургенев. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. 5., 1980. С. 463-490.

² Панова, Л.К. П. В. Анненков – критик И. С. Тургенева. Дис. ... канд. филолог. наук, 10.01.01. Махачкала, 1984.

³ Дедюхина, О.В. Сны и видения в повестях и рассказах И. С. Тургенева: проблемы мировоззрения и поэтики. Дис. ... канд. филолог. наук, 10.01.01. М., 2006.

⁴ Постникова, Н.Н. Тема Германии в романах И. С. Тургенева. Дис. ... канд. филолог. наук, 10.01.01. Вологда, 2007.

⁵ Габель М.О. Изображение внешности лиц // Белецкий А.И. Избранные труды по теории литературы. М., 1964. С. 149-167; Габель М.О. Изображение внешности лиц // А.И. Белецкий. В мастерской художника слова. Гл. IV // Вопросы теории и психологии творчества. 1923. Том VIII. С. 190-212.

⁶ Балухатый С. Теория литературы. Аннотированная библиография. I. Общие вопросы. Изд-во. «Прибой», 1929.

⁷ Жорникова М. Н. Поэтика портрета в русской романтической повести 1830-х гг. Автореф. дис. ... канд. филолог. наук, 10.01.01. Улан-Удэ, 2004.

⁸ Габель М.О. К вопросу о технике русского былинного эпоса. Форма былинного действия // Науч. зап. науч.-иссл. кафедры истории европейской культуры. Харьков, 1927. Вып. 2. С. 49-63; Она же. Форма диалога в былинном эпосе // Наукові зап. наук. – досл. катедри історії української культури. 1927. № 6. С. 315-328.

⁹ Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика: учебн. пособие. М., 1999.

Президиума АН УССР (1948–1952 гг.), главный редактор журнала «Советское литературоведение» со дня его основания – 1957 г.»

Сведения о Григории Степановиче Гармаше (22.01.1900, село Будища, Полтавская область – ?), которого мы видим в штате ХМДИ в 1930 г. (см. табл. 11) в качестве преподавателя инструкторско-педагогического факультета, приведены на сайте Саратовской консерватории (www.sarcons.ru). В статье С.В. Волошко на этом сайте написано, что Г.С. Гармаш в 1928 г. закончил Харьковский музыкально-театральный институт по классу теории музыки профессора С.С. Богатырева. Началу его работы в Саратове предшествовала многолетняя педагогическая деятельность в Харькове, Ашхабаде, Баку, Москве. Он принимал участие в реорганизации Львовской консерватории. С 1951 по 1956 год являлся преподавателем истории музыки в Саратовской государственной консерватории им. Л.В. Собинова. На сайте этой консерватории размещена кандидатская диссертация Н.В. Чанбы [36], выполненная в Российской академии музыки имени Гнесиных. В ней приведена ссылка на кандидатскую диссертацию Г.С. Гармаша, которая была посвящена основам хорового изложения и аранжировки и защищена в 1949 г. в Москве¹. Кандидатская диссертация по аналогичной теме была выполнена О.В. Девуцким в Российской академии музыки имени Гнесиных и защищена в 2006 г. в Саратовской государственной консерватории имени Л.В. Собинова². В обеих диссертациях, защищенных в этой консерватории, отдается дань ее педагогу Г.С. Гармашу, преподававшему в ней в 50-е годы XX в. и внесшему значительный вклад в разработку теоретических основ хорового изложения и аранжировки. В статье Т.Ф. Малышевой, опубликованной в газете Саратовской государственной консерватории «Камертон», отмечается, что Г.С. Гармаш преподавал историю музыки на одноименной кафедре с 1951 по 1956 год [23].

Сведения о пианисте Антоне Ивановиче Рудницком (1902–1975), которого мы видим в штате ХМДИ в 1929–1930 гг. (см. табл. 10, 11), можно почерпнуть в статье Н.П. Гуральник,

посвященной развитию украинской фортепианной школы в XX в. [8]. В ней отмечено, что украинский пианист, композитор, дирижер и музыковед А.И. Рудницкий получил музыкальное образование до 1926 г. в Львовской консерватории (класс фортепиано В. Курца и Е. Ляличева) и Высшей музыкальной школе в Берлине (класс фортепиано Э. Петри).

В штате ХМДИ в 1930 г. (см. табл. 11) мы видим Рувима Лазаревича Розенфельда (правильно: Розенфельдт. – В.М.), который опубликовал большое количество трудов историко-археологического характера³. Он являлся одним из ведущих советских археологов второй половины XX в., и на запрос его фамилии Google дает около трех тысяч ссылок с показом около 300 основных.

Подробные сведения о профессоре психологии Захарии Ивановиче Чучмареве (табл. 11) даются в воспоминаниях К.К. Платонова [27]. Он пишет: «Это была своеобразная личность, промелькнувшая в истории отечественной психологии и вызывавшая у каждого сталкивающегося с ним невольное чувство раздражения и двойственную оценку – творческого, но крайне тяжелого в общении человека. Возможно, это был результат нелегкого детства и юности. Вот некоторые данные из его биографии. Родился в Луганске в 1888 г. и, работая с отроческих лет рабочим на заводе, сумел экстерном окончить гимназию, а затем в 1916 г. – и Московский университет. В университете им руководил К.Н. Корнилов, имя которого Захар Иванович всегда высоко ценил. При организации в 1921 г. УПНИ А.И. Гейманович пригласил З.И. Чучмарева заведовать психофизиологической лабораторией Украинского психоневрологического института. Захару Ивановичу Чучмареву, а точнее его жене Варваре Александровне Лавровой, я обязан усвоенной мною уже в те годы

¹ Гармаш Г.С. Основы хорового изложения и аранжировки. Дис. ... канд. искусствоведения. М., 1949.

² Девуцкий О. В. Теоретические аспекты искусства хоровой аранжировки. Дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.02, М., 2006.

³ Розенфельдт Р.Л. К вопросу о начале Москвы // Советская археология. 1957. № 4. С. 93–98; Он же. Московское керамическое производство 12–18 вв. М.: Наука, 1968; Он же. О производстве и датировке овручевских пряслиц // Советская археология. 1964. № 4. С. 233; Он же. Русские замки домонгольского времени // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1953. Вып. 49. С. 32–38; Он же. Финно-угры и балты в эпоху Средневековья // Серия: Археология СССР. Гл. 3. Прикамские финны. М., 1987. С. 116–162; Он же. Янтарь на Руси (X–XIII вв.) // Проблемы советской археологии. М., 1978. С. 197–208.

экспериментально-психологической техникой. Оба они владели ею отлично, но Варвара Александровна была вдумчивой, хорошо подготовленной по психологии, тактичной и высококультурной женщиной, тогда как Захар Иванович был взрывчатым клиническим психопатом! Забегая вперед, скажу, что я ушел от него в 1928 г., убедившись в его научной недобросовестности...». К.К. Платонов в своих воспоминаниях пишет, что З.И. Чучмарев переехал из Харькова в Москву (Пединститут им. Н.К. Крупской) в 1929 г., хотя мы видим его в штате ХМДИ в 1930 г. (табл. 11).

В штате ХМДИ в 1929-30 гг. (табл. 10, 11, 13) состоял Федор Демьянович Пущенко. Он преподавал немецкий язык и итальянскую литературу (см. табл. 10). В книге «Реабилитированные историей. Харьковская область» о нем можно прочесть следующие сведения: «Пущенко Федор Демьянович, род. в 1879 г. в г. Чугуеве, Змеевского уезда Харьковской губернии. Украинец, из дворян, высшее образование, беспартийный. Проживал в Харькове. Преподаватель Музыкально-театрального института. Арестован 7 декабря 1933 г., как член украинской контр-революционной организации, за шпионскую деятельность на пользу японской разведки и по решению судовой тройки при коллегии ГПУ УССР от 31 мая 1934 г. посажен в ИТЛ на 5 лет. Срок осуждения отбывал в 8-м отделении Белбалтлагеря НКВД. Реабилитирован 4 сентября 1989 г.» [30, с. 322].

Краткое упоминание о преподавателе-скрипаче 1-й ГМПШ Ароне Михайловиче Консистоуме (см. табл. 9, 13) мы находим в статье Л.П. Сольской, размещенной на сайте Детской музыкальной школы искусств города Южноуральска и посвященной ее педагогу Георгию Георгиевичу Струве. Она пишет, что «большой опыт аккомпанемента Георгий получил в классе старейшего преподавателя скрипки Арона Михайловича Консистоума» [31]. Здесь речь идет о конце 20-х годов XX в., когда А.М. Консистоум преподавал в 1-й ГМПШ (табл. 9, 13). Кроме того, Л.П. Сольская упоминает еще одного харьковского музыканта, оказавшего большое влияние на Г.Г. Струве. Она пишет: «Среди людей, оказавших большое влияние на Георгия, был замечательный музыкант, исполнитель, интеллектуал Максимилиан Густавович Пильстрем. Он был человеком энциклопедических знаний и очень много полезного дал своему ученику и в

интеллектуальном и в музыкальном отношении» [31].

О преподавателе-скрипаче Плехановского филиала 1-й ГМПШ (см. табл. 9, 13) Букиннике И.Е. можно прочитать в Википедии: «Букиник Исаак Евсеевич (1867, Харьков – 1942, Харьков) – украинский скрипач, брат Михаила Букиника. Окончил Музыкальное училище ХО РМО в 1887 г. Преподавал музыку в Сумской гимназии, не теряя связи с Харьковом: так, по случаю приезда П.И. Чайковского в Харьков в 1893 г. был вызван для участия в оркестре, оставил о визите Чайковского подробные воспоминания. Затем открыл в Харькове частную музыкальную школу. После 1895 г. постоянный участник струнного квартета ХО РМО под руководством Константина Горского (играл партию второй скрипки или альты). В Харькове он открыл и скрипичную школу, которая просуществовала до 1917 г. С 1918 г. преподавал в Харьковской консерватории, опубликовал методику обучения игры на скрипке. Написал биографический очерк о Илье Слатине (СПб, 1896). Во время немецкой оккупации Харькова, в период Второй мировой войны, был арестован как еврей и убит в Дробицком яру». В этой статье приведены и литературные источники¹.

Отметим, что И.Е. Букиник был последним преподавателем из списка табл. 13, по которым имелись сведения в Интернете на конец января 2015 г. В целом, по материалам справочно-адресных книг «Весь Харьков» за 1910, 1914, 1917, 1922, 1925, 1926, 1929 и 1930 гг. было идентифицировано 220 руководителей и преподавателей Харьковских музыкальных учебных заведений (см. табл. 12, 13).

Заключение

По материалам справочно-адресных книг «Весь Харьков» построены таблицы административного и преподавательского состава Музыкального училища за 1910, 1914 и 1917 гг., а также адресов проживания слушающих и преподавателей этого училища в 1914 г. Показано, что места их проживания тяготели к месту работы. На основе этих же данных идентифицированы музыкальные школы, курсы, классы и частные преподаватели музыки за 1914 и 1917 гг. Их анализ показал, что наиболее

¹ Берлин В. Харьковчанин... Музыкант... Страдалец // Дайджест Е. Харьков, 2002. № 9(38); Букиник И.Е. Концерты П. И. Чайковского в Харькове // Воспоминания о П. И. Чайковском. М., 1973. С. 341-354.

крупной частной школой в Харькове была школа музыки А.Ю. Иентш, в которой преподавал один из лучших дореволюционных харьковских скрипачей, К.К. Горский, биография которого вошла в «Музыкальную энциклопедию в 6-ти томах» и в «Музыкальный энциклопедический словарь». Сравнительный анализ данных адресно-справочных книг «Весь Харьков» показал, что после революции широкая сеть музыкальных школ, курсов, классов и частных преподавателей сходится на нет, но зато начинают формироваться высшие музыкальные учебные заведения. Одно из них – Харьковская консерватория во главе с И.И. Слатиным – было создано на площадях музыкального училища (ул. Екатеринославская, 30) а другое – Государственная консерватория во главе с профессором А.Б. Гельфгатом (1922) – было создано на площадях школы А.Ю. Иентш (ул. Пушкинская, 66).

Составлена таблица административного и преподавательского состава Государственной народной консерватории за 1922 г.; составить таблицу для Харьковской консерватории не удалось из-за отсутствия данных. В 1925-26 гг. эти консерватории имели уже другие названия. Первая преобразована в Харьковские государственные высшие музыкально-драматические курсы, а вторая – в Харьковский государственный музыкально-драматический институт. Составлены и проанализированы четыре таблицы штатного персонала этих учебных заведений за 1925-26 гг. Несмотря на то, что ряд ведущих педагогов работали одновременно в обоих высших музыкальных учебных заведениях (Луценко П.К., Ландесман Н.Б., Фанненштиль Ф.Е., Пильстрем М.Г., Добржинец И.В. и Богатырев С.С.), в целом, штаты обоих заведений достаточно сильно различались.

Из состава ГНК 1922 г. в ХГВМДК в 1925-26 гг. продолжали работать Гольдфельд В.М., Пильстрем М.Г., Панфилов И.С., Хлебников Н.А. и Максанин К.А.

В научной литературе отсутствуют какие-либо сведения о деятельности ХГВМДК, а сведения о ГНК нам удалось почерпнуть только в статье Н.А. Пироговой [26].

На основе адресно-справочной книги «Весь Харьков» за 1929 г. нами составлены и проанализированы таблицы административных и преподавательских составов 1-ой ГМПШ и ХМДИ. Кроме того, построена таблица штатного состава ХМДИ за 1930 г.

Данные по штатному составу всех таблиц за период с 1914 по 1930 год были сведены в одну сводную таблицу с указанием частоты упоминаний руководителей и преподавателей музыкальных учебных заведений, подсчитанной нами на основе именного указателя монографии по истории ХИИ. Кроме того, в этой таблице поставлены даты жизни руководителей и преподавателей, для которых удалось их отыскать. Здесь большим подарком для музыковедов является дата смерти Р.В. Геники, недавно обнаруженная профессором Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета С.В. Волковым.

Составлен сводный табличный перечень руководителей и преподавателей харьковских музыкальных учебных заведений, не вошедших в именную указатель монографии по истории ХИИ. Их оказалось 126 человек. С помощью глубокого поиска в Google удалось собрать сведения о 25 персонах. В целом, было идентифицировано 220 руководителей и преподавателей харьковских музыкальных учебных заведений.

Дополнительно, с помощью справочно-адресной книги «Весь Харьков» за 1937 г. и Списков абонентов харьковской телефонной сети за 1934-1937 и 1940 гг. удалось проследить расположение и смену наименований харьковских музыкальных учебных заведений за этот период.

Проделан обзор печатных материалов из краеведческого каталога отдела «Украиника» ХГНБ им. В.Г. Короленко, посвященных ХМДИ. Показано, что обзоры деятельности этого института печатались в журнале «Новое мистецтво». Особый интерес представляют беседы и интервью с ректорами ХМДИ С.П. Дремцовым, Д.Я. Грудиной и воспоминания студента ХМДИ 20-х годов XX в. В.А. Богдановича.

Литература

1. Антонов, В. «Тоска по родине». Черная кошка в темной комнате [Электронный ресурс] // Люди и песни в журнале Солнечный ветер. Апрель-июнь 2011 г. URL: <http://www.vilavi.ru/pes/toska/heimweh1.shtml> (дата обращения: 15.07.2015).
2. Богданович, В.А. Харківський муздрамін у спогадах студента 20-х років // Музична Харківщина. Збірник наукових праць колективу авторів Харківського інституту мистецтв ім. І.П. Котляревського / Упорядники: проф. Калашник П.П., Очеретовська Н.Л., 1922. С. 222-236.
3. Бондарчук, С.К. «Молодий театр». Чому я взявся за перо?; Лесь Курбас; Наш перший сезон;

«Йоля» Ежи Жулавського; «Цар Едіп» Софокла; «У пущі» Лесі Українки; «Горе брехунов» Ф. Грільпарцера; «Різдва́ний вертеп»; «Шевченкова вистава» // Молодий театр Генеза. Завдання. Шляхи / Упоряд., авт. вступ. ст. М.Г. Лабінський. К.: Мистецтво, 1999. С. 112-166.

4. Вареник, Н. Тупик Нейгауза [Електронний ресурс] // Новый берег. 2008. № 21 URL: <http://magazines.russ.ru/bereg/2008/21/va30.html> (дата обращения: 15.07.2015).

5. Видатний митець ХХ століття: (До 120-річчя від народж. Леся Курбаса): Біобібліогр. інформ. посіб. / Упр. культури і туризму Харк. облдержадмін, Харк. обл. універ. наук. б-ка; Уклад.: Г.М. Ерофеева, Л.О. Сашкова, Л.М. Федотова, Ю.Ю. Казанцева. Харків, 2007. 72 с.

6. Гельфгат, А.Б. 1904. Грезы [ноты]: Музыка [для скрипки и фп.] / Сочинение А.Б. Гельфгата // Сводный электронный каталог системы корпоративной каталогизации: unacad.neb.bg (система разработана Объединенным институтом проблем информатики НАН Беларуси).

7. Грудина, Д. Державний музично-драматичний інститут у Харкові // Нове мистецтво, 1927. № 8. С. 8-10.

8. Гуральник, Н.П. Развитие украинской фортепианной школы в XX ст. Музыкально-просветительские традиции и методические ориентиры // Ars inter Culturas. 2013. № 2. С. 43-59.

9. Дмитрова, Л. 3 історії всесвітнього театру: підручна книга. К.: Держвидав України, 1929. 474 с.

10. Днепров Митрофан Иванович [Електронний ресурс] // Календарь знаменательных и памятных дат Липецкого края на 2011 г. URL: <http://pandia.ru/text/77/337/67341-2.php> (дата обращения: 15.07.2015).

11. Днепров, М.И. Полвека в оперетте / Предисл. Л.В. Никулина. М.: Искусство, 1961. 168 с.

12. Дрейзлер, М. С признательностью к наставнику [Електронний ресурс] // Александр Львович Соковнин. November 2nd, 2013, URL: <http://dem-2011.livejournal.com/144977.html> (дата обращения: 15.07.2015).

13. Дубина, А.С., Бройтман, Л.И. Моховая улица. СПб.: «Центрполиграф», 2004. 346 с.

14. Жданов, И.В. Роль общественно-педагогического движения в становлении и развитии музыкального образования в России во второй половине XIX – начале XX в. Дис.... канд. пед. наук, 13.00.01. Саранск, 2003. 238 с.

15. Зуева, М. «Первые шаги» гениального композитора [Електронний ресурс] // Курская правда, 2014. 9 октября. № 122. URL: <http://www.kpravda.ru/article/culture/030378> (дата обращения: 15.07.2015).

16. К 80-летию Анатолия Кальварского [Електронний ресурс] // Северная звезда. 3 Ноября 2014. URL: http://nstar-spb.ru/news/culture/k_80_letiyu_anatoliya_kalvarского/

(дата обращения: 15.07.2015)

17. Куделко, С.М., Посохов, С.И. Дар Харьковскому университету [Електронний ресурс] // 4 Сумцовські читання: Конференція, присвячена 135-річчю з дня народження Є. К. Редіна. Харків, 1998. URL: <http://museum.kh.ua/academic/sumtsov-conference/1998/article.html?n=4944> (дата обращения: 15.07.2015).

18. Купферова, Е. Чеська артистка про театр на Радянській Україні: інтерв'ю з балериною Ервіною Купферовою // Наша земля. Ужгород, 1928. 25 серп. С. 19-20.

19. Лачинов, В.П. Искусство мимики. Том 1 / Энциклопедия сценического самообразования. СПб.: Издание журнала «Театр и искусство», 1909. 225 с.

20. Ленинградская консерватория в воспоминаниях: в 2 кн. / Под общ. ред. д-ра искусствоведения, проф. Г. Г. Тигранова, редкол.: Э.С. Барутчева и др. Изд. 2-е, доп. Л.: Музыка, 1987-1988.

21. Лесь Курбас: «Поворот до Європи і до самих себе»: бібліогр. покажч. / Терноп. обл. універс. наук. б-ка, Нац. центр. театр. мистецтва ім. Леся Курбаса; уклад. Л. Оленіч; авт. вступ. ст. Г. Веселовська. Тернополь, 2012. 288 с.

22. Лосієвський, І.Я., Шоломова, С.Б., Грабарчук, О.Л. Діяльність Харківської державної наукової бібліотеки ім. В. Г. Короленка з формування, збереження та розкриття колекцій пам'яток писемності та друку: історія, традиції, новачі // Збірник наукових праць. Вып. 6 / Харк. держ. наук. б-ка ім. В. Г. Короленка. Харків, 2012. С. 88-113.

23. Малышева, Т.Ф. Кафедра истории музыки // Камертон. 2012. № 41 (55). С. 11-15.

24. Московкин, В.М. Неизвестный Семен Кузнец: учеба в Харькове // Universitates: наука и просвещение. 2010. № 1 (40). С. 52-65.

25. Некрасова, Л.К. Из опыта вокального педагога // Вопросы вокальной педагогики. Вып. 1. М.: Музгиз, 1962. С. 30-50.

26. Пирогова, Н.А. К истории музыкальной жизни Харькова (1917-1918 гг.) // Вопросы искусствознания (Научные и методические работы ХИИ), 1969. Вып. 1. С. 99-114.

27. Платонов, К.К. Мои личные встречи на великой дороге жизни (Воспоминания старого психолога) / Под ред. А.Д. Глоточкина, А.Л. Журавлева, В.А. Кольцовой, В.Н. Лоскутова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. 310 с.

28. Полякова, Ю.Ю. Сценическая студия П.И. Ильина в Харькове // Культурна спадщина Слобожанщини. Культура і мистецтво. Харків, 2007. № 6. С. 89-103.

29. Пожуровский, Б.М. Менес Е. А. [Електронний ресурс] // Энциклопедия циркового и эстрадного искусства. URL: <http://www.ruscircus.ru/encyc?func=text&sellet=%CC&seIword=2332> (дата обращения: 15.07.2015).

30. Реабілітовані історією. Харківська область:

[Электронный ресурс] Кн. 1. Ч. 2. / Редакционно-издательская группа Харківського тому серії «Реабілітовані історією». К.; Х.: Оригінал, 2008. 800 с. URL: <http://www.reabit.org.ua/files/store/Xark.1.2..pdf> (дата обращения: 15.07.2015).

31. Сольская, Л.П. Георгий Георгиевич Струве. К моему учителю [Электронный ресурс] // Сайт Детской школы искусств города Южноуральска. URL: <http://www.uralschool74.com/школа/история/г-г-струве/> (дата обращения: 15.07.2015).

32. Спадщина: Літературне джерелознавство. Текстологія / Інститут літератури ім. Т. Г. Шевченка НАН України. Т. 4. К.: ПЦ «Фоліант», 2009. 398 с.

33. Стравинский, И. Переписка с русскими корреспондентами: Материалы к биографии. Т. 3. 1923–1939. М.: Изд. об-ие «Композитор», 2003. 942 с.

34. Тихомирова, Т.В. Улица Октябрьской революции (бывшая Большая Москалевская) // Слобода (Харьков). 1994. 2 ноября.

35. Харьковский институт искусств имени И. П. Котляревского. 1917-1992. / Под ред. П.П. Калашникова. Харьков: Изд. ХИИ, 1992. 445 с.

36. Чанба, Н.В. Героическая хоровая песня абхазов. Дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.02, М., 2014. 208 с.

37. Юбилейный буклет Курского музыкального колледжа имени Г.В. Свиридова. 2014. Курск. 80 с.

References

1. Antonov, V. «Homesickness» [«Toska po rodine»]. Black Cat in a Dark Room. [Online] *People and Songs in the Journal «Solar Wind»*. April-June 2011. URL: <http://www.vilavi.ru/pes/toska/heimweh1.shtml> (date of access: July 15, 2015).

2. Bogdanovich, V. A. Kharkov Institute of Music and Drama in the Memories of Student of 20^s. *Muzichna Kharkivschina*. Kharkiv. 1922. Pp. 222-236.

3. Bondarchuk, S. K. «Young Theater». Why I Took up the Pen?; Les Kurbas; Our First Season; «Jolya» by Jerzy Zhulavsky; «King Edip» by Sophocles; «In the Forest» by Lesya Ukrainka; «Woe of Fibbers» by F. Hrilpartser; «Christmas Nativity Scene»; «Shevchenko's Dramatics». *Young Theatre. Genesis. Task. Way*. Kiev: Mistetstvo. 1999. Pp. 112-166.

4. Varenik, N. Neuhaus's Deadlock. *Novy Bereg*. No. 21 (2008). URL: <http://magazines.russ.ru/bereg/2008/21/va30.html> (date of access: July 15, 2015).

5. *An Outstanding Artist of the Twentieth Century: (To the 120th Anniversary of Kurbas Birthday): The Bio-Bibliographical Information Kit*. Kharkiv. 2007. 72 p.

6. Gelfgat, A. B. 1904. Dreams [Notes]: Music [for Violin and Piano]. *Consolidated Corporate Electronic Cataloging System Directory*: unacad.neb.bg

7. Grudina, D. State Musical Drama Institute in Kharkiv. *Nove mistetstvo*. No. 8 (1927). Pp. 8-10.

8. Gural'nik, N. P. The Development of Ukrainian Piano School in the Twentieth Century. Musical and Educational Traditions and the Methodological Guidelines.

Ars inter Culturas. No. 2 (2013). Pp. 43-59.

9. Dmitrova, L. *From the History of World Theater: Handbook*. Kiev: Derzhvidav Ukrainy, 1929. 474 p.

10. Dneprov Mitrofan Ivanovich [Online] *The Calendar of Significant and Memorable Dates of Lipetsk Edge in 2011*. URL: <http://pandia.ru/text/77/337/67341-2.php> (date of access: July 15, 2015).

11. Dneprov, M. I. *Half a Century in the Operetta*. Moscow: Iskusstvo. 1961. 168 p.

12. Dreizler, M. With the Appreciation of the Mentor [Online] *Aleksandar Sokovnin*. November 2nd, 2013. URL: <http://dem-2011.livejournal.com/144977.html> (date of access: July 15, 2015).

13. Dubina, A. S. and Broymant, L. I. *Mokhovaya Street*. St. Petersburg: «Tsentropoligraf». 2004. 346 p.

14. Zhdanov, I. V. *The Role of the Socio-Pedagogical Movement in the Development of Music Education in Russia in the Second Half of XIX – Early XX Century*. Diss. ... Cand. of Ped. Sciences. Saransk. 2003. 238 p.

15. Zueva, M. «First Steps» by the Genius Composer [Online] *Kurskaya Pravda*. No. 122. October 9, 2014. URL: <http://www.kpravda.ru/article/culture/030378> (date of access: July 15, 2015).

16. On the 80th Anniversary of Anatoly Kalvasky [Online] *Severnaya zvezda*. November 3. 2014. URL: http://nstar-spb.ru/news/culture/k_80_letiyu_anatoliya_kalvaskogo/ (date of access: July 15, 2015).

17. Kudelko, S. M. and Posokhov, S. I. Gift for Kharkiv University [Online] *The 4 Sumtsovski Readings: Conference Dedicated to the 135th Anniversary of Y. K. Redin*. Kharkiv. 1998. URL: <http://museum.kh.ua/academic/sumtsov-conference/1998/article.html?n=4944> (date of access: July 15, 2015).

18. Kupferova, E. Czech Actress about the Theater in Soviet Ukraine: an Interview with Ballerina Ervina Kupferova. *Nasha Zemlya*. Uzhgorod. September 25. 1928. Pp. 19-20.

19. Lachinov, V. P. *Mimic Art*. Vol. 1. St. Petersburg: Edition of the Magazine «Teatr i iskusstvo». 1909. 225 p.

20. *Leningrad Conservatory in the Memories*: in 2 books. 2nd ed. Leningrad: Muzyka. 1987-1988.

21. Les Kurbas: «Turning to Europe and to Ourselves»: Bibliographical Index. Ternopil. 2012. 288 p.

22. Losievsky, I. Y., Sholomova, S. B. and Grabarchuk, O. L. The Activities of the Kharkiv State Scientific Library Named after V.G. Korolenko. Formation, Preservation and Disclosure of Collections of Old and Rare Books: History, Traditions, Innovations. *Collection of Scientific Papers of Kharkiv State Scientific Library named after V.G. Korolenko*. Issue 6. Kharkiv. 2012. Pp. 88-113.

23. Malysheva, T. F. Department of Music History. *Kamerton*. No. 41(55) (2012). Pp. 11-15.

24. Moskovkin, V. M. Unknown Simon Kuznetz: Study in Kharkiv. *Universitates: nauka i prosvetshenie*. No. 1(40) (2010). Pp. 52-65.

25. Nekrasova, L. K. From the Experience of the Vocal Teacher. *Voprosy vokalnoi pedagogiki*. Issue 1. Moscow: Muzgiz. 1962. Pp. 30-50.

26. Pirogova, N. A. On the History of the Musical Life of Kharkiv (1917-1918). *Voprosy iskusstvoznaniya (Scientific and Methodical Work of the Kharkiv Institute of Arts)*. Issue 1 (1969). Pp. 99-114.

27. Platonov, K. K. *My Personal Meetings on the Great Road of Life (Memories of Old Psychologist)*. Moscow: Publishing house «The Institute of Psychology, The Russian Academy of Sciences». 2005. 310 p.

28. Polyakova, Yu. Yu. P. I. Ilyin's Scenic Studio in Kharkiv. *Cultural Heritage of Slobozhanshchina. Culture and Arts*. Kharkiv. No. 6. 2007. Pp. 89-103.

29. Poyurovsky, B. M. Menes E. A. [Online] *Encyclopedia of Circus and Variety Arts*. URL: <http://www.ruscircus.ru/encyc?func=text&sellet=%CC&selword=2332> (date of access: July 15, 2015).

30. *Rehabilitated by History. Kharkiv Region*: [Online] Book 1. Part 2. URL: <http://www.reabit.org.ua/files/store/Xark.1.2..pdf> (date of access: July 15, 2015).

31. Solskaya, L. P. Georgy Struve. To My Teacher [Online] *The Site of the Children's School of Arts in Yuzhnouralsk*.

URL: <http://www.uralschool74.com/школа/история/г-г-струве/> (date of access: July 15, 2015).

32. *Heritage: Literary Source. Textual Criticism*. Vol. 4. Kiev: «Foliant». 2009. 398 p.

33. Stravinsky, I. *Correspondence with Russians: Materials for the Biography*. Vol. 3. 1923-1939. Moscow: Ed. Association «Composer». 2003. 942 p.

34. Tikhomirova, T. V. October Revolution Street (the Former Big Moskalevsky). *Sloboda (Kharkiv)*. 1994. November 2.

35. *Kharkiv Institute of Arts Named after Kotlyarevsky. 1917–1992*. Kharkiv: Publ. by Kharkiv Institute of Arts. 1992. 445 p.

36. Chanba, N. V. *Heroic Choral Song of Abkhazians*. Dis. ... Cand. of Arts. Moscow. 2014. 208 p.

37. *A Jubilee Booklet of Kursk Music College Named after G. V. Sviridov*. Kursk. 2014. 80 p.

MISCELLANEOUS: СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ

MISCELLANEOUS: MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS

УДК 94(47).043 =161.1 (049.32) «15»

DOI: 10.18413/2408-932X-2015-1-4-70-75

Пенской В. В.

| «НА СВОЕ НА ДЕЛО ГОСУДАРЕВО И НА ЗЕМСКОЕ...»

Доктор исторических наук, профессор. Белгородский государственный национальный исследовательский университет. ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия. E-mail: penskoy@bsu.edu.ru

Аннотация

Статья представляет собой рецензию на недавно вышедшую монографию Санкт-петербургского историка В.В. Бовыкина, посвященную истории местного самоуправления в эпоху Ивана Грозного. Характеризуя монографию, автор рецензии вместе с тем высказывает свои соображения относительно особенностей процесса выстраивания отношений между «землей» и властью в середине XVI века.

Ключевые слова: Россия; реформы середина XVI века; Иван Грозный; земство; самоуправление.

Penskoy V. V.

| «FOR HIS WORK OF SOVEREIGN AND FOR LAND...»

Doctor of Historical Sciences, Professor. Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia. E-mail: penskoy@bsu.edu.ru

Abstract

The article is a review of the recently published monograph written by Vladimir Bovykin, a historian from St. Petersburg, on the history of local government in the era of Ivan the Terrible. Describing the monograph, the author of review yet expressed his own views on the features of building the relations between the «land» and the power in the middle of the XVI century.

Key words: Russia; the reforms mid.-XVI century; Ivan the Terrible; the district council; local self-government.

В отечественной, и не только, историографии, особенно в либеральной ее части, давно утвердилось мнение о том, что реформы так называемой «Избранной рады» носили ярко выраженный прогрессивный и (с подачи некоторых наиболее радикально настроенных историков и в особенности публицистов) едва ли не судьбоносный характер. Эти реформы, по мнению «радикалов», в случае их успешного завершения могли вывести Россию на европейский путь развития: «Ростки понимания государственной работы как общего дела монарха и подданных, работы “всей земли”, пробившиеся в реформах 1550-х гг., бесспорно, открывали для Руси правовую перспективу...» [8, с. 113. Ср.: 14, с. 188-191]. Однако злой волей одного человека, образ которого приобрел воистину демонический характер, свершившего «самодержавную революцию» (термин А.Л. Янова), Россия и

русское общество в своем политическом и социальном развитии были повернуты в другое, «неправильное», «азиатское», авторитарно-тираническое русло. Открывшееся было «окно возможностей» с треском захлопнулось, трагедия (с точки зрения А.Л. Янова и его единомышленников) свершилась.

Некоторое время назад в одной из статей об эпохе Ивана Грозного я привел цитату из работы отечественного историка Е.С. Корчминой, которую, хоть и сказанную по другому поводу, не откажу себе в удовольствии привести еще раз, ибо она очень созвучна тому, что было сказано в предыдущем абзаце: «Обобщения в данном случае предшествовали накоплению эмпирического материала. Между тем сформулированные тогда концепции порой продолжают восприниматься не как первое приближение к истине, а как нечто доказанное (выделено мной – В.П. Именно так – не первое

приближение к истине, а как нечто доказанное!). В результате изучение этой темы в последние десятилетия фактически остановилось, хотя в существующих работах по сути лишь поставлен круг тех вопросов, на которые ученым ещё предстоит дать ответ...» [9, с. 78]. Завершая ту статью, я отметил, что, несмотря на весь груз предрассудков и заскорузлых стереотипов, медленно, неуверенно, но пробиваются ростки нового, более взвешенного, избавляющегося шаг за шагом от излишней политизированности и ангажированности, взгляда на личность первого русского царя и его эпоху. Монография санкт-петербургского исследователя В.В. Бовыкина, «Очерки по истории местного самоуправления эпохи Ивана Грозного» [5], о которой пойдет речь дальше, как раз и представляет собой один из таких ростков.

О чем эта книга? Ответ на этот вопрос четко и недвусмысленно указан уже в аннотации к изданию: «Монография посвящена важнейшей в историографическом отношении проблеме отечественной истории – выяснению социально-политической природы Российского государства». Очевидно, что при такой трактовке предмета исследования он приобретает глобальный характер, и этот груз поднять одному исследователю чрезвычайно сложно, если вообще возможно. Осознавая это, автор исследования сужает границы поискового поля: «В фокусе исследовательского интереса – структуры общественного самоуправления, эволюция их взаимоотношений с центральной властью на протяжении XVI в.» [5, с. 2].

Итак, интересующий исследователя аспект русской истории обозначен: через изучение особенностей местного, «земского», самоуправления и его взаимодействия с Москвой выйти на более высокий уровень обобщения и охарактеризовать саму природу Русского государства эпохи позднего Средневековья – раннего Нового времени. Задача, что и говорить, поставлена сложнейшая и вместе с тем преинтереснейшая, ибо, если она будет решена более или менее удовлетворительным образом, то это так или иначе неизбежно приведет к переоценке многих устоявшихся, – нет, лучше – устойчивых, базовых стереотипов восприятия русской действительности давно ушедшей эпохи. И это не считая потенциальной возможности найти ответы на целый ряд «проклятых» вопросов русской истории (хотя бы на вынесенный в начало этой статьи вопрос о «самодержавной революции», свершенной якобы Иваном Грозным в начале 60-х гг. XVI в.). По

одной только этой причине появление такой работы стоит приветствовать (кстати, тремя годами ранее В.В. Бовыкин опубликовал исследование, которое легло в основу рецензируемого – «Местное самоуправление в Русском государстве XVI в.» [4]. Уже тогда мы обратили внимание на оригинальные выводы, сделанные автором, и с тем большим интересом прочитали новую монографию).

Насколько успешно удалось исследователю решить поставленную задачу, решать, конечно, читателю, которого стоит, правда, предупредить: монография написана непростым языком, требующим определенной подготовки и терпения. Насыщенная обильным фактическим материалом, затрагивающая порой, казалось бы, довольно удаленные от основной темы вопросы, она требует внимательного, вдумчивого прочтения – что называется, «с карандашом в руках». Не ставя перед собой задачу пересказывать содержание работы, как и в предыдущей своей рецензии [13], хочу заострить внимание читателей на тех главных, на мой взгляд, выводах, которые получил автор монографии, а также высказать ряд родившихся в результате обдумывания прочитанного соображений.

Два тезиса, которые озвучил автор исследования в заключение своей работы, заслуживают, на мой взгляд, первостепенного внимания (обратим внимание на то обстоятельство, что эти тезисы, эти выводы подкреплены результатами анализа обширного круга использованных в процессе изучения проблемы самых разнообразных источников, и оттого не выглядят легковесными, упрощенными). Первый из них заключается в том, что, по мнению автора, в середине 50-х гг. XVI в. и даже несколько ранее, если вести отсчет реформ земского самоуправления от первых губных грамот 30-х гг. того же столетия, власть, столкнувшись с проблемой «устройства» государства и общества (и как тут не вспомнить выдвинутый петербургским же историком М.М. Кромом тезис о некоем «аристотелизме» московской внутренней «политики» той эпохи как стремлении к достижению общего блага, правильному «устройению» «дела государственного и земского» [11]!), пошла навстречу требованиям «земли». «Центр постепенно «поворачивался лицом» к вопросу внутреннего обустройства государства, – пишет историк, – к проблеме земского устройства» [5, с. 382]. И, поворачиваясь лицом к нуждам «земли», откликаясь на ее челобитные, центр в конечном итоге пошел на

весьма серьезные уступки последней. Столкнувшись с тем, что государев административный аппарат (наместники, волостели и пр.) не справляются с растущей волной преступности, власть пошла на то, чтобы передать «земле» сперва судебные полномочия, а затем и расширить сферу деятельности земского самоуправления за счет делегирования ему прав на самостоятельное разрешение целого ряда хозяйственных и связанных с ними фискальных вопросов. «Потенциал и способности русского общества с его древними традициями самоуправления оказались востребованы государством», – отмечает автор, при этом «вся организационная, прикладная и практическая часть дела была отдана на откуп местной инициативе. За Москвой же оставалось право на руководящие и контролирующие функции» [5, с. 384]. При этом, подчеркивает исследователь, уже «к началу 1550-х гг. земское самоуправление в масштабах страны – *системное явление*, продукт *совместного творчества* масс и властной элиты (курсив мой – В.П.)...» [5, с. 384], т.е. работа по «устроению» шла одновременно и сверху, и снизу.

Из этого тезиса вытекает и другой, не менее важный: по мнению автора монографии, «мероприятия по реформированию местного управления в 1550-е гг. представляются осознанными как необходимость *системными* действиями (курсив мой – В.П.)...». Можно, конечно, поспорить с автором относительно степени системности «реформирования» местного, «земского» самоуправления: системность предполагает определенный уровень теоретизации, осмысления накопленного прежде опыта и, как следствие, определенного плана реформ. Но сохранившиеся источники об этих аспектах реформы ничего не говорят и, на наш взгляд, речь, скорее всего, стоит вести о шагах, продиктованных насущными потребностями и вытекающих из прежней административной практики. Однако трудно не согласиться с его утверждением, что «делегируя им [“земствам”] новые властные полномочия, одновременно *конституируя традиционные, устойчивые институты самоорганизации и самостоятельности* (курсив мой – В.П. На этот момент “реформы” стоит обратить особое внимание!), центральная власть как будто бы пыталась сформировать из этих архаичных структур адекватного “партнера-соправителя”» [5, с. 384].

И вот тут возникает закономерный вопрос: а почему, собственно, «как будто бы пыталась сформировать»? Власть, если действительно желала навести порядок в стране, «устроить» и «дело государево», и «дело земское», неизбежно оказывалась перед проблемой – как добиться этого «устройства»? Попытка «устроить» общество через традиционный институт наместничества-волостельства и кормления, как показывал опыт, не привела к желаемым результатам, напротив, только усилила противоречия между «землей» и Москвой. Можно, конечно, было попробовать «закрутить гайки» еще больше, нарастить бюрократическую мускулатуру и пресловутый «административный ресурс», но для этого нужны были и деньги, и люди, и соответствующий опыт, не говоря уже о времени. Но ни того, ни другого, ни третьего у Москвы не было.

Здесь стоит обратить внимание на соображения, высказанные уже упомянутым М.М. Кромом относительно характерных особенностей московского бюрократического аппарата (речь идет о его центральном звене – формирующейся столичной приказной бюрократии, которая, собственно, институционализируется параллельно с процессами земских «реформ»). Историк отмечал, во-первых, что в 30-е – 40-е гг. XVI в. московской бюрократической практике не было свойственно ведение централизованного учета исходящих документов; а во-вторых, сам по себе формирующийся приказной аппарат был «маломощен» (особенно это заметно на фоне развитых бюрократий того времени – французской или испанской – В.П.) [10, с. 364-365, 366, 374-375]. С чем связана эта «маломощность», проявлявшаяся и в неразвитости бюрократической техники (отсутствие централизованного учета – один из характерных ее признаков), и в малочисленности приказного аппарата во все времена – вопрос чрезвычайно интересный и дискуссионный (в порядке рабочей гипотезы мы бы предположили, что, с одной стороны, сказалось отсутствие, по словам В.М. Живова, «римской прививки» [7, с. 295-296], а с другой – отмеченный, к примеру, Л.В. Миловым, «минимальный объем совокупного прибавочного продукта», связанный с суровыми и в целом неблагоприятными условиями для полноценного развития аграрного сектора экономики. Отсюда, как следствие, «крайне неблагоприятные условия для формирования государственной надстройки над компонентами базисного характера» [12,

с. 562]). Так или иначе, но, похоже, особого выбора у Москвы не было, и это отсутствие сколько-нибудь серьезной альтернативы было осознано правящей верхушкой (во всяком случае, той ее частью, которая определяла курс «правительства» с середины 30-х гг. XVI в.). Поняв же невозможность действовать в рамках прежнего курса, правящая элита неизбежно должна была попытаться сыскать некую силу, способную компенсировать слабость бюрократической машины.

Этой силой и стала «земля» с ее опытом самоуправления, пусть и архаичным. И снова процитируем В.В. Бовыкина: «В результате комплекса реформ местное самоуправление фактически получило признание центральной власти как своего alter ego...» [5, с. 384-385]. На наш взгляд, весь смысл «реформ» «земского» самоуправления во 2-й половине 30-х – 50-х гг. XVI в. как раз и заключался в том, чтобы не создавать нечто новое и потому подозрительное (московское общество той эпохи было все же средневековым, чрезвычайно консервативным по своему мироощущению и к новшествам относилось с подозрением). Задача как раз и состояла в том, чтобы «конституировать» уже существующую практику, ввести ее в некие законные рамки, освятить ее авторитетом верховной власти, придать ей вполне определенный социальный и политический статус. В этом плане весьма любопытна интерпретация пассажа Ивана Грозного из его послания шведскому королю Иоганну III относительно статуса волостного старшины, сделанная автором монографии. В.В. Бовыкин подчеркивает в своем исследовании, что русский царь, «предприняв попытку «высмеять» низкое происхождение новой династии шведских королей», однако ж «одновременно вознес и в их глазах, и в своих собственных, и перед всеми, кто имел удовольствие ознакомиться с текстом [послания], достоинство волостного старосты...» [5, с. 330].

Стоит обратить внимание на еще один пассаж В.В. Бовыкина, суть которого в том, что Москва, выстраивая новую систему управления с опорой на «землю», экспериментировала одновременно с несколькими институтами местного самоуправления и, «находясь над схваткой (конкуренцией этих институтов – В.П.), правительство имело возможность сравнивать разные ветви местной власти, их потенциал, определить, какая из них в большей степени соответствует его представлениям о должной

организации управления» [5, с. 385]. С одной стороны, на наш взгляд, такая политика властей свидетельствует как раз об отсутствии той самой системности, продуманности реформы (сперва план реформы, а потом сама реформа), а с другой – о стремлении этой власти найти действительно эффективный механизм взаимодействия с «землей», при котором учитывались бы интересы и «дела государева», и «дела земского». И похоже, что власти удалось решить эту проблему более или менее удовлетворительно. «Насилия в средневековом мире было предостаточно, – пишет историк, – но не на нем одном строилось государство и структурировалось общество. Никакая власть не может держаться только на одном насилии и подавлении. Есть и был более значимый фактор – консенсус власти и общества, земли и государства ...» [5, с. 385].

Не случайно я выделил именно эти слова: долгое и сопряженное с великими испытаниями и потрясениями правление Ивана Грозного не знало столь же великих социальных потрясений и движений, мятежей и бунтов, в отличие, к примеру, от столь же долгого правления «Тишайшего» Алексея Михайловича. Быть может, в выделенных словах и скрывается ответ на эту загадку? Во всяком случае, актовые материалы, сохранившиеся со времен Ивана Грозного, наглядно показывают всю силу крестьянского «мира» (да и не только его одного) – организованного, хорошо вооруженного, осознающего свои интересы и готового отстаивать этот интерес всеми способами, законными и незаконными. И эта «тишина» свидетельствует лучше всяких иных свидетельств, что в той или иной степени, но консенсус между государством и «землей» (во всяком случае, ее наиболее влиятельной и могущественной частью, способной повести за собой остальных) в вопросах управления был достигнут. А это значит, что конечная цель «реформы», «устройство» государства и общества, была достигнута.

Но как в таком случае воспринимать фразу С.Б. Веселовского, который отрицал за Иваном Грозным наличие мудрости и государственных талантов на том лишь основании, что после отстранения в начале 60-х гг. XVI в. от власти «непошленных советников» из пресловутой «Избранной рады» «до самых последних лет его [Ивана] сколько-нибудь значительных реформ не было» [6, с. 147]? А может быть, все было намного проще – к началу 60-х гг. сложился вполне эффективный и работоспособный

консенсус «земли» и государства, основанный на четком разделении полномочий и компетенции «внизу» и «наверху»? Прочитав В.В. Бовыкина: «Профилактика преступности и организация борьбы с ее наиболее общественно опасными проявлениями – разбоями, отправление правосудия, раскладка и сбор податей – чрезвычайно сложные вопросы внутренней политики. Как оказалось, эффективно решать эти вопросы в Русском государстве XVI в. было под силу лишь местному самоуправлению, в лице своих органов, наделенных соответствующим статусом и облеченных доверием как правящей элиты, так и “простого всенародства”»...» [5, с. 386]. Но если этот консенсус работает, справляется со своими задачами, то зачем его пытаться и дальше реформировать и исправлять? Быть может, как раз именно в этом и заключается истинная государственная мудрость и талант – в том, чтобы не трогать того, что работает (мысль, к сожалению, и пой сей день не доходящая до сознания многих «реформаторов»). И тогда выходит, что маститый историк явно поторопился, сделав такой вывод (впрочем, это и неудивительно, учитывая общее негативное отношение либерального крыла отечественной историографии к Ивану Грозному).

Завершая эту рецензию, отметим, что В.В. Бовыкин в своих выводах не одинок. На память приходит мысль отечественного историка В.А. Аракчеева, так же как и В.В. Бовыкин, занимающегося проблемами земского самоуправления в Русском государстве в XVI–XVII в. Он писал, что «земская реформа в свете новых источников никак не выглядит антитезой монархическому государству и его институтам. Сохранившиеся до нашего времени комплексы актов земского документооборота свидетельствуют прежде всего о проникновении государственного аппарата в толщу земских миров, чьи усилия были бюрократизированы и поставлены под контроль и учет (но никак не отменены – В.П.)...» [3, с. 412]. И как тут не вспомнить концепцию «земско-служилого государства» Ю.Г. Алексеева [2, с. 431–433], и высказывание академика Н.Н. Покровского. Последний писал, что при Иване III «система власти базировалась не на единственном понятии «государство», а на двух понятиях – «государство» и «общество», на продуманной системе не только прямых, но и обратных связей между ними... Центральная государственная власть того времени не была в состоянии доходить до каждой отдельной личности;

исполняя свои функции, она должна была опираться на эти первичные социальные общности (крестьянские и городские общины, дворянские корпорации–“города” и пр. – В.П.). Но это автоматически означало серьезные права таких организмов, их немалую роль в политической системе всей страны...» [1, с. 5–6].

Принимая во внимание эти идеи и соглашаясь в целом с ними, от себя добавлю, что это «земско-служилое» государство, зародившись при Иване III, при его внуке принимает свои законченные формы. Эти формы позволили Русскому государству сперва устоять в войне на два фронта против Великого княжества Литовского (а затем Речи Посполитой) и Крымского ханства, а позднее выжить в Смуту. В таком случае ни о какой пресловутой «самодержавной революции», якобы своротившей Русскую землю с «европейского» (читай – «верного») пути развития и речи быть не может. И понимание государственной работы как общего дела монарха и подданных не только никуда не исчезло, но, напротив, продолжило свое существование (кстати, в этом случае стоит обратить внимание на Земский собор 1566 г.) – события 1610–1613 гг. наглядное тому свидетельство.

Исследование В.В. Бовыкина интересно не только оригинальными выводами, но и теми перспективами, которые открываются при внимательном, «с карандашом», чтении работы. Например, как взаимодействовали крестьянские «миры» черных волостей с помещиками, получившими поместья в такой волости? Или насколько учитывались местные традиции и обычаи в процессе реформирования земского самоуправления и приведения его к определенному, удобному для московских властей, «стандарту»? Сам автор монографии, похоже, этот вопрос проработал лишь в общих чертах, схематически. Во всяком случае, он, соглашаясь с мнением С.А. Шумакова о том, что губные учреждения впервые появились на Псковщине и Новгородчине потому, что здесь традиции самоуправления были развиты изначально, далее сам же и отмечает, что «ни в одной губной грамоте мы не увидим сколько-нибудь внятных инструкций, которым должны были следовать многочисленные адресаты... Законодатель, по-видимому, совершенно нечего было сказать по этому поводу, и он всю организационную, прикладную и практическую часть дела отдал на откуп местной инициативе...» [5, с. 180, 184–185]. Но совершенно очевидно, что

при всей схожести обычаев и традиций все же была определенная разница между Псковом и, к примеру, Рязанью или Суздалем. Учитывая уже отмеченный выше тезис Л.В. Милова о проблемах, связанных с формированием властных структур, можно с уверенностью сказать, что, несмотря на отсутствие сколько-нибудь внятных свидетельств относительно характера местного самоуправления на Руси где бы то ни было за пределами Пскова и Новгорода, оно не только существовало до реформ Ивана Грозного на той же Рязанщине. Более того, оно еще и имело опыт, достаточный для того, чтобы с ходу взять на себя те полномочия, которые была готова передать под его юрисдикцию Москва, и успешно управляться с внезапно упавшей «сверху» ответственностью.

Литература

1. Алексеев, Ю.Г. Государь всяя Руси. Новосибирск: Наука, 1991. 240 с.
2. Алексеев, Ю.Г. Судебник Ивана III. Традиция и реформа. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 447 с.
3. Аракчеев, В.А. Власть и «земля». Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI – начала XVII века. М.: Древлехранилище, 2014. 512 с.
4. Бовыкин, В.В. Местное самоуправление в Русском государстве XVI в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. 421 с.
5. Бовыкин, В.В. Очерки по истории местного самоуправления эпохи Ивана Грозного. СПб.: ГП ЛО «ИПК Вести», 2015. 423 с.
6. Веселовский, С.Б. Московское государство XV–XVII вв. М.: АИРО-XXI, 2008. 384 с.
7. Живов, В.М. История русского права как лингвосомиотическая проблема // Живов В.М. Разыскания в области истории и предьстории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 187-305.
8. Карацуба, И.В., Курукин, И.В., Соколов, Н.П. Выбирая свою историю. «Развилки» на пути России: от юриковичей до олигархов. М.: КоЛибри, 2005. 638 с.
9. Корчмина, Е.С. «Многие миллионы государственной казны в неизвестности находятся»: недоимки по подушной подати в 1720–1760-х годах // Российская история. 2013. № 5. С. 77-91.
10. Кром, М.М. «Вдовствующее царство»: политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 888 с.
11. Кром, М.М. К пониманию московской «политики» XVI в. // Одиссей: человек в истории. 2005. Время и пространство праздника. М., 2005. С. 283-303.
12. Милов, Л.В. Великорусский пахарь и особенности великорусского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 2002. 576 с.

13. Пенской, В.В. «Тема без исследования» // Научный результат: Сетевой научно-практический журнал. Сер. Социальные и гуманитарные исследования. 2015. Т. 1. № 2(4). С. 76-83.

14. Янов, А.Л. Россия: у истоков трагедии. 1462–1584. Заметки о природе и происхождении русской государственности. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 559 с.

References

1. Alekseev, Yu. G. *Tsar of All Russia*. Novosibirsk: Nauka. 1991. 240 p.
2. Alekseev, Yu. G. *Code of Law of Ivan III. Tradition and Reform*. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. 2001. 447 p.
3. Arakcheev, V. A. *Power and «Earth». Government Policy in Respect of Taxpaying Estates in Russia in the Second Half of XVI – Beginning of XVII Century*. Moscow: Drevlekhranilishche. 2014. 512 p.
4. Bovykin, V. V. *Local Self-Government in the Russian State in XVI Century*. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. 2012. 421 p.
5. Bovykin, V. V. *Essays on the History of Local Self-Government in the Era of Ivan the Terrible*. St. Petersburg: «IPK Vesti». 2015. 423 p.
6. Veselovskiy, S. B. *The Muscovite State in XV–XVII Centuries*. Moscow: AIRO-XXI. 2008. 384 p.
7. Zhivov, V. M. The History of Russian Law as a Linguistic and Semiotic Problem. *Researches in the Field of History and Prehistory of Russian Culture*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kulturi. 2002. Pp. 187-305.
8. Karatsuba, I. V., Kurukin, I. V. and Sokolov, N. P. *Choosing their Own History. «Forks» in the Russian Way: from Descendants of Rurik to the Oligarchs*. Moscow: KoLibri. 2005. 638 p.
9. Korchmina, E. S. «Many Millions of Public Coffers Are in the Dark»: Arrears of the Poll Tax in the 1720-1760-ies. *Rossiyskaya istoriya*. No. 5 (2013). Pp. 77-91.
10. Krom, M. M. *«The Dowager Kingdom»: the Political Crisis of 30-40^{-ies} of the XVI Century in Russia*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 2010. 888 p.
11. Krom, M. M. By Understanding the Moscow «Policy» of XVI Century. *Odyseus: Man in History*. 2005. *Time and Space of the Holiday*. Moscow. 2005. Pp. 283-303.
12. Milov, L. V. *Great-Russian Plowman and Features of the Russian Historical Process*. Moscow: ROSSPEN. 2002. 576 p.
13. Penskoj, V. V. «A Problem without Research». *Research Result: The Network Journal. Series: Social and Human Studies*. Vol. 1. No. 2(4) (2015). Pp. 76-83.
14. Yanov, A. L. *Russia: at the Origins of the Tragedy. 1462-1584. Notes about the Nature and Origin of the Russian Statehood*. Moscow: Progress-Traditsiya. 2001. 559 p.

УДК 008|19/20|

DOI: 10.18413/2408-932X-2015-1-4-76-81

Шведова И. В.

**ВИЗУАЛЬНО-ЦЕННОСТНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ
В КОНТЕКСТЕ ЭТНОХУДОЖЕСТВЕННОГО ОПЫТА**

Старший научный сотрудник. Белгородский государственный музей народной культуры
ул. Мичурина, д. 43, Белгород, 308002, Россия. E-mail: irinasventa@gmail.com

Аннотация

В статье ставится вопрос о специфике рассмотрения ценностных оснований культуры на основе анализа визуального восприятия в сочетании с философским осмыслением выделенных категорий. Автор обращается к визуальной составляющей народной культуры, выраженной в этнокультурных архетипах и использующейся в региональном материале вышивки, в том числе собранной в текстильных фондах Белгородского государственного музея народной культуры. На отобранном графическом материале символики проводятся параллели с высшими триадами универсальных ценностей, выделенных Г. Риккертом. Исследование, в частности, опирается на концепцию Ж. Делеза, представившего процесс познания истины как повседневный опыт расшифровки знаков, на вершине иерархии которых находятся произведения искусства. Единство материального знака и духовного смысла, присущее произведению искусства, свойственно традиционному языку народной художественной культуры, с давних времен являвшемуся выразителем и указателем некоего ее «общего места». В условиях «визуального поворота» в XXI в., по мнению автора, использование данного метода открывает новые перспективы полноценного включения этнохудожественного опыта в творческую и бытийную повседневность человеческой жизни.

Ключевые слова: культура; традиция; ценности; художественный опыт; визуальный поворот; этнокультурные архетипы; этнохудожественный опыт.

Shvedova I. V.

**VISUALLY-VALUE SPACE OF CULTURE IN THE CONTEXT
OF ETHNO-ART EXPERIENCE**

Senior Researcher. Belgorod State Museum of Folk Culture
43 Michurina St., Belgorod, 308002, Russia. E-mail: irinasventa@gmail.com

Abstract

The article raises the question of consideration of the specifics of valuable cultural grounds on the basis of the analysis of visual perception, combined with the philosophical understanding of the selected categories. The author refers to the visual component of folk culture, expressed in ethnic and cultural archetypes and used in regional embroidery materials, including textiles collected by the funds of Belgorod State Museum of Folk Culture. Through the selected graphic material, the author draws parallels between the symbols and the higher triads of universal values allocated by Rickert. The study, in particular, is based on the concept of G. Deleuze, who presented the process of knowing the truth as the everyday experience of decoding signs whose top hierarchy is represented by works of art. The unity of the material and the spiritual meaning of the sign, typical of any work of art, is peculiar to the traditional language of folk art and culture which has long been an expresser of a certain indicator of its «common place». In terms of the «visual turn» in the XXI century, according to the author, the use of this technique opens new prospects for a full inclusion of ethnoart experience in creative and existential everyday human life.

Keywords: culture; tradition; values; art experience; visual turn; ethno-cultural archetypes; ethno-art experience.

Наступивший век связан с так называемым визуальным поворотом в культуре. Предыдущий виток развития общества, сделавший его компьютерно грамотную часть мобильной

благодаря развитию технологий, накопил перегрузки восприятия и колоссальный переизбыток информационных массивов. Вместе с увеличением возможностей сократилось

количество свободного времени работающего человека. Особенностью зрительной адаптации к изменившимся условиям среды стал быстрый отбор сигнификатов, маркирующих содержание искомой информации при практически нулевом или вынужденно поверхностном восприятии остальной ее части. Данный фактор обусловил возникновение такого феномена, как фрагментарность восприятия, когда охват тенденций действительности и ее объективная оценка существенно затруднены или невозможны.

Тем не менее, пространство культуры, где растет и в формировании которого участвует человек, не перестает существовать как визуально-ценностная среда, имеющая свою структурную основу. Отличительной особенностью ее является знаковая сущность. Ключевые ориентиры в виде знаков сложились веками и в процессе реализации художественного опыта поколений выразились в этнокультурных архетипах как визуальных структурах, связанных с высшими ценностями. В частности, их удивительная сохранность читается даже в региональном материале текстильных коллекций фондов Белгородского государственного музея народной культуры, несмотря на то что данная

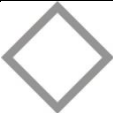
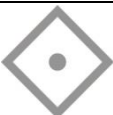
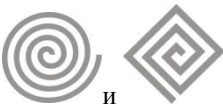
область исторически объединила переселенцев из разных уголков России.

Как ценностное пространство культура исторически рассматривалась неоднократно, и, в частности, в начале XX в. была достаточно широко рассмотрена в этом контексте представителями школы неокантианства. Так, В. Виндельбанд, сводя социальные проблемы к этическим, объявил дуализм мира действительности и мира ценностей «священной тайной», которая обнаруживает ограниченность человеческого познания и устремляет нас в сферу ценностей религиозных [1]. О символическом, игровом приспособлении к природному миру писал Э. Кассирер, выделивший у человека, наряду с рецепторной и эффекторной системами, развитую третью систему: символическую вселенную, в которой он постоянно существует наряду с физической [4].

Рассмотрим во взаимосвязи с этнокультурными архетипами две высшие триады всечеловеческих (универсальных) ценностей «истина-добро-красота» и «вера-надежда-любовь», выделенных Г. Риккертом [8], а также феномены жизни и свободы, также определяемые как ценности.

Таблица
Table

Ценности / Values	Этнокультурные архетипы / Ethno-cultural archetypes	Взаимосвязь с другими категориями / Interconnection with other categories
Истина		Творец (познание)
Добро		Творение (Алатырь, Благо)
Красота		Вселенная (Совершенное творение как результат)
Вера		Ведать-Ра: с Творцом и познанием (вера не слепа) Образ: со-вер-шенствование
Надежда		На-дія: с Благом, действием, процессом. Образ: Надежда – суть звезда
Любовь		Любо (Красота): с Творением как объектом Образ: Круг-объятие и объятие необъятного

Жизнь		1. Солнце – Энергия начальная
		2. Поле (пашня) – Созидание
		3. Зерно – Начало (и питание)
		4. Рожаница – Материнство
		5. Путь – как непрерывное движение
		6. Путь – как движение во взаимодействии двух начал
		7. Путь – как развитие
		8. Путь – как духовный рост
Свобода		Образ жизни: в вариациях от малого и ограниченного до великого (в подобии ему)

Первая триада – «истина-добро-красота» – связана с наивысшими архетипическими символами. Истина, через движение к ее познанию и через познание к совершенству, связана с образом Творца и выражена этнокультурным архетипом равностороннего креста.

Добро связано с творением как созидательным процессом и результатом, и может быть выражено этнокультурным архетипом восьмилепестковой цветочной розетки с вписанными в нее изображениями прямого и косоугольных крестов. Это изображение, широко распространенное в символике разных народов, в русской вышивке имеет названия «алатырь», «круг», «благо», «зирка», ассоциируется со звездой, почти повсеместно известно в общем значении «Благо», а также считается символом семьи. Взаимосвязь с понятием семьи как творения неслучайна, если

рассмотреть вкладываемое в него значение, идущее от народной традиции. В кратком рассмотрении семья – это освященный Богом (равносторонний крест Творца) союз (косой крест, обозначающий в символике вышивки жену и мужа), который порождает дальнейший расцвет жизни-творения (лепестки из центра).

Красота связана с понятием созерцания совершенного творения, чему ничто не мешает его многоаспектность и очевидная субъективность индивидуального восприятия. В масштабах как совершенное Творение может рассматриваться Вселенная с ее бесчисленным разнообразием природно округлых форм. В народном представлении красота связана в равной мере с образами будущей плодovitости девушки-невесты и засеянной пашни, выражена красным цветом и всевозможной цветочно-плодовой растительной символикой, а

восьмилепестковый цветок-«алатырь» («Благо»), являясь и стилизованным образом мальвы в вышивке, также имеет одно из названий – «круг». Таким образом, в наиболее общем графическом выражении совершенное творение справедливо представляет круг.

Вторая триада универсальных ценностей – «вера-надежда-любовь» – в рассмотрении взаимосвязи с этнокультурными символами, непосредственно связана с первой. Вера связана с архетипом Творца и равноконечным крестом, поскольку вера не слепа, если связана с со-вершенствованием (стремлением к совершенству) и знанием (см. древнеславянское «ведать-Ра»). Постулированная с приходом христианства как фундамент жизни здесь, на земле [7], вера представляет древний культовый символ равноконечного креста, с крестной смертью Спасителя воплотивший победу живого Бога над всеми четырьмя земными стихиями, «смертию смерть поправшего».

Надежда связана с Благом, действием, процессом. Надежда вдохновляет деяния (см. состав слова «на-де-ж-да»: «на деяние жизни даяние»; украинское: «на-дія»). В литературе широко распространен ее образ как путеводной звезды, «зирки», что также графически и процессуально тождественно искре Творения: вышитой звезде-«алатырю» – и памяти Первокамня русских сказок и заговоров, после удара о который исполнялось загаданное.

Любовь (см. значение «любо») связана с Красотой в ее индивидуальном понимании, представляющем нечто совершенное для каждого: Творение как объект благоговейного созерцания, познания, объятия, осознания невозможности объять необъятное. Образ выводит на круг – символ вселенского, гармонического, природного первообраза. Круг существует также во взаимосвязи со свадебной символикой, как то: «Любовь – кольцо, а у кольца начала нет и нет конца» (из песни).

Ценность «жизнь» не признаваема абсолютной, и объяснением этому в традиционной народной культуре в немалой степени служит многоаспектность самого выражения этого понятия. Рассмотрим процесс графически-понятийного выражения жизни в региональной вышивке, исходя из ряда логического развертывания отобранных фигур. Их можно условно разделить на две группы: первая выражает суть рождения жизни (см. в табл. 1 символы с номерами 1–4), вторая – движения (см. в табл. 1 символы 5–8). Во-первых,

начало жизни связано с солнечной энергией созидания: пустой ромб на резных полотенцах северных русских изб, на многочисленных рушниках и тканых праздничных пеленках младенцев именуется в народной традиции Оком Божиим, означая весенний взгляд солнца на землю и пробуждение природы как начало божественного действия. Так называемое утро жизни и ее «чистый лист», когда все еще впереди.

Второй этап обозначает возделанное поле – пашню, представленную ромбом, уже расчерченным двумя идущими крест-накрест линиями. Полученными малыми квадратами обозначены «гнезда» для будущих зерен. В философском смысле фигура может трактоваться как созидание и начало исполнения жизненного или божественного плана.

Третий этап: это готовая пробудиться жизнь уже засеянного поля, которую графически представляет квадрат пашни с точкой – зерном. Выражает образ ожидания всходов «посеянной» идеи и одновременно питания почвы. Этап связан также с христианским пониманием идеи «умирания зерна», дающего новую жизнь, образ жертвенного служения.

Четвертый аспект понимания жизни тесным образом связан с предыдущей – это исходящий из времен солярного культа образ Рожаницы, обозначивший Великую мать сущего [2, с. 7-36]. В наиболее узнаваемом изображении Рожаницы (в позе рожавшей женщины) божественное начало фигурирует прежде всего в виде «солнечного ромба» – головы, далее угадываются воздетые кверху руки, ноги в виде двух мощных идущих в стороны завитков; снизу уже проглядывает начало новой жизни – наиболее обобщенно представленное в виде половинки ромба, а в других вариантах – в виде цветка или даже антропоморфной фигурки, обычно подобной материнской (Рожаницы мать и дочь [см.: 9, с. 483]). В символической композиции здесь присутствуют и связь с высшим (моление о благословении), и великое жертвенное усилие, и реализация идеи бесконечного движения жизни через ее повторение в новом образе.

Пятый аспект представляет один из самых популярных мотивов вышивки: линейный ход жизни как вечного движения, выраженный в различных региональных вариантах меандровых орнаментов (так называемых «бесконечников»). Это может быть как сам меандр, так и простая волно- или зигзагообразная линия, вдоль которой идут солярные или же растительные символы в чередующихся фазах своего роста и умирания.

Шестой аспект – движение жизни во взаимодействии двух начал, мужского и женского, в народном орнаменте выражается известным солярным символом – свастикой, именуемой в великорусских вышивках «ярга» [5] (славянское «яр-га» – дорога Ярилы).

Седьмой аспект жизненного движения выражает идею процесса развития, разворачивающегося из начальной точки линией спирали (в народной вышивке распространен ее ромбический вариант).

Интересной графической формулой в региональном варианте вышитого и тканого орнамента представлена «лестница» восхождения духа: утончающиеся и все более разреженные полосы «земной тверди» на рушнике постепенно как бы исчезают в белизне «тверди небесной» – его белой невышитой середине. Эта середина считается традиционно «божьим местом» (на него еще в дохристианские времена ставили молодых для родительского благословения на будущее супружество). Таким образом, можно достаточно легко представить еще один аспект жизненного пути – духовный, когда человек становится более добродетельным, возвышенным, утонченным в своем восприятии мира, или, если в христианском контексте, – ангелоподобным.

Свобода как ценность в этом визуализированном символами жизненном процессе угадывается не сразу. Возможная в разной степени своей обусловленности тем или иным образом (и фазой) жизни, она весьма относительна по сути. Но при внимательном взгляде на рассмотренные символы свобода обнаруживает две крайние точки своей качественной природы: от зерна, ограниченного со всех четырех сторон и только проглядывающего сквозь оболочку, до состояния открытой точки Вселенной, растущей, осознающей свое богоподобие. Когда зарождается свобода как «осознанная необходимость» (Б. Спиноза) [10].

Сущность человеческого бытия-в-мире-знаков подробно рассматривалась Ж. Делёзом, который, опираясь на Пруста, представил человеческую жизнь как опыт повседневного познания истины, «мирского обучения», перманентной герменевтической практики [3]. Мир здесь представлен не просто совокупностью знаков, принудительно требующих расшифровки, а еще и их иерархией, на вершине которой находятся знаки художественные – то есть, произведения искусства. Они превосходят другие знаки, т.к. представляют собой «единство

материального знака и абсолютно духовного смысла», делая отсыл не к материальному предмету, но к его духовной сущности. В этом их отличие от множества других знаков – чувственных, любовных, светских. Познание истины через страдательные истины искусства признается наиболее эффективным: «Произведение искусства стоит большего, чем философский трактат, ибо развертываемое в знаке – глубже любых ясно выраженных значений. То, что нам причиняет страдание – богаче всех результатов нашей добровольной или сосредоточенной работы, т. к. то, что «вынуждает мыслить» – более значимо, чем сама мысль» [3, с. 108]. Таким образом, к повседневному познанию мирских истин мы приходим через переживание. «Сама вещь» становится бесконечным заданием переживания, трансцендентальным горизонтом обнаружения другого [6]. Не углубляясь далеко в природу возникновения переживания, его непосредственность или опосредованность чем-либо, признаем совершенно явным одно: его сущность неизменно связана с тайной, как тайна – с жаждой познания. Его загадочность становится тем, что загадано в опыте.

Как и опыт в целом, выступая одним из важнейших инструментов познания мира, художественный опыт представляет собой отдельный феномен. Во-первых, он существует как чувственно-эмпирический процесс, в котором задействованы созерцание, эмоция и мотивация к сохранению. Во-вторых, художественный опыт, несомненно, существует как результат восприятия, способный аккумулироваться у своего носителя. В-третьих, существует собственно носитель художественного опыта, который способен его аккумулировать и передавать. Художник по отношению к этой триаде сегодня рассматривается главным образом как владеющий художественным языком выразитель опыта, продукт творчества – как непосредственный конгломерат (культурный текст) этого опыта, а зритель-восприимчик – как возможный его транслятор. В роли носителей художественного опыта могут выступать как художник, так и зритель, и различие, пожалуй, лишь в том, как каждый из них этим опытом способен распорядиться. С позиции субъектно-объектных отношений творческим субъектом выступает художник, а объектом – вся материально-предметная реальность, способствующая процессу формирования художественного опыта, в контексте данного исследования – этнохудожественного опыта традиции.

Подходы художника древности и современного творца к продукту своей работы, несомненно, различны. Но нельзя не видеть сегодня неубывающего стремления к переосвоению языка традиционной народной художественной культуры, выражению его основ в искусстве теми или иными способами. Первые попытки «возвращения в детство восприятия» человечества со стороны наивного искусства рядом с крушившим все авангардом начала XX века, постулаты появившихся позднее «экологических» стилей искусства [11], дизайна и моды в противовес предложениям урбанизации и, наконец, феномен этнофутуризма в его уже существующей культурно-исторической перспективе – все это можно было бы назвать возвратными тенденциями, но рассматривать их уже следует на новом витке спирали общественного развития, со всеми особенностями и складывающимися взаимосвязями. Возможно, именно здесь закладывается начало полноценного включения этнохудожественного опыта в бытийную повседневность человеческой жизни.

Традиционному языку народной художественной культуры, выразителю и указателю ее «общего места», исторически свойственны наглядность, конкретность, целостность и лаконизм. Его вариативность, как продукт творчества некогда отдельно существовавших этнических локусов, в сравнении графем основных этнокультурных архетипов аналогична диалектному разнообразию речи, в которой читается как первообраз, так и его творческая разработка поколениями безымянного авторства. И если рассматривать этот художественный опыт как способ бытия человека [6], а искусство – как «выражение того языка, на котором происходило выражение реальности и самовыражение художника» [6, с.180], то становится понятным подспудное современное стремление к переоткрытию этого языка. Ибо не было и не существует ничего более естественного для человечества еще от зари его времен, чем эмпирическое переживание действительности и любование ее красотой, критерии которой определяемы индивидуально, но всегда наличествуют, задавая начальную искру процессу познания. И опыт в этой цепочке, как переживание, не просто меняет индивидуума, но служит необходимой пищей категориям сознания и тела, в терминах которых он онтологически определен.

Литература

1. Виндельбанд, В. Философия культуры. Избранное. М.: ИНИОН, 1994. 350 с.
2. Городцов, В.А. Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве // Труды

Государственного исторического музея. Вып. 1. М., 1926. С. 7-36.

3. Делёз, Ж. Марсель Пруст и знаки. Сб. статей. СПб.: «Алетейя», 1999. 189 с.
4. Кассирер, Э. Философия символических форм. Т. 1. М.–СПб.: Университетская книга, 2002. 272 с.
5. Кутенков, П.И. Великорусская женская сряда (одежда). Сядемская и вяземская крестьянская родовые культуры (середина 19 – начало 20-го в.). Кн. 1. Ч. 1. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2010. 288 с.
6. Лехциер, В.Л. Введение в феноменологию художественного опыта. Самара: Изд-во «Самарский университет». 2000. 236 с.
7. Николай Охридский, епископ. Символы // Къ Свету. Вып. 17. М.: ОАО Типогр. «Новости». 1995.
8. Риккерт, Г. Границы естественнонаучного образования понятий: логическое введение в историю науки. СПб.: Наука, 1997. 532 с.
9. Рыбаков, Б.А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981. 406 с.
10. Спиноза, Б. Этика. Минск: «Харвест»; М.: АСТ, 2001. 336 с.
11. Шведова, И.В. (автор-составитель). Искусство во времени: синхронизация событий отечественной истории и истории изобразительного искусства; древо стилей и направлений: методическая копилка. Белгород: ИД «Белгород», 2012. 82 с.

References

1. Windelband, W. *Philosophy of Culture*. Favorites. Moscow: INION. 1994. 350 p.
2. Gorodtsov, V. A. Dacian and Sarmatian Religious Elements in Russian Folklore. *Works of the State Historical Museum*. Iss. 1. Moscow. 1926. Pp. 7-36.
3. Deleuze, J. *Marcel Proust and Signs*. St. Petersburg: Aleteiya, 1999. 189 p.
4. Cassirer, E. *Philosophy of Symbolic Forms*. Vol. 1. Moscow and St. Petersburg: Universitetskaya Kniga. 2002. 272 p.
5. Kutenkov, P. I. *Russian Women's «Sryada» (Clothing). Syademskaya and Vyazemskaya Peasant Generic Cultures (Mid 19th – Early 20th century.)*. Book 1. Part 1. St. Petersburg: Edition of St. Petersburg State University Faculty of Philology and Arts. 2010. 288 p.
6. Lekhtsier, B. L. *Introduction to the Phenomenology of the Artistic Experience*. Samara: Samara University Publishing House. 2000. 236 p.
7. Ohrid Nicholas, bishop. *Symbols. K Svetu*. Iss. 17. Moscow: JSC Typography «Novosti». 1995.
8. Rickert, H. *The Boundaries of a Natural-Science Formation of Concepts: a Logical Introduction to the History of Science*. St. Petersburg: Nauka. 1997. 532 p.
9. Rybakov, B. A. *Paganism of the Ancient Slavs*. Moscow: Nauka. 1981. 406 p.
10. Spinoza, B. *Ethics*. Minsk: «Kharvest»; Moscow: AST. 2001. 336 p.
11. Shvedova, I. V. (Composer). *Art in Time: Synchronization of Events of National History and History of Art; a Tree of Styles: Methodical Bank*. Belgorod: Publishing House «Belgorod». 2012. 82 p.